

ИСПЫТАЙ СУДЬБУ

ЖЕЛУДИЕ

18+

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ТРЕЙСИ ВУЛЬФ

Трейси Вульф
Желание
Серия «Young Adult.
Сумеречная жажда»
Серия «Жажда», книга 3

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67729266
Желание: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-169820-1*

Аннотация

«Желание» – третья часть серии, продолжение бестселлеров «Жажда» и «Искушение» Трейси Вульф.

Серия-бестселлер № 1 New York Times. Выбор Amazon в категории «Лучшая YA-книга месяца».

Самая популярная вампирская сага 2022 года. Для поклонников «Сумерек» и «Дневников вампиров».

Наверное, я достигла поворотной точки. Статус моих отношений превратился из запутанного в настоящую катастрофу. Как будто попытка окончить академию была недостаточно сложным для меня уровнем. Ах да, еще Кровопускательница решила сбросить на всех нас бомбу невероятных размеров...

С другой стороны, разве в Кэтмире бывает хоть один спокойный день?

Джексон стал холоднее зимы на Аляске. Круг расколот из-за моей предстоящей коронации. Ордер на арест за наши с Хадсоном предполагаемые преступления, вероятно, означает пожизненное тюремное заключение со смертельным нерушимым проклятием.

Нужно принять слишком много непростых решений. И я боюсь, что выживут не все.

Трейси Вульф – американская писательница, автор 64 книг в разных жанрах, некоторые из них стали бестселлерами по версии New York Times и USA Today. В прошлом преподавала английский язык и литературу, сейчас полностью посвятила себя писательству. Любит создавать загадочные и романтические истории с непростыми героями и крутыми героинями. Обожает вампиров, драконов и всяких жутких ночных тварей. Все свои книги написала в своем доме в Остине, Техас, где живет по сей день вместе со своей семьей.

Содержание

Примечание автора	8
Глава 0. Жизнь после смерти	9
Глава 1. Кто твоя пара?	15
Глава 2. Мои несчастные узы	24
Глава 3. Сохраняйте спокойствие и крылго	28
Глава 4. Эта чертова кровавая среда	32
Глава 5. Тупик	38
Глава 6. Повесть о двух вегах	45
Глава 7. Кажется, я не поняла этой шутки	50
Глава 8. Призракам не нужны грузовые такси, как и моему багажу	59
Глава 9. Я и те-кого-нельзя-называть	64
Глава 10. Опыт новых уз	72
Глава 11. Плохие парни – это самые лучшие парни	78
Глава 12. Вечные метания чистого разума	83
Глава 13. Асоциальный инфлюенсер	93
Глава 14. Разговор с камнем	98
Глава 15. Маленькое соревнование между узами	106
Глава 16. Ты можешь убежать, но не можешь спрятаться	115
Глава 17. Противоречивые сигналы	120
Глава 18. Среди равных	129

Глава 19. Печаль любит одиночество	135
Глава 20. Ты остался в дураках	141
Глава 21. Мне тошно от того, что ты сделал с этим местом	152
Глава 22. Жажда странствий	161
Глава 23. Живи и дай полетать	168
Глава 24. Красавица и все чудовища	173
Глава 25. Следуй по дороге, пропитанной кровью	180
Глава 26. Почему у тебя не третья положительная?	183
Глава 27. Нас связала ложь	190
Глава 28. Сегодняшний прогноз: глубокая заморозка	195
Глава 29. Не бабушка, а гроссмейстер	202
Глава 30. Кому нужно правдоподобие, если есть возможность все отрицать?	207
Глава 31. Мне нужно отлучиться	214
Глава 32. Разговорами сыт не будешь	219
Глава 33. Нетфликс и напряжение	227
Глава 34. А ты думала, что у тебя психологические проблемы из-за отношений с отцом	238
Глава 35. Великанофобия	244
Глава 36. Как монстр на огонь	254
Глава 37. Это точно чары	263

Глава 38. Данные обещания, нарушенные обещания	269
Глава 39. Не все коту масленица	278
Конец ознакомительного фрагмента.	283

Трейси Вульф

Желание

Tracy Wolff
COVET

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящаю моему отцу с благодарностью за то,
что он поощрял меня развивать воображение и
заставил поверить, что я могу достичь всего, чего
пожелаю.*

*Посвящаю моей матери с благодарностью за то,
что она продолжала поддерживать и любить меня,
несмотря ни на что.*

Примечание автора

В этой книге описываются панические атаки, смерть и насилие, психологические пытки и заточение, а также содержится сексуальный контент. Надеюсь, что мне удалось обойтись с этими элементами осторожно, но, если вы считаете подобные темы тяжелыми, пожалуйста, примите это к сведению.

Глава 0. Жизнь после смерти

Это должно было произойти не так.

Как и все вообще. Впрочем, разве в этом году в моей жизни было хоть что-то, что происходило бы по плану? С той самой минуты, когда я приехала в Кэтмир, столь многое оказалось вне моего контроля. Так почему сегодняшней день и этот момент должны чем-то отличаться от всего прочего?

Я заканчиваю натягивать на себя лосины и поправляю юбку. Затем надеваю любимые черные сапоги и достаю из шкафа любимый черный блейзер.

Руки немного дрожат – честно говоря, немного дрожит все мое тело, – когда я просовываю их в рукава. Но, думаю, это естественно, ведь за последние двенадцать месяцев я уже в третий раз иду на похороны. Легче со временем не становится.

Прошло пять дней с тех пор, как я выиграла состязание.

Прошло пять дней с тех пор, как Коул разорвал узы соприкосновения между Джексонсом и мной и едва не уничтожил нас обоих.

Пять дней с тех пор, как я едва не погибла... и пять дней с тех пор, как погиб Зевьер.

Меня мутит, к горлу подступает тошнота, и секунду мне кажется, что сейчас меня вырвет.

Я начинаю глубоко дышать – вдыхаю через нос, выдыхаю

через рот, — чтобы подавить тошноту и унять панику. На это уходит несколько минут, но в конце концов и тошнота, и паника утихают в достаточной мере, чтобы я избавилась от ощущения, будто на груди у меня припаркована забитая под завязку грузовая фура.

Это не большая победа, но это уже кое-что.

Я делаю еще один глубокий вдох, застегивая латунные пуговицы блейзера, затем смотрю на себя в зеркало, чтобы удостовериться, что у меня пристойный вид. Да, так оно и есть... если вы готовы вольно толковать понятие «пристойный».

Мои карие глаза потускнели, кожа стала бледной. А мои нелепые кудряшки выбиваются из узла, в который я ценой немалых усилий сумела их собрать. Конечно, ведь горе не красит.

Хорошо хотя бы, что синяки, которые я заработала во время участия в Лударес, начали бледнеть и их первоначальный черно-фиолетовый цвет сменился неровным желто-лиловым, который синякам свойственно принимать перед тем, как они окончательно исчезнут. И мне немного легче от того, что Коул наконец-то исчерпал чашу терпения моего дяди и тот его исключил. Было бы неплохо, если бы в Техасской школе для сверхъестественных существ с преступными наклонностями, куда его отправили, ему пришлось столкнуться с еще худшим задирой, чем он сам... чтобы ему отплатили той же монетой.

Открывается дверь ванной, и в комнату входит моя дво-

юродная сестра Мэйси в халате и с полотенцем на голове. Мне хочется поторопить ее – ведь через двадцать минут нам нужно быть в актовом зале, где состоится прощание с Зевьером, – но я не могу этого сделать. Только не сейчас, когда у нее такой вид, будто ей больно даже дышать.

Я слишком хорошо знаю, каково ей сейчас.

И вместо того чтобы поторопить мою кузину, я жду, чтобы она что-нибудь сказала, но по пути к своей кровати, на которую я положила ее парадную школьную форму, она не издает ни звука. Мне тяжело видеть ее такой, и я знаю – ее синяки болят не меньше моих, только у нее они не на теле, а в душе.

С моего первого дня в Кэтмире Мэйси была весела и неугомонна, ее беззаботный нрав согревал мою душу рядом с мрачностью Джексона, ее энтузиазм был особенно заразителен рядом с сарказмом Хадсона, она была олицетворением радости, она дарила мне утешение в горе. Но теперь... теперь из ее жизни исчезли малейшие отблески света. Как и из моей.

– Тебе помочь? – спрашиваю я наконец, видя, что она продолжает смотреть на свою форму с таким видом, будто никогда не видела ее прежде.

Когда она поворачивается ко мне, ее взгляд кажется затравленным, голубые глаза пусты.

– Не знаю, почему я так... – Она делает паузу и прочищает горло, пытаясь избавиться от хрипоты, вызванной долгим

молчанием, и подавить печаль, сдавившую горло. — Я почти не знала...

На этот раз ее голос срывается, руки сжимаются в кулаки, на глазах выступают слезы.

— Не надо, — говорю я, крепко обняв ее, потому что знаю, каково это — изводить себя из-за того, что ты не можешь изменить, из-за того, что ты осталась жить после того, как те, кого ты любишь, погибли. — Не пытайся умалить свои чувства к нему только потому, что ты знала его не так уж долго. Важно не то, насколько долго ты знаешь человека, а то, *насколько хорошо* ты смогла его узнать.

Она содрогается, из ее груди вырывается судорожный всхлип, и я обнимаю ее еще крепче, пытаюсь забрать хотя бы частицу ее боли, хотя бы крупицу ее печали. Я пытаюсь сделать для нее то, что она делала для меня, когда я только приехала в Кэтмир.

Она обнимает меня так же крепко, как и я ее, и слезы текут и текут по ее лицу.

— Мне его не хватает, — наконец выдавливает она из себя. — Ох, как же мне его не хватает.

— Я знаю, — успокаиваю я ее, растирая ее спину. — Я знаю.

Она плачет навзрыд, ее плечи вздрагивают, тело дрожит, дыхание то и дело пресекается, и это продолжается несколько бесконечных, томительных минут. У меня разрывается сердце — из-за Мэйси, из-за Зевьера, из-за всего того, что привело нас к этому моменту, — и я едва сдерживаюсь, что-

бы не заплакать вместе с ней. Но сейчас черед Мэйси... а я должна заботиться о ней.

Наконец она отстраняется. Вытирает свои мокрые щеки. Смотрит на меня с улыбкой, которая не доходит до ее глаз.

– Нам пора идти, – шепчет она, в последний раз проводя ладонями по лицу. – Я не хочу опоздать на прощание с ним.

– Как скажешь. – Я улыбаюсь ей в ответ, затем отхожу в сторону и отворачиваюсь, чтобы она могла спокойно одеться.

Когда несколько минут спустя я поворачиваюсь к ней снова, у меня вырывается потрясенный вздох. Не потому, что Мэйси с помощью чар высушила и уложила свои волосы – к этому я уже привыкла, – а потому, что теперь они не ярко-розовые, а черные, как смоль.

– Это было неправильно, – бормочет она, поправляя их. – Ярко-розовый – это не очень-то траурный цвет.

Я понимаю, что она права, но все равно скорблю о последних крупницах, остававшихся от моей прежней, жизнерадостной и солнечной кухни. В последнее время мы все столько всего потеряли, и я не знаю, сколько еще мы способны вынести.

– Смотрятся они хорошо, – говорю я ей, потому что так оно и есть. Но этому не приходится удивляться – Мэйси смотрелась бы хорошо, даже если бы она сбрила волосы или они бы горели, а ни того ни другого с ними не произошло. Правда, с таким цветом волос она кажется еще более неж-

ной, еще более хрупкой.

– Но чувствую я себя совсем не хорошо, – отвечает моя кузина. Она уже надевает стильные туфли на низком каблучке и продевает сережки в бесчисленные дырочки в своих ушах. И опять пускает в ход волшебные чары – на сей раз чтобы избавить свои глаза от красноты и припухлости, вызванных слезами.

Теперь ее плечи расправлены, зубы сжаты, глаза печальны, но ясны.

– Давай сделаем это. – Даже ее голос тверд, и эта непреклонность заставляет меня сдвинуться с места и направиться к двери.

Я беру свой телефон, чтобы написать остальным, что мы уже выходим, но, открыв дверь, я вижу, что в этом нет нужды. Они все стоят в коридоре, ожидая нас. Флинт, Иден, Мекай, Лука, Джексон... и Хадсон. Одни травмированы больше, другие меньше, но у всех измученный вид – как и у нас с Мэйси, – и у меня теплеет на душе.

Дела обстоят хуже некуда – мне ли этого не знать, – но одно не изменилось. Эти семеро никогда не оставят меня в беде, а я не оставлю их.

Мои глаза встречаются с холодными темными глазами Джексона, и я не могу не признаться себе, что, хотя кое-что не изменилось, все остальное изменилось навсегда.

И я понятия не имею, что мне с этим делать.

Глава 1. Кто твоя пара?

Три недели спустя...

– Умоляю тебя. – Мэйси бросается на свою кровать, накрытую радужным стеганым одеялом, и смотрит на меня с мольбой в глазах. Я так рада видеть, что она наконец-то снова почти улыбается – впервые после прощания с Зевьером, – что невольно и сама улыбаюсь. Не в полную силу, но и это уже кое-что. – Ради всего святого, пожа-а-а-луйста, избавь этих парней от мучений.

– Это будет нелегко, – отвечаю я, уронив свой рюкзак на пол рядом с письменным столом и тоже плюхаясь на кровать. – Ведь в этих их мучениях виновата не я.

– Это вранье, причем колоссальное. – Моя кузина фыркает, затем приподнимает голову ровно настолько, чтобы я смогла увидеть, как она картинно закатывает глаза. – Именно ты – и притом на все сто пятьдесят процентов – виновата в том, что все последние три недели и Джексон, и Хадсон хандрят, тоскливо слоняясь по школе.

– По-моему, у Джексона и Хадсона есть масса причин хандрить и тоскливо слоняться по школе, и только половина этих причин связана со мной, – говорю я... и тут же начинаю жалеть о своих словах.

Не потому, что это неправда, а потому, что теперь я вынуждена смотреть, как чуть заметный румянец, окрасивший

было щеки Мэйси, постепенно исчезает. Сейчас она так не похожа на ту девушку, с которой я встретилась в ноябре, трудно поверить в то, что это на самом деле один и тот же человек. Ее волосы так и не обрели свой прежний веселый цвет, и хотя смоляной оттенок, который она придала им в день прощания с Зевьером, подходит к цвету ее кожи и ее голубым глазам, он совершенно не отражает ее внутренней сути. Он имеет отношение разве что к охватившей ее печали.

Я начинаю извиняться, но Мэйси поворачивается ко мне лицом и прет, как танк:

– Я хорошо знаю, как выглядит несчастный вампир, а сейчас поблизости бродят целых два таких вампира. И, к твоему сведению, их смертоносность и их трагический настрой – это весьма взрывоопасная смесь, я напоминаю тебе об этом на тот случай, если ты еще не заметила этого сама.

– Да заметила я, заметила. – Мне приходится иметь дело с этой смесью уже почти четыре недели, и у меня все время такое чувство, будто я играю в русскую рулетку, и на кон в этой игре поставлено не что иное, как счастье остальных.

К тому же, поскольку вселенной никак не надоеет измываться надо мной... похоже, Мэйси ошиблась, когда сказала мне, что Хадсон уже успел закончить школу, когда Джексон убил его. Выходит, что нет, он был близок к этому, но у него оказалось недостаточно баллов, поскольку он обучался у частных учителей вместо того, чтобы учиться в Кэтмире все четыре года. Мэйси была на несколько лет младше

него, так что она пропустила эту информацию мимо ушей – да и что она вообще могла знать? Ведь после его смерти никто в школе не произносил его имя. Так или иначе, теперь, куда бы я ни пошла, он был тут как тут. Как и Джексон. Оба они одновременно и составляют часть нашей компании и нет. Оба следят за мной глазами, в которых как будто ничего нет, но в глубине таится множество противоречивых чувств. Оба ожидают, что я скажу или сделаю... *что-то*.

– Я до сих пор не понимаю, как я оказалась сопряжена с Хадсоном, – бесцветным голосом говорю я. – Я думала, для возникновения уз сопряжения нужно этого хотеть или хотя бы быть не против. Разве это не так?

Мэйси улыбается.

– Очевидно, что ты испытываешь к нему *какие-то* чувства.

Я закатываю глаза.

– Благодарность. Я испытываю к нему благодарность. И я уверена, что этого совершенно недостаточно, чтобы с кем-то замутить.

– Выходит... – В глазах Мэйси пляшут веселые огоньки. – Выходит, ты все-таки подумывала о том, чтобы замутить с Хадсоном, да?

Я кидаю в свою кухню маленькую декоративную подушку, но она с легкостью уворачивается и смеется:

– Ну я знаю только то, что почти все в нашей школе готовы пойти на убийство, чтобы найти себе хотя бы одну пару. А ты

после своего приезда умудрилась отхватить не одного, а двух суженых, две пары, что вообще не лезет ни в какие ворота.

Мэйси поддразнивает меня, стараясь разрядить обстановку, развеселить меня, но из этого ничего не выходит.

Хадсон часто сидит с нами в кафетерии и на уроках. Хотя большая часть Ордена и Флинт продолжают настороженно следить за ним, он каким-то образом сумел завоевать симпатию моей кузины, причем для этого хватило задорной улыбки и одного ванильного латте.

Собственно говоря, она одна из немногих, кто винит Джексона в разрыве наших с ним уз сопряжения, и она не скрывает, что она на стороне Хадсона. Я не могу не гадать, поддерживает ли она его потому, что считает, что он для меня наилучший вариант, или же просто потому, что он не Джексон – тот парень, который настоял на схватке с Неубиваемым Зверем, которая привела к гибели Зевьера.

Как бы то ни было, в одном она права: рано или поздно мне придется что-то со всем этим делать.

Однако до сих пор я тянула, откладывала решение... хотя бы до того момента, когда у меня появится какой-то план. Почти все время после прощания с Зевьером я только и делала, что пыталась придумать, как исправить ситуацию – как наладить отношения между Джексоном и мной, между Джексоном и Хадсоном, между Хадсоном и мной, – но ничего не придумала. Земля подо мной превратилась в зыбучий песок, и от моих крыльев не так много проку, как можно

бы было ожидать... ведь мне необходимо время от времени приземляться, а всякий раз, когда я делаю это, почва уходит у меня из-под ног.

Должно быть, Мэйси чувствует мое смятение, потому что она садится на своей кровати и от ее веселья не остается и следа.

– Да, я понимаю, что сейчас тебе приходится несладко, – продолжает она. – Я просто подначивала тебя по поводу этих двоих парней. Ты делаешь все, что можешь.

– А что, если я не знаю, что делать? – Эти слова вырываются у меня сами собой. – Я только-только начала привыкать к тому, что я горгулья, а теперь мне придется что-то делать еще и с тем, что я завоевала себе место в Круге Погибели и Безднадеги и буду коронована, когда закончу школу.

– Круг *Погибели и Безднадеги*? – повторяет Мэйси, удивленно смеясь.

– После чего меня наверняка заточат в башню, или обезглавят, или устроят мне какую-нибудь еще столь же фатальную развлекуху. – Я говорю это шутливым тоном, но отнюдь не шучу. Я не испытываю оптимизма относительно моего членства в совете сверхъестественных существ, который возглавляют Джексон и Хадсон... или относительно всего того, что с этим связано. Я имею в виду подковерную борьбу, навыки выживания в ней, а также мое сопряжение с Хадсоном вместо моего *настоящего* бойфренда в этом дивном новом мире, в котором я оказалась.

– Я по-прежнему люблю Джексона. Я не могу изменить свои чувства. – Я тяжело вздыхаю. – Но мне также невыносима мысль о том, чтобы причинить боль Хадсону, – меня убивает взгляд, которым он смотрит за обедом на меня и своего брата.

Все это кошмар, с которым невозможно смириться, к тому же после своей встречи со смертью я почти не могу спать, так что теперь мне совсем паршиво. Но как я могу расслабиться, если всякий раз, закрыв глаза, чувствую, как зубы Сайруса вонзаются в мою шею и как невыносимая боль от его вечно-го укуса распространяется по моему телу? Или вспоминаю, как Хадсон укладывает меня в неглубокую могилу и хоронит заживо (я все еще не готова спросить у него, откуда он узнал, что надо делать). Или хуже того – и да, это действительно еще хуже, – снова вижу лицо Джексона в тот миг, когда Хадсон сказал ему, что я теперь его пара.

Эти воспоминания так мучительны, что мне хочется одного – убежать и спрятаться.

– Брось, все будет хорошо, – говорит Мэйси. Ее голос звучит неуверенно, в глазах читаются участие и тревога.

– Возможно, «хорошо» – это слишком сильное слово. – Я переворачиваюсь на спину и уставляюсь в потолок, но почти не вижу его. Вместо этого я вижу их глаза.

Две пары глаз, одни темные, другие светлые.

Они оба ждут чего-то, но я не знаю, как им это дать, они оба хотят получить ответ, а я ни малейшего понятия не

имею, как его можно найти.

Я знаю, что чувствую. Я люблю Джексона.

А Хадсон, ну тут дело обстоит сложнее. Это не любовь, и боюсь, это не тот ответ, который он хочет услышать. Однако, когда он рядом, мой пульс учащается – правда, это неудивительно, ведь он объективно великолепен. К нему потянуло бы любую девушку в здравом уме. К тому же теперь между нами узы соприкосновения, что заставляет меня чувствовать то, чего в действительности нет. Во всяком случае, я хочу, чтобы этого не было.

После всего, что он для меня сделал, после того как между нами, как я теперь понимаю, возникли некие узы, которые мы создали за недели, проведенные вместе, я не хочу его разочаровывать, говоря, что он для меня только друг.

Я опять испускаю тяжелый вздох. С чего я взяла, что Хадсону вообще хочется быть соприкоснутым со мной? Быть может, он, как и я, зол на вселенную за то, что она поставила нас в это щекотливое положение.

Мэйси тоже вздыхает, слезает со своей кровати и садится в изножье моей.

– Прости. Я вовсе не собиралась на тебя давить.

– Я расстроилась не из-за этого. Просто... – Я замолкаю, не зная, как облечь в слова смятение, мучающее меня.

– Это из-за всего, что произошло, да? – подсказывает она, и я киваю, потому что все это чертовски сложно переварить.

Между нами повисает молчание, долгое и неловкое. Я

жду, когда Мэйси сдастся, вернется на свою кровать и забудет этот отстойный разговор, но она не сдвигается с места. Вместо этого она прислоняется к стене и смотрит на меня со спокойным терпением, что совсем на нее не похоже.

Не знаю, что так действует на меня: это молчание, ее взгляд или потребность излить душу, которая нарастала во мне весь день, но в конце концов напряжение доходит до такой точки, что я выпаливаю правду, которую скрывала от всех – даже от самой себя:

– Я правда думаю, что мне не под силу это сделать.

Я точно не знаю, какой именно реакции на мое признание я ожидала от кузины: за долю секунды в моем мозгу проносятся все варианты, от горячего сочувствия до слов *«возьми себя в руки»*, произнесенных резким тоном, связанным не со мной, а с тем, что у нее самой дела тоже идут из рук вон плохо.

Но в конце концов она делает то, чего я от нее никак не ожидала. Она разражается смехом.

– Да ладно тебе. Я бы начала беспокоиться, если бы ты и впрямь возомнила, будто можешь справиться с этим в одиночку.

– Правда? – Я растеряна. И, возможно, немного оскорблена – неужели она в самом деле считает меня такой неумехой? Пусть сама я и знаю, что я не в себе, но это вовсе не значит, что мне хочется, чтобы об этом узнали все. – Почему?

– Потому что ты не одна, и тебе совсем не обязательно

выплывать в одиночку. Вот для чего я здесь, рядом с тобой. Вот для чего рядом с тобой все наши – особенно это относится к твоим бойфрендам.

Я щурю глаза, услышав, как она употребляет это слово во множественном числе и притом делает это с нажимом.

– К моему бойфренду, – поправляю я ее. – У меня один бойфренд, а не два. – Я поднимаю указательный палец, чтобы она точно меня поняла. – Один, ясно?

– А, ну да. Один. Само собой. – Мэйси бросает на меня лукавый взгляд. – Тогда давай внесем ясность. Кого из этих двух вампиров ты имеешь в виду?

Глава 2. Мои несчастные узы

– Ты невыносима, – говорю я. – Но ты не будешь против, если мы сосредоточимся на том, что действительно важно? На окончании старшей школы?

После того как я потеряла своих родителей, сменила школу и пропустила три с половиной месяца, пребывая в обличье, более всего напоминающем каменную водосточную трубу, я ужасно отстала, и моя перспектива закончить выпускной класс под вопросом. Если я не смогу завершить работу над всеми внеклассными проектами, которые мне накидали учителя, и сдать все выпускные экзамены, в следующем году мне придется опять пойти в двенадцатый класс. А это совершенно неприемлемо, как бы Мэйси ни хотела, чтобы я провела в Кэтмире еще один год. Если уж Хадсон может наверстать часы, которые он пропустил потому, что был *мертв*, то, черт побери, догнать остальных смогу и я.

– Ты же понимаешь, почему я на самом деле прячу голову в песок? – спрашиваю я. – Потому что мне не по силам одновременно выполнять эту чертову уйму заданий и пытаться придумать, что мне делать с Сайрусом, с Кругом и с...

– С твоей парой? – Мэйси невесело улыбается и вскидывает руку прежде, чем я успеваю запротестовать. – Извини, не удержалась. Но ты права, и, как бы мне ни хотелось, чтобы все сложилось иначе, ты, похоже, намерена закончить шко-

лу именно в этом году. — Она подходит к своему письменному столу и берет ноутбук. — А раз так, то, поскольку я взяла на себя роль твоей лучшей подруги, мне надо постараться, чтобы так и произошло. Тебе же скоро надо будет сделать презентацию по магической истории, которую ведет доктор Веракрус, да? Я слышала, как об этом говорили другие двенадцатиклассники.

— Да. — Я киваю. — Все должны были выбрать одну из тем, которые обсуждали на уроках в этом году, и представить по ней десятистраничный доклад. По словам доктора Веракрус, это нужно для того, чтобы мы смогли глубже изучить разные периоды магической истории, но, по-моему, она просто хочет помучить нас.

Мэйси снова забирается на свою кровать и печатает что-то на ноутбуке.

— Я знаю, какой темой тебе надо заняться. Тебе она подойдет!

— В самом деле? — спрашиваю я, садясь.

— Да, — отвечает она. — Вы же обсуждали на ваших уроках узы сопряжения, не так ли? Именно поэтому мне так не терпится начать изучать этот предмет. А ты живой пример того, о чем на уроках вам не говорили.

Я качаю головой.

— К сожалению, как раз эту лекцию я пропустила, но Флинт объяснил мне, что быть сопряженной более чем с одним человеком возможно. Так что я не одна такая.

Мэйси перестает печатать и смотрит на меня, изогнув бровь.

– Да, но ты единственный человек, у которого узы сопряжения разорвала не смерть, а что-то еще.

– Значит, такого больше ни с кем не бывало? – Мое сердце начинает часто биться. – В самом деле? – В это трудно поверить, и как же это ужасно. Если такого никогда не бывало, то как же мы сможем это исправить? Что нам теперь делать? И почему, почему, *почему* это случилось именно с Джексоном и мной?

– Да, ни с кем, – подтверждает Мэйси. – Узы сопряжения никогда не разрываются, Грейс. Они просто не могут разорваться – это закон природы или что-то вроде того. – Она замолкает и смотрит на свои руки, лежащие на клавиатуре ноутбука. – Вот только твои каким-то образом разорвались.

Как будто мне надо об этом напоминать.

Как будто сама я этого не знаю.

Как будто я не почувствовала, как они разорвались – с такой силой, которая чуть было не расколола меня пополам, которая чуть было не уничтожила меня... и Джексона тоже.

– Никогда? – Наверное, я все-таки чего-то не расслышала. Не может быть, чтобы я была единственной, с кем это произошло.

– Никогда, – повторяет Мэйси, произнося каждый слог и глядя на меня с таким видом, будто у меня вдруг выросло три головы. – Не «вроде бы никогда», Грейс, не «почти ни-

когда», а никогда-никогда. *Никогда в истории наших видов.* Узы сопряжения нельзя разорвать ничем, кроме смерти. — Она мотает головой. — Никогда-никогда.

— Ладно, ладно, я тебя поняла. — Я примирительно качаю головой. — Узы сопряжения не разрываются. Вот только те узы, которые связывали меня и Джексона, все-таки разорвались, хотя мы оба живы, так что...

— Да, — хмурясь, соглашается она. — Так что это территория, на которую еще никто не ступал и которую еще только предстоит изучить. Поэтому неудивительно, что тебе кажется, что ты не в себе. Тебе действительно крепко досталось.

— Надо же, а я и не знала. — Я делаю вид, будто выдергиваю из своего сердца воображаемый кинжал.

Но Мэйси только строит мне рожи.

— Ты понимаешь, о чем я.

— Понимаю, — соглашаюсь я. — Но в этой истории есть одна нестыковка. Я думаю о ней уже много дней, и из-за этой нестыковки мне не верится, что такого действительно никогда не бывало. Я...

— Говорю тебе, никогда, — перебивает она меня, для пущей убедительности размахивая руками. — *Вообще* никогда.

Я поднимаю руку, делая ей знак замолчать.

— Но если это правда, если узы сопряжения и впрямь никогда не рвутся, то откуда же взялось заклинание, которое разорвало мои? И каким образом Кровопускательница смогла узнать его?

Глава 3. Сохраняйте спокойствие и крылго

– Послушай, ты, случайно, не знаешь, что у нас сегодня на ужин? – спрашиваю я Мэйси, когда мы идем в кафетерий, шагая по коридору, освещенному светом канделябров в форме драконов. Мы обе зверски проголодались, потратив последние три часа на изучение темы уз сопряжения – хотя нам так и не удалось найти ни одного упоминания ни о существах, чьи узлы оказались разорваны при их жизни, ни о заклинании, способном это сотворить. – Я забыла посмотреть меню.

– Что бы это ни было, это наверняка какая-нибудь гадость. – Мэйси гадливо кривится и вздыхает. – Ведь сейчас та самая среда.

– Та самая среда? – Наверное, мне следовало бы знать, что она имеет в виду, ведь я как-никак завтракаю, обедаю и ужинаю в здешнем кафетерии уже много недель подряд, но дело в том, что я постоянно погружена в раздумья. Неплохо уже, если я хотя бы не забываю надеть школьную форму, что уж говорить о меню... Если не считать четвергов, когда подают вафли. Эти дивные вафли я не забуду никогда.

Мэйси косится на меня, когда мы начинаем спускаться по лестнице.

– В общем, так – я предлагаю тебе взять замороженный йогурт и, возможно, булочку, если ты любишь риск.

– Замороженный йогурт? Ты это серьезно? Неужели все так плохо? Ведь ведьмы, работающие на школьной кухне, готовят так, что пальчики оближешь. – Что могло вызвать у моей кузины такое отвращение? Глаз тритона? Лапка жабы?

– Да, ведьмы готовят что надо, – соглашается она. – Но одну среду в месяц ужин готовят не они, потому что им надо уйти пораньше ради крылго. И сегодня как раз такой день.

– Крылго? Что это? – спрашиваю я, не зная, что и думать. Мое воображение рисует мне ведьм с огромными черными крыльями, летающих над крышей нашего замка. Но разве я могла такое пропустить?

Мэйси явно шокирована моим невежеством.

– Это что-то вроде бинго для ведьм и ведьмаков. Я жду не дождусь, когда стану достаточно взрослой, чтобы тоже играть в эту игру.

– Достаточно взрослой? – Я начинаю ломать голову, пытаюсь представить себе, в какую версию бинго могут играть наши кухонные ведьмы, если она годится только для взрослых.

– Да! – Мэйси сияет. – Это похоже на бинго, но всякий раз, когда выкрикивают один из номеров в твоей карточке, нужно выпить одно из тех зелий, которые они подают в этот вечер. Одни зелья могут заставить тебя исполнить танец маленьких утят, другие могут вывернуть твою одежду наизнанку... А в прошлом месяце они сварили напиток, который за-

ставлял людей ходить по комнате, рыча, как тираннозавры.

Она смеется.

– Так что если в конце концов ты заполняешь всю свою карточку и выигрываешь, то ты это заслужила. Наши кухонные ведьмы буквально помешаны на этой игре, хотя победительницей всегда выходит Марджори, ведь она у нас звезда. А потом начинается еще одно представление, потому что Серафина и Фелисити принимаются обвинять ее в том, что она заколдовала шары...

– Заколдовала шары? Интересно, чьи? – спрашивает возникший за нашими спинами Флинт. Как и всегда, на его красивом лице играет широкая улыбка, янтарные глаза лукаво блестят. – Я спрашиваю только потому, что это наверняка против правил.

– Хотя бы ты не начинай, – говорит Мэйси, ухмыляясь и качая головой. – Я говорила о крылго и о том, как наши кухонные ведьмы лезут из кожи вон...

– Крылго? – Он останавливается как вкопанный на нижней ступеньке лестницы, и беззаботная улыбка на его лице сменяется гримасой ужаса. – Скажите мне, что это не сегодня.

Мэйси вздыхает.

– Если бы.

– Знаете что? По-моему, мне не так уж хочется есть. – Флинт начинает отступать. – Думаю, я...

– Ну нет. Так легко тебе не отделаться. – Мэйси берет его

под руку и тянет вперед. – Если мы все должны страдать, то изволь и ты.

Флинт недовольно ворчит, но Мэйси тащит его в кафетерий, несмотря на то, что она с ним полностью согласна.

Они оба продолжают нить, пока я наконец не говорю:

– Да ладно, не может же это и вправду быть так плохо. Я знавала такие школьные кафетерии, где замороженный йогурт было не сыскать днем с огнем даже в лучшие дни – и ничего, жива.

– Еще как может, – отвечает Мэйси.

– Да-а, это такая дрянь, – сообщает мне Флинт.

– Но почему? Кто готовит ужин, когда ведьмы играют в крылго?

Они оба смотрят на меня с ужасом в глазах и хором отвечают:

– Вампиры.

Глава 4. Эта чертова кровавая среда

– Вампиры? – Мне становится немного неудобно, когда я думаю о том, чем питаются Джексон и Хадсон.

– Они родимые, – с гадливой гримасой говорит Флинт. – Я никогда не пойму, почему Фостер поручает приготовление ужина именно вампирам, когда ведьмы отчаливают для своих игр.

– А кому еще? – спрашивает Мекай, подойдя к нам со спины. – Драконам? На поджаренных маршмеллоу долго не протянешь.

– Маршмеллоу – это хотя бы еда, – отвечает Флинт, картинным жестом открывая одну из дверей кафетерия и пропуская меня вперед.

– Кровяной пудинг – это тоже еда, – огрызается Мекай. – По крайней мере, мне так говорили.

– Кровяной пудинг? – Я начинаю нервничать. Я понятия не имею, что это такое, но звучит жутковато.

Флинт бросает на Мекайа самодовольный взгляд.

– А что бы ты сейчас сказала о маршмеллоу, поджаренных на драконьем огне, Грейс?

– Я бы сказала, что это неплохой ужин, если добавить к ним пачку вишневых Pop-Tarts. – Я оглядываюсь по сторо-

нам, надеясь увидеть столик с закусками, оставшимися после завтрака и обеда. Но его нигде нет – впрочем, на ужине его и не бывает.

– Честное слово, будет не так уж плохо, – уверяет нас Мейс, подталкивая нашу троицу к очереди.

– Как же получилось, что, проучившись в Кэтмире столько времени, я ничего не слышала о вечерах игры в крылго? – спрашиваю я, пока одна часть моего сознания пытается вспомнить все известные мне блюда, в состав которых входит кровь – и их, если честно, набирается немного. Тем временем другая часть моего сознания заставляет меня искать глазами Джексона... или Хадсона.

Не знаю, что я испытываю – беспокойство или облегчение, – когда мне не удастся найти ни того ни другого.

– Это потому, что прежде ты никогда не ходила в кафетерий столько недель подряд, – объясняет Мэйси. – И, по-моему, когда такая среда была в прошлый раз, Джексон угощал тебя такос в библиотеке.

У меня не укладывается в голове, что это происходило всего месяц назад. С тех пор столько всего изменилось, что у меня такое чувство, будто это было несколько месяцев назад. А может, даже не месяцев, а лет.

– Хотелось бы мне сейчас полакомиться такос в библиотеке, – ворчит Флинт и, взяв два подноса, протягивает их Мэйси и мне.

Мэйси берет поднос и вздыхает.

– И мне тоже.

– Не слушай их, – говорит мне Мекай. – Это не так уж и плохо.

– Сам ты не ешь нормальную еду, так что права голоса у тебя нет, – отзывается Флинт.

Мекай только смеется в ответ.

– В этом ты прав. Я схожу, возьму себе попить, а потом подыщу нам стол. – Он подмигивает Мэйси и направляется к большим оранжевым холодильникам, стоящим в глубине зала.

Очередь к фуршетным столам оказывается короче, чем обычно, и движется довольно быстро, так что через пару минут мы уже стоим перед ними. Обычно они ломятся от блюд, но сегодня выбор скуден. И ничего из того, что нам предлагают, не вызывает у меня энтузиазма.

Тут нет даже салатов, на их месте стоит громадный котел с супом, в котором плавают овощи, а также какие-то загадочные темно-коричневые кубики.

– Что это за штуки? – шепчу я Мэйси, когда мы проходим мимо нескольких взрослых вампиров – включая Мэриз, которая улыбается мне и приветливо машет рукой.

Я машу в ответ, но продолжаю продвигаться к столам.

– Это коагулированная кровь, – шепчет Мэйси.

Мы проходим мимо кровавой колбасы – ее я узнаю сразу, поскольку видела немало британских кулинарных шоу. И справедливости ради надо признать, что есть масса людей,

которые любят ее. Но что до меня самой... не знаю. От всей этой истории с вампирской стряпней мне как-то не по себе. Откуда нам знать, что они используют только кровь животных, ведь некоторые из здешних учителей-вампиров придерживаются старых взглядов?

От этой мысли меня начинает подташнивать. Но тут я вижу гору оладий и испытываю несказанное облегчение, хотя, по идее, оладьи полагается есть на завтрак, а не на ужин. Однако моя радость длится недолго – подойдя поближе, я вижу, что это не простые оладьи: у них странный красновато-фиолетовый цвет.

– Только не говорите мне, что они добавили кровь и в оладьи, – выдавливаю из себя я.

– Еще как добавили, – отвечает Мэйси.

– Это такой шведский рецепт, – добавляет Флинт. – Называется Blodplättar. И надо сказать, вкус у них довольно неплохой. – Он кладет несколько оладий на свою тарелку.

Вампиры внимательно наблюдают за очередью к столам, и я беру одну оладью. Они наверняка старались, готовя этот ужин, и мне совсем не хочется их обижать. К тому же там дальше есть замороженные йогурты...

Полив оладью сиропом и наполнив миску смесью ванильного и шоколадного йогуртов и всеми сладкими подливками и посыпками, которые мне удастся в нее уместить, я иду вслед за Флинтом и Мэйси через забитый народом зал, пробираясь к столу, который Мекай выбрал для нас. К нему

уже присоединились Иден и Гвен, и я не могу удержаться от ухмылки, увидев надпись на новом фиолетовом худи Иден: «*Копите сокровища*».

Она видит мою улыбку и подмигивает, затем протягивает руку и утаскивает вишенку с замороженного йогурта Мэйси.

Моя кузина смеется.

– Я знала, что ты ее утащишь. – Она берет ложкой вторую вишню. – Поэтому я взяла еще одну.

Иден с быстротой молнии выхватывает у нее и вторую ягоду.

– Пора бы тебе уже понять, что нельзя доверять дракону хранение твоих сокровищ.

– Эй, перестань! – Мэйси дуется, а мы, остальные, смеемся. Я перекладываю ложкой пару вишен из моей собственной миски на ее йогурт – у меня их много, штук шесть. Если пребывание в Кэтмире меня чему-то и научило, так это тому, что нужно быть готовой ко всему.

– Ты самая лучшая из кузин. – Мэйси расплывается в улыбке, и до меня доходит, что это первая по-настоящему лучезарная улыбка, которую я вижу на ее лице после того, как погиб Зевьер. Я вздыхаю с облегчением – хотя до того, чтобы она ощутила себя по-настоящему счастливой, еще далеко, есть хотя бы какая-то позитивная динамика.

Вокруг меня течет беседа, говорят о научных проектах, о выпускных экзаменах, перебивают кости одноклассникам, с которыми я не знакома, а я тем временем поглощаю свой

замороженный йогурт. Я пытаюсь следить за ходом разговора, но это нелегко, потому что я не перестаю искать глазами Джексона и Хадсона. Я понимаю, что это нелепо – ведь еще полчаса назад в моей комнате я утверждала, что мне некогда беспокоиться о них, а теперь я не могу перестать оглядывать зал в поисках одного из них, а может быть, и их обоих.

Но я ничего не могу с собой поделать. Мне не под силу включать и выключать свои чувства. Я люблю Джексона. Я дружу с Хадсоном. Я беспокоюсь о них обоих, и мне необходимо знать, что с ними все в порядке, особенно учитывая тот факт, что у меня не было возможности поговорить ни с тем ни с другим обо всем, что происходит.

Когда от замороженного йогурта в моей миске остается половина, в зале вдруг воцаряется тишина, и я чувствую, как по затылку бегают мурашки. Я поднимаю глаза, замечаю, что все вокруг смотрят на что-то за моей спиной, и понимаю – даже еще не обернувшись, – кого я увижу там.

Глава 5. Тупик

Мэйси, которая уже повернулась, чтобы выяснить, почему все вдруг умолкли, тыкает меня локтем в бок и, почти не разжимая губ, шепчет:

– Джексон.

Я киваю, чтобы показать ей, что я ее услышала, но не шевелюсь. Дыхание замирает, и я чувствую, как по моей спине бегают мурашки – стало быть, он подходит ко мне все ближе... и все его внимание сосредоточено на мне одной.

Мэйси тихо присвистывает, и это говорит мне все, что мне надо знать о его настроении. В последние недели она ведет себя с Джексоном довольно непринужденно – дружеские чувства способствуют раскованности, – но это не значит, что она забыла, насколько он опасен. Настороженность читается сейчас на лицах всех, кто сидит вокруг, она чувствуется в их позах – каждый замер, словно ожидая, что Джексон вот-вот нанесет удар... и каждый надеется, что этот удар обрушится не на его шею.

Даже Флинт позабыл и про свои олады, и про свой разговор с Иден о выпускном экзамене по физике полетов и смотрит сейчас мимо меня. Взгляд его одновременно и насторожен и дерзок, и именно беспокойство за Флинта – за то, что он может учинить, – заставляет меня повернуться, пока все вокруг не полетело в тартарары.

Я несколько не удивляюсь, увидев Джексона за моей спиной. Но удивляюсь тому, как близко он стоит. Несколько недель назад стоило ему оказаться в такой близости от меня – на расстоянии нескольких дюймов, – как во всем моем теле начиналась свистопляска. А теперь есть только это ощущение мурашек, бегающих по спине, и я бы не сказала, что это приятное чувство.

Вчера после ужина он пригласил меня в свою башню, чтобы позаниматься вместе, но я не смогла пойти, поскольку о том же самом меня попросил и Хадсон. Я испытываю досаду и бессильную злость, думая о произошедшей после этого заварушке – похоже, ни один из братьев Вега не дорос до понимания того, что можно прекрасно заниматься и втроем.

Дело кончилось тем, что я пошла заниматься в свою комнату одна. И так ничего и не выучила, поскольку меня раздражало от злости на них обоих.

Сегодня я отправила Джексону два сообщения, а он даже не соизволил ответить. Я знаю, ему не по вкусу моя дружба с Хадсоном – но он должен понимать, что это только дружба, и больше ничего. По-видимому, я не могу выбирать, с кем меня свяжут узы сопряжения, но я много раз показывала Джексону, что люблю только его.

И поэтому меня так злит его сегодняшней игнор.

Похоже, его отношение ко мне и сейчас не изменилось, во всяком случае, в эту минуту его темные глаза холодны, как ночь.

Как вершина Динейли в январе.

Он молчит, я тоже, и это длится целую вечность. Тишина повисает между нами и вокруг нас, пока из-за спины Джексона наконец не выходит Лука и не спрашивает:

– Вы не против, если мы сядем с вами?

И тут до меня доходит, что здесь весь Орден. Я привыкла сидеть в кафетерии в обществе Джексона и Мекая – это происходит несколько раз в неделю, но чтобы к нам присоединялись все друзья – такое случается нечасто. Но теперь они передо мной – Лука, Байрон, Рафаэль, Лайам, они все выстроились за Джексонсом, словно готовясь к атаке.

– Само собой. – Я показываю на свободные стулья вокруг нашего стола, но Лука спрашивает не меня. Его взгляд устремлен на Флинта, который отвечает ему таким же пристальным взглядом, причем на его коричневых щеках играет чуть заметный румянец.

Ничего себе, такого я не ожидала.

Я смотрю на Иден и вижу, что она наблюдает за всем этим так же внимательно, как и я сама, и улыбается. Может быть, я ошиблась, когда на игровой арене перед турниром Лударес решила, что Флинт влюблен в Джексона? Может быть, он имел в виду Луку? Или Лука – это тот самый другой парень, о котором он говорил? После того нашего разговора Флинт больше не заговаривал о своих сердечных делах, а самой мне казалось неправильным расспрашивать его.

Но кого бы он ни имел в виду в тот день, сейчас очевидно,

что Лука нравится ему. А Луке нравится он.

Флинт кивает, и Лука садится рядом с ним. Прежде чем я успеваю подумать о том, где сядет Джексон, Мэйси придвигает свой стул ближе к Иден, так что рядом со мной образуется пустое пространство. Джексон благодарно кивает ей и сразу же, отодвинув стул от соседнего стола, садится рядом со мной.

Мое сердце подпрыгивает, когда его бедро касается моего, он чуть заметно улыбается и, скосив глаза, бросает на меня пристальный взгляд. Затем очень медленно и очень нарочито делает это опять.

На сей раз мое дыхание пресекается, потому что это Джексон. Мой Джексон. И хотя после того, как я выиграла Лударес, наши отношения так и не стали прежними, хотя я так растеряна, что почти не могу думать, я все так же хочу его. Все так же люблю его.

– Как прошел твой день? – тихо спрашивает он.

Я качаю головой, когда осознаю всю недостаточность моих оценок и то, что перед мной маячит перспектива остаться на второй год.

– Так плохо, что я не хочу об этом говорить.

Я не говорю ему, что из-за того, что он не ответил на мои сообщения, мой день стал еще хуже. Впрочем, по его глазам я вижу, что он и так это знает. И что вся эта каша нравится ему не больше, чем мне.

– А как... – Мой голос срывается, и я, прочистив горло,

начинаю опять: — А как насчет тебя? Как прошел твой день?

Он скорчивает гримасу и с такой силой зарывается пальцами в свои шелковистые черные волосы, что становится виден шрам, змеящийся по его левой щеке. Эту рану нанесла ему королева вампиров Далила — его мать — за то, что он убил ее первенца. Который теперь восстал из мертвых. И стал моей парой, хотя я все так же люблю моего прежнего суженого, мою прежнюю пару, чьи узы сопряжения со мной, по идее, ничто и никогда не могло разорвать.

От этой мысли у меня начинает болеть голова.

Куда до всего этого сюжетам мыльных опер. Мне было бы не под силу выдумать такое, как бы я ни старалась.

— Все так же, — отвечает он наконец.

— Так я и думала.

Больше он ничего не говорит, и я тоже. Вокруг звучит оживленная болтовня, но я не могу придумать ничего, чтобы прервать его каменное молчание. Мне странно чувствовать себя с Джексоном так неловко, ведь прежде мы с ним могли часами разговаривать на любые темы.

Мне тошно от этого, особенно когда я вижу, как неприужденно ведут себя остальные. Иден и Мекай, смеясь, болтают, Мэйси и Рафаэль тоже. Байрон и Лайам целиком поглощены беседой, а Флинт и Лука... Флинт и Лука определенно флиртуют, в то время как мы с Джексоном едва можем смотреть друг на друга.

Я начинаю отламывать ложкой еще один кусок своего за-

мороженого йогурта, но, прежде чем поднести его ко рту, понимаю, что у меня пропал аппетит. Я кладу его обратно в миску и решаю: к черту. Если все так стремно, что я не могу есть, можно с тем же успехом отправиться в библиотеку.

Должно быть, Джексон чувствует мою нервозность, потому что, как только я собираюсь встать, он накрывает рукой мою ладонь. Это так знакомо, так хорошо, что я автоматически поворачиваю руку так, чтобы сплести мои пальцы с его пальцами, хотя все еще злюсь на него.

Он целует мои пальцы, затем перемещает наши сцепленные руки под стол, и меня пробирает дрожь. В такие моменты, когда мы касаемся друг друга, мне начинает казаться, что, быть может, у нас все-таки есть шанс. Быть может, все не так страшно, как кажется. Быть может, у нас еще есть надежда.

Я уверена, что он сейчас чувствует то же, что и я – это видно по пожатиям его руки. И по тому, что он не спешит нарушить это наше непринужденное молчание – можно подумать, что он, как и я, боится испортить этот момент. Так что мы просто сидим, слушая разговоры вокруг нас. И это срабатывает, во всяком случае на какое-то время.

И тут это происходит – и каждый нерв в моем теле напрягается до предела.

Мне нет нужды оборачиваться, чтобы понять, что в кафетерий только что вошел Хадсон – однако рука Джексона крепко сжимает мою, и это подтверждает то, что я уже по-

няла.

Глава 6. Повесть о двух вегах

Проходит секунда, и все замечают его, причем одновременно. Каждый из наших застывает, будто затаив дыхание, и переводит взгляд с Джексона на меня и обратно. Это делают все, кроме Мэйси, которая машет рукой так, будто пытается в буран привлечь внимание летчика, пилотирующего самолет. А потом она освобождает место для второго брата Вега, придвинув свой стул так близко к Иден, что почти оказывается у нее на коленях.

Хадсон бормочет «спасибо» и, быстро придвинув стул, со стуком ставит свой поднос рядом с Мэйси. На нем красуются три куса чизкейка, а также его обычный высокий стакан с кровью.

Мэйси улыбается еще шире, беря одну из тарелок.

– О-о-о, тебе не стоило так напрягаться.

– Я слышал, что сегодня кухонные ведьмы ушли играть в крылго, вот и подумал, что чизкейк, оставшийся с обеда, тебе не повредит, – говорит ей Хадсон, но его глаза ни на секунду не отрываются от моих, если не считать того момента, когда он замечает, что и Джексон, и я опустили одну руку под стол. И, хотя я и понимаю, что он не видит, что мы касаемся друг друга, у меня возникает такое чувство, будто он застукал меня за чем-то дурным. Похоже, Джексон чувствует мою внезапную неловкость, поскольку он отпускает мою

ладонь и кладет обе руки на стол.

Хадсон ничего не говорит ни мне, ни ему. Вместо этого он поворачивается к моей кухне, будто вообще не обратил внимания на то, что мы с Джексонсом держались за руки, и спрашивает:

– Кто-нибудь хочет сыграть в шахматы?

В последнее время он и Мэйси играют в шахматы пару раз в неделю. Думаю, в первый раз он попросил ее сыграть с ним, чтобы отвлечь ее от мыслей о Зевьере, а она согласилась, потому что, по ее мнению, было неправильно, что все сторонились его. Но недавно я заметила, что она гуглит шахматные стратегии, когда думает, что я на нее не смотрю, так что она действительно начала получать удовольствие от их дружбы.

– А как же, – отвечает она, жуя чизкейк. – Вот увидишь, скоро я надеру тебе задницу.

– Сначала тебе придется запомнить, как ходить конем, – парирует он.

– Но это же сложно.

– Да-а, намно-о-го сложнее, чем шашки, – поддразнивает ее Иден, утаскивая кусок ее чизкейка.

– Я серьезно, – дуется Мэйси. – Ведь каждая фигура ходит по-своему.

– Я поиграю с тобой, Мэйси, – кричит Мекай, сидящий в конце стола. – Хадсон тут не единственный стратег.

– Да, но я единственный, у кого имеется собственный шахматный столик.

Иден фыркает.

– Вряд ли это повод для хвастовства, Destructo Boy.

– Ты просто завидуешь мне, Lightning Girl¹.

– Ты попал в точку. – Она улыбается. – Мне тоже хочется

одним взмахом взрывать все к чертям.

Он поднимает бровь.

– То есть ты этого не умеешь?

Она только смеется в ответ.

– Эй, Хадсон, угости и меня, чувак, – кричит Флинт с другого конца стола.

Хадсон бросает взгляд на Мэйси, она пожимает плечами, и он толкает одну из тарелок с чизкейком в сторону Флинта.

Флинт кивает и благодарит, прежде чем запихнуть в рот огромный кусок. Лука нежно улыбается ему, потом показывает на книгу, которую Хадсон положил на стол рядом со своим подносом.

– Что ты читаешь? – спрашивает он.

Хадсон поднимает книгу.

– «Урок перед смертью».

– А не поздновато ли? – говорит Флинт, и после паузы, когда все испуганно замолкают, следует дружный смех. При чем веселее всех хохочет Хадсон.

Мне хочется сказать ему что-нибудь – я читала эту книгу в одиннадцатом классе и в восторге от нее, – но было бы странно вклиниваться в разговор, который явно не подразу-

¹ Герои комиксов (здесь и далее примечания переводчика).

меваает моего участия. Хадсон уже поговорил со всеми за нашим столом – кроме Джексона и меня. И я чувствую себя чертовски неловко.

Беседа продолжается, все так же обходя нас двоих столом. Всякий раз, когда Флинт говорит что-то смешное, взгляд Хадсона встречается с моим, как будто он хочет поделиться со мной этой шуткой... но затем он отводит глаза, словно считая, что теперь мы не должны этого делать. Мне от этого тошно, как и от странной неловкости, которая возникла между нами и продолжает нарастать. Хадсон не делал ничего, чтобы заставить меня чувствовать себя виноватой из-за моей любви к его брату – собственно говоря, дело обстоит как раз наоборот. Но тот факт, что теперь мы с ним сопряжены (и тот факт, что прежде я была сопряжена с Джексонном), висит между нами в воздухе, как бомба, готовая взорваться.

А тут еще Рафаэль и Лайам, сверлящие его глазами, потому что не желают отпустить прошлое, и Флинт, ведущий себя то так, то эдак в зависимости от своего быстро меняющегося настроения, так что, думаю, Хадсон предпочел бы сейчас находиться где угодно, но только не здесь. Но он продолжает возвращаться, каждый день. Он старается, старается каждый день, потому что хочет, чтобы между нами не было неловкости.

В отличие от меня, которая даже не разговаривает с ним, когда рядом находится Джексон.

Внезапно я чувствую, что не могу больше все это терпеть,

и говорю, не обращаясь ни к кому конкретно, что мне надо идти заниматься.

Видит бог, в последние дни у меня и впрямь нет времени, чтобы сидеть сложа руки.

Но когда я отодвигаюсь от стола, Джексон тоже отодвигает свой стул.

– Я могу с тобой поговорить? – спрашивает он.

Мне хочется рассмеяться, хочется спросить его, что он может мне сказать, если последние десять минут только и делал, что избегал разговоров.

Но я этого не делаю.

Вместо этого я киваю и, стараясь не встречаться глазами с Хадсоном, изображаю на лице улыбку, которая – и я это понимаю – выглядит фальшиво. А Джексон просто поворачивается и идет к двери.

Я иду за ним – как же иначе? Потому что я пойду с Джексоном куда угодно. И потому что я не могу не прислушаться к теплящейся надежде на то, что он наконец окажется готов подумать вместе со мной о том, как можно все исправить.

Глава 7. Кажется, я не поняла этой шутки

Я ожидаю, что Джексон остановится сразу за дверью кафетерия и скажет то, что хочет сказать, но не тут-то было. Мне не следует забывать, что он не из тех, кто не любит публичность. Поэтому, когда он выходит в коридор, пропустив вперед меня и придерживав дверь, я решаю, что сейчас мы пойдем в его башню.

Но вместо того чтобы начать подниматься по лестнице, ведущей в его башню, он ведет меня к моей комнате.

Ком в горле вызывает у меня ощущение, будто я смотрю фильм категории «Б», только вместо того, чтобы называться «Помидор, который съел Кливленд», он называется «Печаль, которая поглотила девушку, горгулью и целую гору». Мы всегда ходим в его башню – чтобы серьезно поговорить, чтобы оттянуться, чтобы целоваться. И когда я вижу, что он направляется не туда, это говорит мне о содержании нашего предстоящего разговора все, что мне требуется знать.

Когда мы добираемся до моей комнаты, я открываю дверь и вхожу, ожидая, что Джексон последует за мной. Но вместо этого он стоит по ту сторону шторы из бус, которую повесила моя кухня, и на его измученном, но прекрасном лице написана нерешительность – впервые за долгое время.

– Ты же знаешь, что я всегда рада видеть тебя в моей комнате. – Я выдавливаю эти слова из моего сжавшегося горла, стараясь не показать, что меня душат слезы. – Ничего не изменилось.

– Все изменилось, – парирует он.

– Да, – признаю я, хотя все во мне хочет сказать «нет». – Пожалуй.

Мое дыхание становится прерывистым, потому что на мою грудь ложится громадный камень – не потому, что я горгулья, а потому, что во мне нарастает паника, – и я отворачиваюсь от него и пытаюсь вдохнуть, скрывая свое состояние.

Но Джексон знает меня лучше, чем мне бы хотелось, и вот он уже стоит передо мной и, крепко держа меня за руки, говорит:

– Дыши вместе со мной, Грейс.

Но я не могу. Не могу вдохнуть. Не могу говорить. А могу только стоять и задыхаться. Ощущение такое, будто пол уходит из-под ног, а стены смыкаются. Будто мое собственное тело обратилось против меня и желает уничтожить, как и те внешние силы, с которыми я уже устала сражаться.

– Вдох... – Он делает глубокий вдох и на секунду задерживает дыхание. – И выдох. – Он выдыхает, медленно, спокойно. Когда я не делаю ничего, а только смотрю на него безумными глазами, пожатие его рук становится еще крепче. – Давай, Грейс. Вдох... – Он делает еще один вдох.

Тот вдох, который вслед за ним делаю я, совсем не похож

на тот, который сделал Джексон – он не глубоок и не спокоен. Наверное, со стороны это выглядит так, будто я подавилась кровавой оладьей – но это все-таки вдох. В мои легкие начинает поступать кислород.

– Вот так, – говорит он и начинает растирать мои руки и плечи. Это должно успокаивать – и так оно и есть, – но вместе с тем это мучительно, потому что сейчас ощущения у меня не такие, какими они должны быть. Не такие, какими они были раньше, когда меня касался Джексон, мой Джексон.

Это происходит не сразу, но в конце концов я справляюсь с панической атакой. Когда она проходит, когда я наконец вновь обретаю способность нормально дышать, я прижимаюсь лбом к груди Джексона. Его руки непроизвольно обнимают меня, и вскоре мои руки тоже обвиваются вокруг его талии.

Не знаю, как долго мы стоим так, держа друг друга в объятиях и в то же время отпуская. Это так больно, больнее, чем я могла себе представить.

– Прости меня, Грейс, – говорит он, наконец перестав меня обнимать. – Мне так жаль.

Мне хочется прильнуть к нему, хочется прижиматься к его телу так долго, как только возможно, но я сдерживаю себя.

– Это не твоя вина, – тихо бормочу я.

– Я говорю не об этой панической атаке – хотя я сожалею и о ней. – Он запускает руку в свои волосы, и впервые за сего-

дняшний вечер я ясно вижу все его лицо. Он выглядит ужасно – он потерян, изможден, и видно, что его терзает такая же душевная боль, как и меня. А может быть, и того хуже.

– Я прошу у тебя прощения за все вообще, за все, что произошло. Если бы я мог стереть этот неосторожный поступок, этот единственный момент эгоизма и наивности, я бы сделал это не раздумывая. Но я не могу, и теперь... – На сей раз его дыхание становится неровным. – И теперь случилось все это, и я ничего не могу поделать.

– Мы с этим справимся. Просто нужно время...

– Все не так просто. – Он качает головой, на его челюсти двигаются желваки. – Может быть, мы справимся, а может быть, и нет. Но посмотри на себя, Грейс – это мучает тебя, вызывает у тебя панические атаки.

Он судорожно сглатывает.

– Я мучаю тебя, хотя я никогда этого не хотел.

– Так не мучай меня. – Теперь уже я обнимаю его первой. – Не делай этого. Пожалуйста.

– Это уже произошло, вот что я пытаюсь тебе сказать. То, что мы чувствуем сейчас... это всего лишь фантомная боль, как бывает после потери руки или ноги. Боль осталась, но там уже ничего нет. И больше не будет... во всяком случае, если мы будем продолжать в том же духе.

– Значит, вот так ты смотришь на наши отношения? – Меня словно бьет тяжелая кувалда. – Для тебя это нечто такое, что было важно в прошлом?

– Ты все для меня, Грейс. С того самого мгновения, как я увидел тебя в первый раз. Но из этого ничего не выйдет. Это причиняет слишком сильную боль нам обоим.

– Это причиняет боль сейчас, но мы же не обязаны с этим мириться. Да, наши узы сопряжения были разорваны, но это значит, что и мои узы сопряжения с Хадсоном могут разорваться...

– Неужели ты думаешь, что это то, чего я хочу? Я прожил двести лет, но это самая мучительная боль, которую я когда-либо испытывал в жизни. Неужели ты думаешь, что я мог бы пожелать тебе такую муку? Или Хадсону? – Его речь становится невнятной, и он мотает головой. Прочищает горло. Делает глубокий вдох и медленно выдыхает, прежде чем продолжить: – Каждый раз, видя нас вместе... он страдает. Я это знаю.

Я качаю головой.

– Ты ошибаешься, Джексон. Я же тебе говорила – мы с ним просто друзья, и Хадсона это устраивает.

– Ты не видишь, каким он становится, когда ты уходишь, – настаивает Джексон. – Один раз я убил своего брата, потому что был глуп и самонадеян и считал, что поступаю правильно – что другого выхода нет. Но я не стану делать этого опять. Не стану причинять боль ни ему, ни тебе.

– А как насчет тебя самого? – спрашиваю я, чувствуя, как мою душу терзает мука. – Что будет с тобой?

– Это не важно...

– Это важно! – возражаю я. – Это важно для меня.

– Во всем этом виноват я, Грейс. Я тот самый идиот, который зарядил пистолет, а потом выбросил этот заряженный пистолет в мусор. И то, что меня подстрелили – это только моя вина.

– Значит, это все? – спрашиваю я, сделав судорожный вдох. – Мы с тобой расстаемся, и у меня даже нет права голоса?

– У тебя было право голоса, Грейс, и ты выбрала... – Его голос срывается, оставляя призрак того, что он собирался сказать, висеть между нами.

– Но я не выбирала! – Я пытаюсь объяснить, но мои слова перемежаются всхлипами. – Я не люблю его, Джексон. Не так, как я люблю тебя.

– Это придет, – говорит он, и я знаю, как тяжело ему даются эти слова. – Узы сопряжения могут возникнуть, когда люди видят друг друга в самый первый раз, еще до того, как они узнают имена друг друга. Так случилось и с нами. Но магия знает, что они уже связаны. Ты просто должна верить. Как должен был верить и я сам, пока у меня еще была такая возможность.

Я отвожу взгляд, опускаю его – лишь бы не смотреть на Джексона. У меня разрывается сердце. Но вместо того чтобы отступить, он приподнимает мой подбородок, так что я вынуждена посмотреть в его темные безутешные глаза.

– Прости, что я не держался за наши отношения изо всех

сил. – Его голос звучит хрипло, почти неузнаваемо. – Я сделал бы все, чтобы избавить тебя от этого. Сделал бы все, чтобы вернуть мою суженую, мою пару.

Я хочу сказать ему, что я здесь, что я всегда буду рядом – но мы оба знаем, что это не так. Пропасть между нами продолжает расширяться, и боюсь, что настанет день, когда ни один из нас не сможет ее перепрыгнуть.

К моим глазам подступают слезы, и я начинаю неистово моргать, чтобы не дать ему увидеть, как я плачу. Чтобы ни ему, ни мне не стало еще хуже. И вместо того чтобы зарыдать, чего мне очень хочется, я делаю то единственное, что могу придумать, чтобы нам обоим стало хоть немного легче.

– Ты так и не закончил ту шутку, – шепчу я. – В чем ее соль?

Он непонимающе смотрит на меня. Возможно, он не может поверить, что в такую минуту я готова говорить о подобной ерунде. Но в моих отношениях с Джексонном было столько всяких эмоций – и положительных, и отрицательных, – что я не хочу заканчивать их на минорной ноте.

И заставив себя улыбнуться шире, продолжаю:

– Так что сказал пират, когда ему стукнуло восемьдесят?

– Ах, это. – Его смех звучит бесцветно, но это все-таки смех, так что я считаю это своей победой. Особенно когда он отвечает: – Он сказал, глядя на своих собратьев: «Черт бы побрал этих бесят».

Я уставляюсь на него, затем качаю головой.

– Ничего себе.

– Эта шутка не стоила твоих ожиданий, правда?

В его словах есть подтекст, но сейчас у меня нет сил разгадывать его, так что я сосредотачиваюсь на шутке.

– Да, она слабенькая.

– Знаю.

Его улыбка едва заметна, но она есть, и я ловлю себя на том, что мне хочется удержать ее, хотя бы ненадолго. Наверное, поэтому я качаю головой и говорю:

– О-о-очень слабенькая.

Он выгибает одну бровь, и у меня немного дрожат коленки, хотя теперь у них уже нет такого права.

– Ты думаешь, у тебя получилось бы лучше?

– Я знаю, что у меня получается лучше. Почему Золушка не сильна в спорте?

Он качает головой.

– Не знаю. Почему?

Я начинаю отвечать:

– Потому что она...

Но Джексон прерывает меня прежде, чем я успеваю дойти до кульминации. Его губы приникают к моим, и в этом поцелуе я чувствую всю силу затаенного горя, отчаяния и нашей потребности друг в друге, которые все тлеют между ним и мной.

У меня перехватывает дыхание, я тянусь к нему, желая зарыться пальцами в его волосы – в последний раз. Но он

уже исчез, и только стук захлопнувшейся двери напоминает о том, что он тут был.

По крайней мере до тех пор, пока по моим щекам не начинают течь безмолвные, неудержимые слезы.

Глава 8. Призракам не нужны грузовые такси, как и моему багажу

Всю неделю после того, как Джексон порвал со мной, я выходила из своей комнаты только затем, чтобы сходить на урок или в кафетерий, используя все возможные предлоги, чтобы оставаться там. Не хочу случайно встретиться с ним, ведь всякий раз, когда я вижу его в коридоре даже мельком, меня пронзает невыносимая боль.

В последнее время члены Ордена перестали ходить в кафетерий – надо думать, таким образом Джексон пытается дать мне прийти в себя. Я благодарна ему, хотя это и причиняет мне боль.

Я также начала избегать Хадсона, хотя и понимаю, что это отдает трусостью, ведь он только и делает, что старается быть мне другом. Но я не могу выкинуть из головы слова Джексона о том, каким делается лицо его брата, когда я поворачиваюсь, чтобы уйти.

Не знаю, правда это или нет, но знаю, что я не готова с этим разбираться. Лучше уж продолжать прятаться, пока я наконец не смогу думать о братьях Вега, не желая при этом свернуться в клубок и заплакать.

Хорошо уже и то, что сегодня утром я впервые за эту неде-

лю не рыдала в душе. Вряд ли это значит, что я в порядке, но это все же дает мне силы сделать то, что я должна была сделать еще несколько дней назад – покинуть безопасные пределы комнаты и отправиться в библиотеку. Мне надо сдать проект по физике полетов уже через несколько дней, а я еще не закончила работу над ним.

Я жду до десяти часов вечера, надеясь, что в такой поздний час полки библиотеки окажутся в моем единоличном распоряжении и никто не будет мне мешать. Теперь все в школе знают о драме, разворачивающейся между братьями Вега и мной, но вряд ли новость о моем расставании с Джексонном уже успела стать достоянием общественности.

Сам он явно не сказал никому ни слова, и я тоже.

У меня мелькает мысль о том, чтобы перейти в ипостась горгульи – я даже дотрагиваюсь до блестящей платиновой нити в глубине меня. Но полет над дикими лесами и горами Аляски не поможет мне избавиться от мук, ведь когда мое тело превращается в камень, это вовсе не значит, что то же самое происходит и с моим сердцем.

Я переодеваюсь в спортивные брюки и самую линялую и удобную футболку с изображением One Direction, хватаю с пола рюкзак и выхожу за дверь.

Но, судя по всему, вселенной надоело просто пассивно парить мне мозги, и она решила начать действовать, потому что, едва войдя в библиотеку, я вижу Хадсона, который сидит у окна, уткнувшись в книгу Хелен Прежан «Мертвец

идет».

Это немного слишком, но, похоже, Хадсон любит театральность в выборе книг. Может, подойти и поговорить? Но сейчас я не в том состоянии, чтобы мериться с ним остроумием. К тому же на нем с тем же успехом могла висеть невидимая табличка: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Прерывать его было бы... невежливо. Он не делает никаких попыток хотя бы посмотреть на меня.

Будь на его месте кто-то другой, я бы решила, что он просто не заметил меня. Но Хадсон – вампир с самыми острыми слухом, зрением, обонянием и осязанием на планете. Он не может не знать, что я здесь. Я уже чувствую, как между нами протягивается невидимая нить, соединяющая нас на каком-то глубинном уровне.

Может, все-таки подойти и поздороваться? Ведь он как-никак спас мою жизнь, хотя ради этого ему пришлось сразиться с его гнусным отцом... не говоря уже о том, что теперь он вынужден носить магический браслет, не позволяющий ему пользоваться волшебной силой вплоть до выпуска из школы.

Но в конце концов я трушу и так и не подхожу к нему. Да, мы видели друг друга в школе и сидели за одним столом после того, как оказались сопряжены, но между нами всегда имелся буфер. Мы ни разу не оставались наедине после тех минут перед Испытанием, когда я сотворила чары, чтобы позволить ему освободиться и оказаться наконец вне моей

головы. И, судя по тому, что он все время сторонится меня – даже когда рядом находятся наши друзья, – ему так же, как и мне, не хочется, чтобы мы остались наедине.

В конце концов я иду к столу, стоящему в другом конце библиотеки, решив – как всегда – увильнуть.

С твердым намерением не обращать внимания ни на него, ни на мое израненное сердце, я сажусь на стул и достаю свой ноутбук. И подключаюсь к библиотечной сети, чтобы воспользоваться одной из тех баз данных, доступ к которой можно получить только из этого помещения. Не проходит и пяти минут, как я начинаю работать над своим проектом по аэродинамике полетов на тему различий между крыльями горгулий и драконов.

Исследований по горгульям почти нет – что неудивительно, если учесть, что Неубиваемый Зверь уже много веков сидит на цепи, и за последнюю тысячу лет единственной известной горгульей стала я сама. С другой стороны, я могу исследовать саму себя, а значит, кое-что у меня все-таки есть.

Вскоре я погружаюсь в процесс и провожу почти два часа за учебой под выбранный наугад плейлист на Spotify. Но когда начинает звучать песня *Bad* в исполнении Джеймса Бэя, я начисто забываю о статье, которую читаю, и возвращаюсь в свой собственный персональный ад.

Мои руки дрожат, пока слова песни разрывают меня, словно взрывы гранат. Джеймс Бэй поет об отношениях, которые разбились, так что их уже не склеить, и каждое его

слово жжет мою душу, как огонь.

Я вынимаю из ушей наушники, как будто они раскалены, и так яростно отодвигаю от стола свой стул, что едва не опрокидываюсь на спину. Придя в себя, я не могу не заметить, что Хадсон пялится на меня с противоположной стороны библиотеки.

Наши взгляды встречаются, и, хотя чертовы наушники лежат на столе, я все еще слышу эту песню. Мое дыхание пресекается, руки начинают дрожать, а на глазах опять выступают слезы.

Я отчаянно стучу по экрану телефона, пытаюсь положить этому конец, но, видимо, я случайно нажала на кнопку громкой связи, и теперь песня вырвалась на свободу.

Меня будто парализует. *Черт, черт, черт.*

Внезапно красивые тонкие пальцы Хадсона сжимают мою руку, и все замирает... кроме этой глупой песни. И моего еще более глупого сердца.

Глава 9. Я и те-кого- нельзя-называть

Хадсон не говорит ни слова, вынимая телефон из моих судорожно сжатых пальцев. И так же молча выключает песню, так что библиотека вновь погружается в благословенную тишину.

Он продолжает молчать и тогда, когда снова вкладывает телефон в мои дрожащие руки. Но его холодные пальцы касаются моих, и мое уже и без того измученное сердце начинает колотиться изо всех сил.

Его глаза, блестящие и такие дерзкие, несколько мучительных мгновений не отрываются от моих. Его губы начинают чуть заметно шевелиться, и я уверена, что сейчас он что-то скажет, наконец нарушив молчание, которое висит между нами уже много дней.

Но он ничего не говорит. Вместо этого он поворачивается и идет к своему столу. И я не могу больше этого терпеть – этого молчания, повисшего между нами, словно сердце, забывшее, что оно может биться.

– Хадсон! – Как и та песня, мой чересчур громкий голос гулко отдается в зале, который сейчас, к счастью, почти пуст.

Он поворачивается, с царственным видом подняв одну бровь, его руки засунуты в карманы его строгих черных

брюк, и я не могу сдержатъ улыбку. Только Хадсон Вега с его британской прической помпадур и самодовольной ухмылкой мог надеть классические брюки и белую рубашку, отправившись в библиотеку в такой поздний час.

Его единственной уступкой стали закатанные рукава баснословно дорогой дизайнерской рубашки, обнажающие безупречно вылепленные предплечья – и я не могу не признать, что он выглядит чертовски привлекательно. Потому что он Хадсон, и разве может быть иначе?

До меня доходит, что я пялюсь на него, примерно тогда же, когда я осознаю, что он пялится на меня. Я сглатываю, пытаюсь подавить вдруг охватившую меня нервозность. Откуда она вообще взялась?

Это Хадсон, который несколько месяцев обитал в моей голове.

Хадсон, который спас мою жизнь и при этом едва не уничтожил весь мир.

Хадсон, который каким-то образом – несмотря ни на что – стал моим другом... а теперь и моей парой.

Это слово, «пара», все так же висит между нами. И заставляет меня нервничать, когда я едва заметно улыбаюсь и говорю:

– Спасибо.

В его взгляде отражается легкая насмешка, но он не произносит ничего из того, что – я это вижу – ему хочется сказать. Вместо этого он просто кивает, словно говоря «не за

что», и, повернувшись, идет прочь.

И тут у меня вскипает кровь. Как прикажете это понимать? Джексон не хочет быть со мной, потому что, по его мнению, Хадсон страдает, а Хадсон не может просто поговорить со мной даже тогда, когда я в таком расшатанном состоянии из-за этой чертовой песни. Я понимаю, что их отношения сложны – что все это сложно, – но мне надоело, что из-за их ссор страдаю я. Я хочу сказать – каким надо быть человеком, чтобы дать своему другу пропасть на целую неделю и даже не попытаться узнать, почему это произошло?

Ну уж нет, с меня хватит. Я бросаю телефон на стол и бегу вслед за ним.

– Ты это серьезно? – кричу я, глядя сзади на его широкие плечи.

Он шагает быстро, его длинные ноги лучше приспособлены для ходьбы, чем мои, но злость придает мне дополнительную скорость, и я нагоняю его прежде, чем он успевает снова сесть на стул.

– О чем ты? – спрашивает он, настороженно глядя на меня.

– Ты так мне ничего и не скажешь?

Я уперла руки в бока и едва удерживаюсь от искушения топнуть ногой. В глубине души я понимаю, что сейчас зла на весь мир, на вселенную за то, что она сотворила со мной. За то, что она отняла у меня Джексона, а затем и мою дружбу с Хадсоном. Я пыталась справиться со своим горем с тех са-

мых пор, как все это произошло, но неделю назад Джексон лишил меня возможности остаться на этапе отрицания, за которое я отчаянно цеплялась после разрыва наших уз соприкосновения. Так что, похоже, теперь я переживаю второй этап – гнев. И меня нисколько не смущает то, что я направляю его на Хадсона, хотя он ни в чем не виноват.

– А что я, по-твоему, должен сказать? – Из-за его британского акцента его слова кажутся мне еще холоднее.

Я раздраженно всплескиваю руками.

– Не знаю. Что-нибудь. Что угодно.

Он долго смотрит мне в глаза, и я уже начинаю думать, что сейчас он откажется говорить, но затем его губы изгибаются в той мерзкой самодовольной ухмылке, которая так бесила в то время, когда он жил в моей голове, и он замечает:

– У тебя в брюках дырка.

– Что? Я не... – Я опускаю взгляд и вижу, что на моих брюках не просто большая дыра, а что она к тому же расположена в таком месте, что сквозь нее видна верхняя часть моего бедра. И мои трусики. – Это твоих рук дело?

Теперь он поднимает обе брови.

– Что именно?

Я показываю на мои брюки.

– Эта дыра. Что же еще?

– Да, да, это сделал я, – отвечает он с совершенно серьезным лицом. – Я использовал свою сверхспособность по разрыванию ткани, чтобы проделать дыру в паховой области

твоих штанов. Но как ты догадалась? – Он поднимает руку с магическим браслетом и машет ею перед моим лицом.

– Извини. – У меня вспыхивают щеки. – Я не имела в виду...

– Еще как имела. – Он смотрит мне прямо в глаза. – Но зато теперь я знаю, что на тебе надето мое любимое белье.

Мой смущенный румянец становится еще гуще, когда до меня доходит, о чем он говорит – о том, что на мне сейчас надеты те самые черные кружевные трусики, которые он подцепил носком своего ботинка в школьной прачечной несколько недель назад, хотя у меня такое чувство, будто с тех пор прошел целый год.

– Ты действительно смотришь сейчас на мои трусики?

– Я смотрю на тебя, – отвечает он. – И если при этом я могу видеть твои *трусики*, то это скорее твоя вина, чем моя.

– У меня это в голове не укладывается. – Мое смущение уступает место досаде. – Ты игнорируешь меня столько дней, а теперь, когда я наконец удостоилась твоего внимания, это все, о чем ты хочешь поговорить?

– Во-первых, по-моему, это ты игнорировала меня, а не я тебя, тебе так не кажется? Во-вторых, прошу прощения, но на какую тему ты хотела поговорить? Дай догадаюсь. – Он делает вид, будто разглядывает свои ногти. – Ах да! Как там поживает старина Джексон?

Будь на его месте кто-то другой, я бы сейчас извинялась за то, что так долго избегала его. Я бы обратила накладку

с дыркой и трусиками в шутку и объяснила, что злюсь я не на него, а вообще. Но с Хадсоном бывает иногда так трудно, особенно когда мне кажется, что он намеренно выводит меня из себя.

– Может, тебе лучше спросить об этом у него самого? Если ты, конечно, вообще способен перестать упиваться жалостью к себе.

Он замирает.

– Значит, по-твоему, я упиваюсь жалостью к себе? – Видно, что он обижен – и оскорблен.

Ну и пусть, ведь я и сама чувствую себя оскорбленной.

– Ну не знаю. Не поговорить ли нам о твоём выборе книг? – Я бросаю взгляд на открытую книгу, которую он оставил на столе, когда поспешил мне на помощь.

На секунду в его голубых глазах вспыхивает огонь. Затем он так же быстро гаснет и сменяется его прежним выражением, как бы говорящим: «как же вы все меня достали», и мне кажется, что я вот-вот закричу.

Да, я знаю, что таков механизм его психологической защиты, которым он пользуется, чтобы не давать другим подходить к нему слишком близко. Но мне казалось, что после того дня, когда я победила в Испытании, придуманном его отцом, мы с ним оставили такие вещи позади.

– Мне просто захотелось почитать что-нибудь легкое.

– Это ты о книге, рассказывающей историю заключенного, который за свои преступления приговорен к смерти? Что,

Достоевский, по-твоему, уже не катит?

– Он слишком уж жизнерадостен.

Я фыркаю и смеюсь, потому что ничего не могу с собой поделаться. В этом весь Хадсон – как еще он мог отреагировать на эту книгу, возможно, самую депрессивную из когда-либо написанных книг? И от моей злости не остается и следа, напрягшиеся плечи расслабляются.

Но он не присоединяется к моему смеху. И даже не улыбается. Правда, теперь в его глазах появился блеск, которого прежде в них не было. Он смотрит поверх моего плеча на стол, за которым я сидела последние два часа.

– Над чем ты так усердно трудишься?

– Над моим проектом по физике полетов. – Я морщусь. – Мне надо получить хотя бы оценку «хорошо», чтобы иметь шанс сдать зачет по этому предмету.

– Тогда я не буду мешать тебе работать, – говорит Хадсон с небрежным кивком, который задает меня больше, чем я готова признать.

– Неужели ты не можешь поговорить со мной хотя бы десять минут? – спрашиваю я. Мне тошно слышать жалобные нотки, звучащие в моем голосе, но я ничего не могу с собой поделаться. Не сегодня, не здесь и уж точно не в разговоре с ним.

Он молчит долго. И даже не дышит. Затем наконец вздыхает и говорит:

– О чем нам говорить, Грейс? Ты же избегала меня не без

причины. — Его голос тих, и впервые я вижу на его лице усталость... и боль.

Но не он один чувствует себя усталым, и уж точно не он один испытывает сейчас душевную боль. Возможно, поэтому я даю полную волю своему сарказму, когда отвечаю:

— Ну не знаю. Как насчет того, что мы...

— Что? — перебивает меня он и смотрит на меня хищным взглядом, от которого меня пронзает тревога. — Что мы такое, Грейс?

— Друзья, — шепчу я.

— Так вот как ты это называешь? — Он усмехается. — Друзья?

— И... — Я пытаюсь дать ему тот ответ, которого он ждет, но мой рот застыл, как аляскинская тундра.

Я облизываю губы, сглатываю. Затем выдавливаю из себя те слова, которых он ждет. Те слова, которые висели между нами с той самой минуты, когда я вошла в библиотеку, хотя он упрямо делал вид, что не замечает меня.

— Мы сопряжены, — шепчу я.

— Да, мы сопряжены. И это полный облом.

Глава 10. Опыт новых уз

Я вздрагиваю.

– Я не знаю, что это, – отвечаю я так честно, как только могу.

Он сощуривает глаза, и во второй раз за сегодняшний вечер я напоминаю себе, что он не просто тот парень, который несколько недель обитал в моей голове, а затем спас мне жизнь. Он также опасный хищник. Не то чтобы я боялась его... но он определенно представляет опасность.

Особенно когда рычит:

– Не играй со мной, Грейс. Мы оба знаем, что ты любишь моего брата.

Это правда. Я люблю Джексона. Но я этого не говорю. Не знаю, почему я этого не говорю – возможно, по той же причине, по которой я не сообщаю ему, что на прошлой неделе Джексон порвал со мной. Потому что скоро он узнает об этом, и, когда это случится, я не хочу выглядеть жалкой.

Обычно мне нет дела до того, что обо мне думают другие. Но он не просто один из этих других, он Хадсон, и все мое существо восстает при мысли о том, что он будет жалеть меня. Что бы ни представляли собой наши отношения, они основаны на признании крутости друг друга и взаимном уважении. И я не могу вынести мысли о том, что он будет думать, будто мне нужна его жалость.

Не знаю, почему это так важно для меня, и, честно говоря, у меня нет сил на то, чтобы анализировать свое психическое состояние, пытаюсь узнать ответ на этот вопрос. Эта неделя и так была тяжелой, так что копание в себе в поисках каких-то там психологических открытий мне сейчас совершенно ни к чему.

А потому вместо того, чтобы обсуждать мои отношения с Джексонном, я кивком показываю на громадную стопку книг на его столе.

– Ну так чем же ты занимался в последние дни, если, конечно, не считать чтения всяких «легких» и духоподъемных книг? – Я понимаю, что это резкая смена темы разговора, но надеюсь, что он будет не против.

Во всяком случае, до тех пор, пока он не смотрит на меня с самодовольной ухмылкой и не отвечает:

– Узами соприкосновения.

Ну хорошо, возможно, Джексон был бы лучшей темой для беседы. В этом весь Хадсон – вечно ему надо тыкать тебя носом в то, что ты не хочешь обсуждать.

Разумеется, он сделал это нарочно – чтобы отпугнуть меня, заставить сбежать. Я знаю Хадсона и понимаю, что именно это у него на уме. Я вижу это по его глазам. Я знаю, как он думает – не зря же я провела несколько месяцев, терпя его присутствие в моей голове. Но понимание того, что он пытается заставить меня испугаться и убежать, только укрепляет мою решимость не отступить, какой щекотливой ни была

бы тема, которую он предложил. И не делать того, чего он ожидает.

Поэтому вместо того, чтобы сбежать к моей безобидной работе по физике полетов в противоположный конец библиотеки, я плюхаюсь за его стол и осведомляюсь:

– Ну и что ты узнал о них?

И вот оно в глубине его глаз. Удивление, да. Но также и уважение, то уважение, которое он всегда испытывал ко мне, которое всегда проявлял, как бы ни были остры наши разногласия.

– В основном я пытался понять, каким образом они работают, – отвечает он, садясь на стул с противоположной стороны стола.

Интересный выбор, если учесть, что он нереально крутой вампир, а я «всего лишь» горгулья. Но мне очевидно, что он опасается меня. Это видно по тому, как он кривит рот, как держится и как старается глядеть на что угодно, только не на меня.

Но он тоже не идет на попятную, и я пытаюсь понять, не руководствуется ли он теми же мотивами, что и я.

– Я думала, что все знают, как работают узы сопряжения, – замечаю я.

– Выходит, что нет. – Он начинает барабанить пальцами по столу, явно нервничая, чего прежде я за ним не замечала. – Нам известны основные моменты – например, то, что они возникают, когда люди впервые касаются друг друга, но,

похоже, это далеко не все, иначе мы не оказались бы в нынешней ситуации.

– Это же не всегда происходит именно так, верно? Я хочу сказать, что наши узы соприращения возникли не тогда, когда мы впервые коснулись друг друга.

– Да, они возникли именно тогда, – тихо говорит он. – Просто ты этого не почувствовала.

– А ты почувствовал? – Я потрясена. – В самом деле?

– Да. – В его тоне нет сарказма, как и во взгляде, которым он смотрит на меня, ожидая моей реакции.

– Когда это случилось? Как? – Мне в голову приходит ужасная мысль. – Мы что, были соприращены в те месяцы, которые провели вместе? – Те самые, которые мне все больше и больше хочется вспомнить.

– Нет. – Он качает головой. – Хотя соприращение духовно, действовать оно начинает в физическом плане, а в то время ни ты, ни я не имели тел.

Понятно. Если вы оказываетесь заперты вместе в духовном плане, этого недостаточно для того, чтобы вы стали соприращены.

– В таком случае *когда* это произошло?

Теперь он пристально смотрит на меня, и в его взгляде есть нечто такое, от чего кожа начинает гореть и у меня опять пересыхает во рту.

– Это случилось на арене для Лударес. Ты тогда была немного занята, поскольку тебе грозила смерть, но я почув-

ствовал это сразу.

У меня округляются глаза: теперь я многое понимаю, включая причину, по которой Хадсон сокрушил кости своего отца в пыль, а затем силой мысли разрушил весь стадион. Пару недель назад я слышала, как Мэйси спросила его, зачем он уничтожил арену, а он ответил, что сделал это для того, чтобы ни с кем больше не произошло того, что произошло со мной. Но теперь, когда я понимаю, что он знал, что я его пара, и думал при этом, что я умираю у него на руках... Странно, что от школы вообще хоть что-то осталось.

– Мне жаль, что тебе пришлось узнать об этом таким образом, – говорю я ему, потому что это не его вина – и не моя. И не вина Джексона, что бы он там ни думал. Это просто факт. И чем скорее мы примем его, тем скорее поймем, чего именно мы хотим. И что нам делать, чтобы это получить. – Должно быть, это было ужасно.

– Это было не особенно приятно, – отвечает он, скривив рот.

– Ты расстроен? – шепотом спрашиваю я.

Поначалу мне кажется, что он не ответит – он упорно не смотрит на меня, и это внезапное молчание с каждой секундой становится все более и более неловким.

В обычных обстоятельствах я бы просто обронила несколько непринужденных слов, чтобы разрядить обстановку, но вместо этого я заставляю себя закрыть глаза на неловкость этого момента и задаю Хадсону вопрос, который

мучает меня уже несколько недель. И который я всегда боялась задать.

– Скажи, что именно происходило между нами в те месяцы, когда мы были заперты вместе?

Глава 11. Плохие парни

– это самые лучшие парни

Его глаза темнеют, и в их синих глубинах я вижу что-то невыразимое. Какое-то смятение. Что-то страдальческое. Что-то... беспомощное. Мне странно думать так о Хадсоне. И еще более странно осознавать, что, возможно, в каком-то смысле в этом виновата я.

Но прежде чем мне удастся уложить в голове ту боль, которую я вижу, и придумать, что сказать, к нам подходит паренек помладше. Не знаю, из какого он класса, из девятого или из десятого, но очевидно, что ему меньше шестнадцати лет. И что он человековолк.

Это необязательно делает его плохим. Тот факт, что Коул и его подручные были засранцами, вовсе не означает, что плох любой человековолк – за примером далеко ходить не надо, взять хотя бы Зевьера. Но вряд ли я сейчас в силах начать выяснять, кто этот паренек и каковы его намерения. Ведь мое сердце громом отдается в груди, и я чувствую себя ужасно незащищенной.

Видимо, Хадсон чувствует себя так же, как и я – или хотя бы понимает, что чувствую я, – потому что он тотчас же вскакивает со стула. Более того, он сосредотачивает все свое внимание на человековолке и впивается в него таким хищ-

ным взглядом, что у того округляются глаза. Он останавливается как вкопанный еще до того, как Хадсон рычит:

– Сейчас ты уйдешь отсюда.

– Сейчас я уйду отсюда, – лепечет человековолк и начинает торопливо удаляться. Я ожидала, что он повернется и убежит, но я забыла, как хорошо у здешних обитателей развит инстинкт самосохранения. Человековолк ни на секунду не спускает глаз с Хадсона, пока не добирается до двери библиотеки. И даже там он отворачивается только на миг, чтобы найти дверную ручку.

Открыв дверь, он убегает с такой быстротой, будто за ним гонится свора адских псов. Интересно, что же такого он узрел в глазах Хадсона, что заставило его ретироваться так быстро, даже не попытавшись затеять спор?

Но когда Хадсон поворачивается ко мне, в его взгляде уже ничего нет. Ни угрозы, ни гнева. А также ничего из того, что я видела в его глазах несколько минут назад.

Вместо этого передо мной чистая гладь, прозрачная, как оконное стекло, и подобно стеклу, лишенная глубины.

– Я думала, ты не можешь пользоваться своей волшебной силой, – замечаю я, когда он снова садится на стул.

Он бросает на меня взгляд, в котором читаются удивление и досада.

– Ты что, забыла, что я *вампир*?

– Что? Значит ли это, что твою магическую силу вообще нельзя подавить? – И тут меня осеняет. – Или ты просто убе-

дил дядю Финна в том, что он ее подавил?

– Зачем мне это?

– А почему бы нет? – парирую я. – Среди моих знакомых не так уж много тех, кто готов позволить вот так просто лишиться их способностей, если они могут их сохранить.

– Но я не принадлежу к большинству. Как ты могла заметить, моя магическая сила такова, что жить с ней не так уж просто. Если бы я мог избавиться от нее, я сделал бы это не раздумывая.

– Я тебе не верю. – Досада на его лице сменяется возмущением, но я не сдаю назад. Вместо этого я пожимаю плечами и продолжаю: – Извини, но я не верю, и все. Ты обладаешь слишком большой силой, чтобы просто взять и отказаться от нее. Не забывай, что мне отлично известно, насколько она огромна.

Он вскидывает бровь.

– А тебе никогда не приходило в голову, что именно потому, что моя сила так велика, я и желаю от нее отказаться?

– Если честно, то нет. По-моему, ты не принадлежишь к такому типу людей.

– Какому?

– Ну, сам знаешь – к типу филантропов, готовых жертвовать собой, спасая мир. – Я округляю глаза. – К тому же если ты в самом деле отказался от своего легендарного дара убеждения, то как же тебе удалось заставить этого человеко-волка так быстро сбежать?

— Я тебе уже говорил. — Его лицо и голос полны самодовольства. — Я же вампир.

— Я понятия не имею, что ты хочешь этим сказать. — Но мои вспотевшие ладони говорят об обратном.

— А то, что этот зеленый человековолк отлично знает, что такой вампир, как я, может в два счета оторвать ему руки, если пожелает, и что для этого мне не нужна моя волшебная сила.

Он выглядит настолько довольным собой, что я не могу его не подколоть.

— Да ну? Ты в самом деле считаешь себя таким большим и нагоняющим такой страх?

Он моргает, уставившись на меня, как будто не может поверить, что я впрямь смеюсь над ним. Или даже более того, *флиртую* с ним. Но сама я испытываю еще большее потрясение, когда до меня доходит, что именно этим я сейчас и занимаюсь.

Хотела бы я знать, что на меня нашло. Я бы погрешила против истины, если бы сказала, что от того, как Хадсон рыкнул на этого человековолка, меня не бросило в дрожь. При чем не в такую, которую можно было бы назвать неприятной. Похоже, я из тех, кому могут нравиться разные типы парней.

Но это все равно ничего не значит, кроме того, что и в ипостаси человека, и в ипостаси горгульи я умею распознавать и ценить силу духа. Разве не так? Хадсон мой *друг*. А *люблю* я Джексона, и неважно, что мы с ним расстались. Любое вза-

имное влечение, возникающее между Хадсоном и мной, может объясняться только узами сопряжения и больше ничем.

Я знаю, каким мощным было мое влечение к Джексону, притом с самого начала – еще до того, как я узнала его, не говоря уже о том, чтобы влюбиться. Так есть ли основание думать, что с Хадсоном все будет по-другому?

От одной этой мысли я начинаю немного психовать.

К тому же Хадсон так и не ответил на тот вопрос, который я задала ему перед тем, как появился человековолок, так что я по-прежнему понятия не имею, что происходило между нами в те три с половиной месяца и что он чувствует ко мне, не говоря уже о том, что он думает о нашем союзе. И эта неопределенность нагоняет на меня страх.

– Вот именно, страх, – говорит Хадсон так внезапно, что у меня мелькает мысль, что он читает мои мысли. Но тут он обнажает свои клыки, и до меня доходит, что это ответ на мое предыдущее замечание.

Поскольку от вида его клыков меня тоже бросает в дрожь, я начинаю осознавать, что у меня, видимо, проблема, и серьезная, и это еще до того, как он спрашивает:

– Что именно ты хочешь узнать о тех месяцах?

– Меня интересует любая информация. – Я делаю глубокий вдох, надеясь уговорить неистовый стук сердца. – То, что ты можешь вспомнить.

– Я помню все, Грейс.

Глава 12. Вечные метания чистого разума

– Все? – повторяю я, немного потрясенная этим признанием.

Он подается вперед и снова говорит:

– Все. – Слово это больше похоже на рык.

И я едва не проглатываю язык.

Глубоко внутри просыпается и настораживается моя горгулья, и я чувствую, как мне передается ее каменная невозмутимость. Я заставляю ее успокоиться, уверив, что со мной все в порядке, хотя в эту минуту так и не кажется.

– Я помню, каково было просыпаться и наблюдать твои неизменные бодрость и оптимизм, – хрипло говорит он. – Я был уверен, что мы так и умрем, запертые там, но ты была убеждена, что мы спасемся. Ты отказывалась думать иначе.

– В самом деле? – В последнее время мне совсем не свойствен такой безбрежный оптимизм.

– О да. Ты все время рассказывала мне о всяких местах, которые ты покажешь мне, когда мы освободимся. Наверное, ты считала, что, если я смогу увидеть все места на планете, которые можно любить, я перестану быть порочным.

– О чем ты? – Это звучит так, будто я скорее ставлю его слова под сомнение, чем задаю ему вопрос, и, возможно, так

оно и есть. Потому что сейчас я могу думать только об одном: как тяжело ему пришлось, когда мы наконец вернулись. Сначала я вообще не осознавала, что он рядом, а осознав его присутствие, обрушила на него все мыслимые подозрения.

– Например, о городке Коронадо, где ты любила бывать, живя в Сан-Диего. Ты садилась на паром и проводила всю вторую половину дня, бродя по местным картинным галереям, а затем заходила в маленькое кафе на углу, чтобы выпить чашку чая и съесть пару печений размером с твою ладонь.

О боже. Я уже несколько месяцев не вспоминала об этом месте, и вот теперь Хадсон напомнил мне о нем, и я снова вижу его так ясно. И почти ощущаю вкус шоколадной крошки в печенье.

– А что это было за печенье? – спрашиваю я, хотя мне и так очевидно, что он говорит правду.

– Одно шоколадное с шоколадной крошкой, – отвечает он, улыбаясь, и это первая настоящая улыбка, которую я вижу на его лице за долгое время. Одна из тех немногих настоящих улыбок, которые мне вообще доводилось у него видеть. Она озаряет и его лицо, и все вокруг. И, если честно, меня самую... особенно меня самую.

И поскольку от этой мысли – от этого чувства – мне становится не по себе, я спрашиваю:

– А как насчет второго печенья?

Я никогда никому не рассказывала об этом, так что, надо думать, могу быть спокойна.

Но улыбка Хадсона становится только шире.

– Оно овсяное с изюмом, и по правде говоря, оно тебе не очень по вкусу. Но это любимые печенья мисс Велмы, а никто никогда не заказывает их у нее. Она говорила, что перестанет их печь, но ты видела, что это расстраивает ее, и начала заказывать по одному такому печенью всякий раз, когда приходила в ее кафе, чтобы дать ей повод продолжать их печь.

Я ахаю.

– Я никогда никому не рассказывала про овсяные печенья мисс Велмы.

Его глаза встречаются с моими.

– Ты рассказала про них мне.

Я уже несколько месяцев не думала о мисс Велме. Живя в Сан-Диего, я заходила к ней по меньшей мере раз в неделю, но потом мои родители погибли, я расклеилась и так больше к ней и не зашла. И даже не попрощалась с ней перед тем, как улететь на Аляску.

Мы с ней дружили, что кажется нелепым, если учесть, что она была просто хозяйкой кафе, которая продавала мне печенье, но мы правда дружили. Иногда я сидела в ее маленьком заведении и говорила с ней часами. Она стала для меня бабушкой, которой у меня никогда не было, а я худо-бедно заменяла ей ее внучат, которые жили на другом конце страны. А затем я просто взяла и исчезла. У меня падает сердце, когда я думаю об этом – думаю о ней и том, как она гадает,

куда я делась.

Но поскольку в последнее время на меня и без того свалилась куча огорчений, я заставляю себя забыть про свои сожаления и спрашиваю:

– А что еще ты помнишь?

На секунду мне кажется, что он примется давить на меня или, того хуже, начнет рассказывать какую-нибудь историю о моих родителях, которую услышал от меня и которую мне сейчас не вынести. Но он, как всегда, видит больше, чем следовало бы. И уж точно больше, чем мне бы хотелось.

Вместо того чтобы заговорить о чем-то сентиментальном, трогательном или грустном, он закатывает глаза и говорит:

– Я помню, как ты стояла надо мной каждое утро в семь часов и требовала, чтобы я проснулся и начал действовать. Ты настаивала на том, чтобы что-то делать, несмотря на то что мы ничего не могли.

Я чуть заметно улыбаюсь, услышав нотки легкого раздражения в его словах.

– Тогда чем же мы занимались? Я хочу сказать – помимо обмена историями.

Следует долгая пауза, затем отвечает:

– Разножками.

Это совсем не тот ответ, которого я ожидала.

– Разножками? В самом деле?

– Мы проделывали тысячи и тысячи разножек. – На его лице написана невероятная скука.

– Но как такое возможно? Я хочу сказать, у нас же не было настоящих тел, не так ли?

– Ты сотрясала все вокруг, когда совершала прыжок. Это было так неловко, но...

– О господи, скажи, что я не все это время оставалась камнем, – перебиваю его я.

– А как же. Я пытался уговорить тебя заняться каким-нибудь менее шумным спортом – например, стрельбой по тарелочкам или танцами в деревянных башмаках – но ты стояла на своем. Разножки – и все тут. – Он пожимает плечами, как бы говоря: ну что я мог поделать? – после чего наконец раздражается смехом, который так долго пытался сдержать. – Нет, ты была в своем человеческом обличье, но весь этот марафон разножек... – Он подмигивает мне.

– Но я терпеть не могу разножки. Я их просто ненавижу.

– Как и я. Теперь. Но ты же знаешь, что говорят о ненависти, не так ли, Грейс? – Он откидывается на спинку своего стула и смотрит на меня таким пламенным взглядом, что его жара, пожалуй, было бы достаточно, чтобы распрямить мои курчавые волосы. – Это просто другая сторона...

– Я в это не верю. – Я обрываю его прежде, чем он успевает закончить старую поговорку о том, что ненависть и любовь – это всего лишь две стороны одной медали. Не потому, что я действительно этому не верю, как я сказала, а потому, что какая-то часть меня верит. И потому, что сладить со всем этим сейчас я не могу.

Хадсон не пытается вывести меня на чистую воду, за что я ему очень благодарна. Но он и не оставляет эту тему. Он остается сидеть, обхватив рукой спинку соседнего стула и вытянув под столом свои длинные ноги, и смотрит на меня.

Мне следовало бы уйти – и я хочу уйти, – но в его взгляде есть нечто такое, что заставляет меня продолжать сидеть на месте, как будто я пригвождена к своему стулу, и чувствовать, как трепещет мое сердце.

С каждой секундой я все больше и больше ощущаю себя не в своей тарелке и в конце концов чувствую, что больше не могу. Я не готова с этим разбираться. Ни с чем из всего этого. И я отодвигаю свой стул от стола и говорю:

– Мне надо идти...

– Ты хочешь узнать, что еще я помню? – перебивает меня Хадсон.

Да, я хочу узнать все, что он помнит, хочу узнать, о чем я рассказала ему, чтобы увериться, что я не сболтнула лишнего, чтобы удостовериться, что я не дала ему в руки рычаг, который позволил бы ему уничтожить меня. А еще я хочу узнать все, что рассказал мне он.

Я хочу узнать про маленького мальчика, у которого отняли его брата. Хочу узнать про его отца, который обращался с ним, как с дрессированным тюленем, и использовал его как оружие. Хочу узнать про его мать, которая предпочитала не замечать тех ужасных вещей, которые творили с ее сыном, но которая затем, не раздумывая, разодрала лицо Джексона,

оставив на его щеке шрам за то, что он уничтожил своего старшего брата.

– О, какую же затейливую паутину ты пытаешься сплести...

– Убирайся из моей головы! – рявкаю я, вперив в него сердитый взгляд. – Как ты вообще можешь...

– Не обязательно владеть телепатией, чтобы понять, о чем ты думаешь, Грейс. Это написано у тебя на лице.

– Да, хорошо, мне надо идти.

– А я только разогрелся. – Когда я встаю, он тоже встает, и у него снова делается насмешливый тон. – Да ладно, Грейс. Неужели тебе не хочется узнать, что я подумал о том красном платье, в котором ты ходила на школьный бал? Или о том купальнике, который ты один раз надела на пляж в Мишн-Бич?

– Купальник? – верещу я, и мои щеки вспыхивают, когда до меня доходит, о каком купальнике он толкует. О том малюсеньком, крошечном бикини. Хезер купила его на распродаже в местном магазине для сёрфингистов и на спор предложила мне надеть его. В других обстоятельствах я бы не рискнула этого сделать, но она обвинила меня в том, что я косная, что я застряла в своей зоне комфорта и что я трусиха.

– Помнишь, лиловый со стрингами? Он был очень... – Он рисует в воздухе два крохотных треугольника. – Геометричным.

Он дразнит меня, и я это понимаю, но в его глазах виден

не только смех. В них есть что-то темное, что-то опасное, в их глубинах таится едва различимая страсть.

Я облизываю внезапно пересохшие губы и с трудом выдавливаю из себя слова, несмотря на ком в горле:

– Я в самом деле рассказала тебе все, да?

Он поднимает бровь.

– Как я вообще могу знать ответ на этот вопрос?

Он прав, но я зашла уже слишком далеко, чтобы это признать.

– Если ты видел тот купальник, то ты видел и...

Больше он ничего не говорит и уж точно не спешит удовлетворить мое любопытство. Не знаю, что это: одолжение или просто еще один способ помучить меня. Потому что теперь в его глазах уже явно читается пыл, и у меня вдруг возникает такое чувство, будто моя кровь одновременно и стынет и кипит. Я не знаю, что мне делать, что говорить – возможно, на несколько секунд я даже забываю дышать, – но затем Хадсон моргает, и страсть гаснет в его глазах так же быстро, как вспыхнула. Так быстро, что я начинаю сомневаться – может, мне это только померещилось?

Особенно когда он самодовольно улыбается и говорит:

– Не беспокойся, Грейс. Я уверен, что у тебя еще осталось множество секретов.

– А вот я не так уж в этом уверена. – Я заставляю себя изобразить на лице самодовольную ухмылку. – Что весьма хреново, поскольку, насколько я помню, я никогда не виде-

ла тебя ни в чем, кроме этих твоих тряпок от «Армани», с помощью которых ты защищаешь себя. – Я небрежно машу рукой, показывая на его рубашку и брюки.

Он опускает взгляд, смотрит на себя и спрашивает:

– А что, по-твоему, не так с моей одеждой?

– Да нет, все так, – отвечаю я, и так оно и есть, потому что никто – никто от слова совсем – не выглядит в брюках от «Армани» более сексуально, чем этот вампир, стоящий передо мной. Правда, ему я этого не скажу. Он и так слишком много о себе воображает. К тому же признать это было бы равносильно тому, чтобы сделать поворот куда-то, куда я, быть может, и не хочу, невзирая ни на какие узы сопряжения.

Его глаза грозно щурятся.

– Знаешь, ты можешь говорить это сколько угодно, но выражение на твоём лице говорит о чем-то совсем, совсем другом.

– Да ну? – Теперь уже я поднимаю бровь, подавшись к нему немного ближе. – О чем именно оно говорит?

Поначалу мне кажется, что он не ответит. Но затем я вижу, как что-то внутри него меняется. Вижу, как что-то в нем растворяется, пока осторожность, которой он, как щитом, заслонялся все последние недели, не уступает место такому безрассудству, которого я от него не ожидала.

– Оно говорит, что что бы ни происходило между нами те четыре месяца, это не имеет значения. Оно говорит, что ты всегда будешь хотеть Джексона. Оно говорит... – Он за-

молкает и подается вперед, пока наши лица не оказываются всего в нескольких дюймах друг от друга и мое сердце не начинает биться, как обезумевшая птица. — Что ты не успокоишься, пока не разорвешь узы нашего сопряжения.

Глава 13. Асоциальный инфлюенсер

– А ты этого хочешь? – шепчу я, слыша, как в моих ушах шумит кровь. – Ты хочешь их разорвать?

Он опять откидывается на спинку своего стула и спрашивает:

– А это сделало бы тебя счастливой?

Его вопрос пробуждает что-то в моей душе, что-то такое, с чем я не готова встретиться лицом к лицу, и я прибегаю к злости, которая в моих отношениях с ним всегда упрощала дело.

– Как я могу быть счастливой, если ты даже не делаешь вид, будто ты говоришь мне правду?

– Я *всегда* говорю тебе правду, – огрызается он. – Просто ты обычно бываешь слишком упряма, чтобы верить в нее.

– Это я-то упряма? – говорю я, не веря своим ушам. – Я? Это же ты не желаешь дать мне прямой ответ.

– Я дал тебе достаточно ответов. Просто они тебе не нравятся.

– Ты прав. Они мне не нравятся, потому что они уклончивы. Я задала тебе простой вопрос, а ты не можешь даже...

– В том вопросе, который ты мне сейчас задала, нет ничего простого, и, если бы ты так упорно не прятала голову в

песок, ты бы это понимала. – В глубине его глаз пылает гнев, и на этот раз, когда он обнажает клыки, это по-настоящему страшно. Страшно не потому, что я его боюсь – мне никогда в голову бы не пришло, что он может обидеть меня, – а потому, что теперь я понимаю, как неопределенность, нависшая над узлами нашего сопряжения, действует на него.

К тому же его слова слишком близки к истине, и моя злость проходит. Но не потому, что я не права насчет его ухода от ответа, поскольку я права. А потому, что в чем-то прав и он. А это значит, что правда, видимо, находится где-то посередине.

И потому, что я это понимаю, я делаю глубокий вдох и медленный выдох.

И крепко сжимаю его руку.

И шепчу:

– Ты прав.

Его напряженные плечи расслабляются, и его ярость уходит так же легко, как и моя. Он тоже сжимает мою руку, и его пальцы переплетаются с моими, хотя лицо его остается все таким же настороженным.

– Почему мне кажется, что ты пытаешься усыпить меня, внушить мне ложное чувство безопасности?

Я уныло смотрю на него.

– Наверное, потому же, почему мне все время кажется, что ты пытаешься водить меня за нос.

– И почему же?

Часть меня не хочет отвечать на этот вопрос, но это та самая часть, которая сожалеет, что я вообще завела этот разговор. Однако именно я его завела, и именно я обвинила Хадсона в том, что он не честен со мной. А раз так, то мне нужно исправить дело, несмотря на то, что, сказав ему правду, я поставлю себя в чертовски неловкое положение.

– Я боюсь, – наконец-то признаю я, глядя на что угодно, только не на его красивое лицо.

– Боишься? – В его голосе звучит потрясение. – Ты боишься меня?

– Да, тебя! – Я смотрю ему в глаза. – Кого же еще? И Джексона. Меня пугает вся эта ситуация. Как же может быть иначе? Это хаос, и как бы все это ни повернулось, кто-то обязательно пострадает.

– Грейс, неужели ты не видишь, что именно этого я и пытаюсь избежать? – Он качает головой. – Я не хочу причинить тебе боль.

– Вот и не причиняй. Просто будь со мной честен, и я тоже буду честна с тобой.

– Честность – это еще не гарантия того, что ты не пострадаешь, – тихо говорит он.

И тут меня осеняет. Хадсон пребывает в таком же смятении, как и я.

В таком же смятении, как и Джексон.

Не понимаю, почему это не дошло до меня раньше. Вероятно, потому, что он всегда кажется таким уверенным в

своих силах, в своей способности контролировать процесс, неизменно знающим, что надо делать в любой ситуации.

Правда, нынешняя ситуация отличается от всех других, о такой ситуации никто из тех, кого я знаю, не слышал никогда. Мне начинает надоедать вечно выступать в роли подопытного кролика, с которым что-то происходит впервые.

Я стала первым человеком, поступившим в Кэтмир.

Я первая горгулья, родившаяся за последнюю тысячу лет.

Я первая, кто за многие и многие века сумел отвоевать себе место в Круге.

И первая, чьи узы сопряжения были разорваны... и почти сразу же заменены другими.

В романах, написанных в жанре фэнтези, обретение человеком своей пары всегда подается как нечто чудесное, но думаю, авторы, пишущие о таких вещах, не бывали ни с кем сопряжены. Иначе они бы знали, как вся эта ситуация напрягает, пугает и подавляет.

Они бы знали, что не существует волшебной палочки, с помощью которой можно было бы заставить такие отношения работать. Или придать им легкость и непринужденность. Или хотя бы сделать их такими, какими ты хочешь их видеть.

Часть меня хочет сбежать, хочет сделать то, в чем меня обвинял Хадсон, то есть спрятать голову в песок, пока вся эта ситуация не рассосется сама собой или не перестанет иметь значение.

Но Хадсон наблюдает за мной, он ждет моего ответа. И

надо иметь в виду, что он и Джексон бессмертны – и сама я тоже весьма близка к тому, чтобы жить вечно. А значит, эта ситуация не рассосется, пока я ею не займусь.

Поэтому, вместо того чтобы сбежать или спрятаться в отчаянной попытке уберечься, я гляжу на Хадсона и говорю ему ту единственную правду, которую знаю:

– Ты прав. Честность не может уберечь нас от страданий. – Произнося эти слова, я вспоминаю свой разговор с Джексонем неделю назад. Это был самый открытый, самый честный, самый *сокрушительный* разговор в моей жизни, и по его итогам нам обоим пришлось страдать. – Но это все-таки гарантия того, что мы будем понимать друг друга. А это, по моему, единственное, на что можно надеяться.

Я вижу, что мои слова поражают Хадсона подобно удару. И тут мне становится ясно, что я должна открыть ему всю правду, какой бы уязвимой, незащищенной и *ущербной* это ни заставило меня почувствовать.

А потому я делаю глубокий вдох, медленно считаю про себя до пяти и выпаливаю:

– Мы с Джексонем расстались.

Глава 14. Разговор с камнем

У Хадсона округляются глаза, бледнеет лицо.

– Вы расстались? – повторяет он, будто не может поверить в то, что слышит.

Я вглядываюсь в его лицо, пытаюсь понять, что он сейчас думает, что чувствует, но единственная эмоция, которую я успеваю различить, это изумление, затем его лицо делается непроницаемым.

Что, в общем-то, не должно меня удивлять. Я всегда считала, что Джексон хорошо умеет скрывать свои чувства – если не считать вызванных им землетрясений, – но Хадсон в этом плане не уступает самым искусным игрокам в покер.

Однако несмотря на то, что я это уже знаю, я не могу не испытывать волнения, когда он поднимает на меня подчеркнуто спокойный взгляд. Наверное, поэтому я и начинаю запинаться, когда пытаюсь объяснить.

– Мы решили взять паузу, чтобы... в общем, он поднял эту тему, так что, пожалуй, можно сказать, что это решил он... но мы поговорили и подумали, что пауза могла бы...

Чем больше я жую сопли, тем более каменным становится лицо Хадсона, пока я не заставляю себя перестать мямлить и сделать вдох. Сделав это, я считаю от десяти до одного, и, когда наконец начинаю мыслить связно, делаю еще одну попытку.

– Он сказал, что неправильно... Все страдали... и все, ну все стало не... – Я замолкаю, не зная, что еще сказать.

– Стало не таким, как было прежде? – договаривает он. – Да, узы сопряжения, свалившиеся на одного из партнеров из ниоткуда, могут подействовать таким образом на влюбленную пару.

– Дело не только в узах сопряжения. Мы...

– Дело именно в них, – перебивает меня Хадсон. – Нет смысла делать вид, будто это не так, иначе мы все будем выглядеть как малые дети. Вы расстались из-за меня, и это именно то, чего я пытался избежать.

– Поэтому ты и не оставался со мной наедине – ни в кафетерии за обедом, ни где-то еще?

Он пожимает плечами.

– Однако это все-таки произошло.

– Мы с Джексоном расстались, потому что в последнее время все между нами кажется каким-то не таким, – возражаю я. – Без уз сопряжения все не так. Это не из-за тебя. Это из-за Коула и этого чертова заклинания Кровопускательницы. – Я стискиваю его руку. – Честное слово.

Какое-то время Хадсон смотрит на меня, но ничего не говорит. Вместо этого он чуть заметно качает головой и начинает собирать свои ручки и блокнот.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я. – Неужели ты собираешься сейчас просто взять и уйти, так ничего и не сказав? Опять?

– Библиотека закрывается, – отвечает он, кивая кому-то за моей спиной. – Собери вещи, и я провожу тебя до твоей комнаты.

– Ты не обязан этого делать. – Я пчусь от него, полная смуты и обиды. Я думала, что честность поможет – ведь мы только что согласились с тем, что именно она нам и нужна, – однако теперь он ведет себя так, будто боится подхватить от меня какую-то заразную болезнь, если между нами состоится настоящий разговор.

– Я знаю, что не обязан, но я тебя провожу. – Он выходит из-за стола, впервые с тех пор, как мы начали говорить, и идет рядом, когда я направляюсь к своему столу.

– Я вполне могу сама дойти до своей комнаты, – снова пытаюсь я, уже более настойчиво.

– Грейс. – Он произносит мое имя устало, как будто все связанное со мной требует от него напряжения. Это выводит меня из себя еще до того, как он продолжает: – Мы избежим ссоры, если я признаю, что ты вполне способна успешно сделать все, за что бы ни взялась? Но я все равно намерен проводить тебя до твоей комнаты.

– Почему я должна позволять тебе проводить меня, если мне очевидно, что ты не желаешь иметь со мной никаких дел?

Он выпускает нарочито тяжелый вздох, в котором звучит досада.

– Я хочу одного – спокойно закончить наш разговор, по-

ка я буду провожать тебя до твоей комнаты. – Его четкий британский выговор превращает слова в маленькие острые стрелы, бьющие точно в цель. – Это для тебя достаточно очевидно или мне нужно выразиться более конкретно?

Я собираю принадлежности в рюкзак и сердито смотрю на него. Он тоже смотрит на меня и что-то бормочет себе под нос, я догадываюсь, что он ворчит о том, как я ему надоела. Что ж, это понятно. Я знаю, что выражала свои эмоции слишком открыто, но я стараюсь взять их под контроль. Пусть я расшатана, но это не дает ему права разговаривать со мной, как с ребенком. Если он не хочет, чтобы я и впрямь начала вести себя как ребенок.

Это заманчивая мысль. Да, вероятно, она неправильна, но настолько заманчивая, что я не могу устоять.

Я останавливаюсь, складываю руки на груди и обращаюсь в камень.

Самое приятное в моей ипостаси горгульи то, что я могу становиться статуей, не утрачивая способности воспринимать происходящее – и потому сейчас я вижу, как у Хадсона делаются большие глаза и буквально отвисает челюсть. Возможность наблюдать, как Хадсон теряет дар речи, вполне искупает невозможность дать ему достойный ответ.

Особенно когда он наконец закрывает рот, но при этом не забывает обнажить клыки. Хотя непонятно, что он собирается с ними делать – ведь ему потребуется серьезная помощь дантиста, если он попытается укусить меня в моем нынеш-

нем обличье.

Библиотекарь Амка подходит к нам с явной опаской, словно не знает, хочется ли ей встречать. Я ее не виню. Разумеется, на моей памяти это не первая стычка между учениками, обладающими магической силой, а ведь я нахожусь здесь всего несколько месяцев. Я даже представить себе не могу, сколько таких стычек видела она.

Хадсон что-то говорит ей, но я понятия не имею, что именно, поскольку это звучит так, будто звук проходит через пятнадцатифутовую толщу воды. Она отвечает ему, и, видимо, это совсем не то, что ему хотелось бы услышать, потому что гнев на его лице сменяется чем-то похожим на страх.

Для него это необычно – в последний раз я видела на его лице страх, когда его отец укусил меня, – и, когда он поворачивается ко мне и начинает взволнованно говорить, я решаю, что, возможно, мне пора вернуться в мою человеческую ипостась. Ведь я хотела только преподать ему урок, чтобы отучить его смотреть на меня свысока, а не беспокоить его.

Я закрываю глаза и тянусь внутрь себя, ища платиновую нить, с помощью которой я могу менять обличье, но при этом мои пальцы касаются другой нити. Это та самая изумрудно-зеленая нить, которую я впервые заметила в школьной прачечной, после чего внутренний голос шепнул мне, что лучше ее не трогать. Но сейчас у меня нет времени об этом думать, поскольку все мое внимание принадлежит другой нити – ярко-синей и светящейся. Она искрит, и искры

разлетаются во все стороны.

Не надо быть гением, чтобы понять, что это и есть наши узы сопряжения. Это стало ясно, как только Хадсон объявил, что я его пара, – и, оправившись от шока, я первым делом начала искать эту нить. Найти ее оказалось легко – ведь только она так ярко светилась в тот момент.

Тогда она светилась в последний раз. Я проверяла ее каждый день, так что я в этом уверена. Но теперь она светится, переливается, и единственное, что приходит мне в голову, это...

Я резко втягиваю в себя воздух, и все мое тело напрягается от тревоги, потому что я вдруг чувствую Хадсона глубоко внутри меня.

Но не так, как прежде, когда мы могли слышать друг друга ясно. Я не знаю, что он говорит, как не знала этого секунду назад, когда он пытался докричаться до меня сквозь камень. Но я *чувствую* его – теплого, сильного и возбужденного. А от его прежней отстраненности не осталось и следа.

И это заставляет меня торопливо схватиться за платиновую нить. Одно дело – преподать ему урок, чтобы он не был таким придурком, и совсем другое – пугать его.

Едва я опять превращаюсь в человека, Хадсон заключает меня в объятие, полное невероятного облегчения и вместе с тем невероятно интимное.

– В чем дело? – спрашивает он, отстранившись и глядя меня по рукам, как будто не может поверить, что я снова из

плоти и крови – или проверяет, не пострадала ли я. – Почему ты сменила обличье?

– Потому что ты вел себя как придурок, и мне надоело слушать весь этот бред, вот я и превратилась в камень.

У него опять отвисает челюсть, а Амка только качает головой, усмехаясь. Хадсон сверлит меня сердитым взглядом, даже не глядя на нее, и она, подмигнув, показывает мне поднятый большой палец. Похоже, не только я считаю, что парней надо ставить на место, если они ведут себя как заносчивые придурки.

Я успеваю подумать, что с Джексоном я никогда бы не повела себя так, когда Хадсон рычит:

– Твое превращение в камень – это самое инфантильное использование магической силы, о котором я когда-либо слышал. – Он опять обнажает клыки, и я не могу решить почему: потому что пытается меня напугать или потому, что он настолько взбешен, что не может контролировать себя.

В конце концов я решаю, что это не важно, что я могу отплатить ему той же монетой. Поэтому я заканчиваю складывать свои вещи в рюкзак и подаюсь вперед, так что наши лица оказываются всего в дюйме друг от друга.

– Нет, самым инфантильным использованием моих сверхъестественных способностей стало бы обращение в камень тебя.

Затем я похлопываю его по плечу – одновременно подбадривая и угрожая – и шествую мимо. Машу Амке, идя к две-

ри и давая Хадсону возможность выбрать что-то одно: либо накручивать себя, предаваясь злости, либо проглотить свою гордость и догнать меня.

Я бы погрешила против истины, если бы сказала, что мне не хочется, чтобы он выбрал второе.

Глава 15. Маленькое соревнование между узами

Я уже прошла половину пути до лестницы, почти убедив себя в том, что он позволил своей злости взять верх, когда Хадсон догоняет меня.

Я прислушиваюсь, оглядываюсь, ища его глазами, но он движется так быстро и так бесшумно, что, когда он со спины хватается мое запястье и разворачивает меня к себе, это становится для меня полной неожиданностью. Пожатие его руки мягко, несмотря на то, что я даже не успеваю сообразить, что происходит, когда вдруг оказываюсь лицом к лицу с наполовину раздраженным, наполовину удивленным вампиром.

В отличие от меня, Хадсон отлично понимает, что делает, когда теснит меня, прижимая спиной к стене, увешанной старинными гобеленами.

Я думаю, что, может быть, стоило бы вырвать руку, но, видимо, он смекает, что у меня на уме, потому что сжимает мое запястье чуть крепче – не так крепко, чтобы причинить боль, но достаточно, чтобы я почувствовала холодное пожатие его пальцев на нежной коже внутренней стороны запястья.

– Ты думаешь, ты одна способна использовать свои способности безответственно? – спрашивает он, и в его тоне звучит высокомерие, которое действует мне на нервы... и в то

же время заставляет мое дыхание пресечься.

Сколько заезженных штампов. Парень ведет себя как придурак. Девушка дает ему достойный отпор. Парень бьет себя кулаком в грудь, и девушка попадает под действие его чар.

Ну нет, благодарю покорно. Битья себя кулаком в грудь недостаточно для того, чтобы я взяла под козырек – каким бы привлекательным и креативным ни был парень, который это делает.

И я говорю самым скучающим тоном:

– По-моему, ты заявил мне, что тебе нет нужды пускать в ход свою магическую силу. Ведь ты у нас *вампир*.

– Это было замечание, а не заявление о намерениях, – отвечает он, придвинувшись ко мне так близко, что я чувствую на своем ухе его жаркое дыхание.

По моему телу пробегает дрожь, вызванная отнюдь не испугом, и я пытаюсь отодвинуться, чтобы его рот оказался подалеже от моей кожи – не потому, что мне не нравятся ощущения от его близости, а потому, что я боюсь, как бы они не пришлись мне слишком уж по вкусу.

– Надо же, какой облом, – говорю я ему, отодвинувшись наконец на достаточное расстояние. – А мне так хотелось еще раз посмотреть на то, как ты взрываешь все вокруг.

Он делается серьезным, и проказливый блеск уходит из его глаз.

– А я-то как старался, чтобы этого не произошло.

В его голосе звучит обычная для него насмешка, но те-

перь я уже достаточно хорошо его знаю, чтобы расслышать искренность, которую скрывает этот сарказм.

Она обходит психологический щит, которым я прикрывалась весь этот вечер, и я невольно выпаливаю:

– Да, я тоже.

Его плечи никнут, и на секунду у него делается такой убитый вид, какого я у него еще не наблюдала.

– Это полный швах, Грейс.

– Да уж, – соглашаюсь я, и тут он прижимает свой лоб к моему. Это интимный момент – и у меня мелькает мысль, что надо бы отстраниться. Но «интимный» не обязательно означает «носящий сексуальный характер». У нас с ним было много интимных моментов – ведь он как-никак несколько недель жил в моей голове. И я говорю себе, что это просто еще один такой момент.

К тому же, думаю, сейчас я нуждаюсь в его поддержке не меньше, а может быть, и больше, чем он в моей.

И я делаю то единственное, что могу сделать в этой ситуации, единственное, что кажется мне правильным. Я высвобождаю свое запястье и обнимаю его. Возможно, вселенная и подложила нам огромную свинью, сопрягши нас, но в эту минуту мы просто двое друзей, пытающиеся отдышаться посреди всей этой полной жопы.

По крайней мере, так я себе говорю.

Эти объятия длятся всего минуту, но ее достаточно для того, чтобы я запомнила, каково это – чувствовать, как его

длинное гибкое тело касается моего.

Достаточно для того, чтобы ощутить быстрое-быстрое биение его сердца под моими руками.

И более чем достаточно для того, чтобы я...

– Я чувствовала тебя, – говорю я ему, когда он наконец делает шаг назад. – Когда была камнем. Я чувствовала тебя благодаря узам нашего сопряжения. Ты пытался достучаться до меня.

И в его глазах вдруг снова зажигается раздражение – и что-то еще, что-то такое, чему я не могу дать названия.

– Я подумал, что с тобой что-то стряслось, раз ты все никак не превратишься из статуи обратно в человека. Или что кто-то тебя заколдовал. Вот я и испугался. – Его взгляд ясно говорит мне, чтобы я больше не проделывала таких штук.

– Просто мне здорово не понравилось то, как ты со мной говорил. Я тебе не ребенок, и будь добр, не веди себя со мной так, будто я несмышленная малявка.

Кажется, я слышу скрип его зубов, но в конце концов он только кивает и соглашается:

– Ты права. Я прошу прощения.

Его признание своей неправоты настолько ошеломляет меня, что я говорю:

– А мне-то казалось, что я разговариваю с Хадсоном Ве-гой.

– Ладно, проехали, – бормочет он и продолжает путь к моей комнате.

Я иду следом, благодарная ему за то, что он всегда старается шагать достаточно медленно для того, чтобы мне не приходилось напрягаться, стараясь не отстать от него.

– Значит, ты в самом деле использовал узы нашего сопряжения, пытаясь достучаться до меня? – спрашиваю я, когда мы заворачиваем за угол.

Видно, что ему не очень-то приятно говорить на эту тему, и, возможно, мне следовало бы оставить ее, но как я смогу узнать принцип действия уз сопряжения, если не буду задавать вопросы? На уроках магии о таких вещах не говорят, и мне не приходило в голову спрашивать о них, пока не случилось то, что случилось.

– Я отправлял тебе энергию по нити этих уз точно так же, как это сделала ты после Испытания. – Он пристально смотрит на меня. – Ты не можешь этого не помнить. Это было, когда ты едва не умерла.

– Да, после того, как меня укусил твой отец. А что еще я могла сделать – умереть, забрав с собой всю твою магическую силу?

– Ну не знаю. Может, тебе следовало положиться на меня, поверить, что я не дам тебе умереть? – В его голосе звучит такое раздражение, что я едва не прыскаю со смеху. И не делаю этого только потому, что знаю: это вызвало бы у него еще большую злость.

– Я верила тебе, – говорю я ему, когда мы наконец доходим до подножия лестницы. – Как верю и теперь.

Его взгляд обжигает меня, и это еще до того, как он берет меня за руку, мягко сжимает ее и отпускает.

– Значит, ты видела узы нашего сопряжения? – спрашивает он, когда мы поднимаемся на мой этаж.

– Я вижу их каждый день, – отвечаю я. – Но сегодня они выглядели по-другому – светились и искрили. – Я снова смотрю на ярко-синюю нить и обнаруживаю, что искр больше нет, но свечение осталось.

– Думаю, искры были вызваны тем, что с помощью наших уз я пытался достучаться до тебя.

– Да, я тоже так подумала.

– А больше ты ничего не заметила? – спрашивает он, когда мы входим в длинный коридор, ведущий к моей комнате.

– А что еще я должна была заметить?

Он откашливается и, глядя прямо перед собой, говорит:

– Например, то, что они отличаются от тех уз, которыми ты была сопряжена с Джексоном.

– Хадсон, ты это серьезно? Тебе хочется сравнить *узы*? – спрашиваю я тоном, говорящим, что, по моему мнению, он пытается сравнить нечто совершенно иное.

– Я не это хотел сказать! Но я читал про узы сопряжения, и все, что я смог узнать, ведет к одному и тому же выводу.

– И к какому же?

– Их нельзя разорвать. Ни с помощью магии, ни по чьей-то воле. Разорвать их может только смерть, а...

– А иногда даже ей это не под силу, – договариваю я. – Да

знаю я, знаю. Точно такую же речь выдала мне Мэйси.

– Да, но Коул разорвал узы твоего сопряжения с Джексоном...

– Это мне известно. – Теперь уже в моем тоне слышится легкий сарказм. – Ведь я как-никак тоже была там, позволь тебе об этом напомнить.

– Я знаю, Грейс. – Он вздыхает. – И я вспомнил об этом не потому, что хочу причинить тебе боль. Но те, кто писал книги на эту тему, не могли одинаково ошибиться. И это навело меня на одну мысль.

– О том, откуда Кровопускательница знает то заклинание, которое их разорвало? – спрашиваю я.

На его лице отражается удивление – не знаю от чего: от того ли, что я тоже задаюсь этим вопросом, или от того, что я то и дело перебиваю его.

Но одно я знаю точно – меня напрягает тот факт, что он пустился в рассуждения об узлах сопряжения, и особенно о том, как их можно разорвать. Мне невдомек, почему меня это напрягает, но так оно и есть, а потому я продолжаю переть, как танк.

– Если их нельзя разорвать, то каким же образом у какой-то старой вампирши, живущей в пещере, могло оказаться под рукой заклинание, позволяющее проделать то, чего никто никогда не делал?

– Вот именно. А еще... – Он делает паузу, будто ему надо подготовиться к тому, что он собирается выдать – или к моей

реакции на его слова.

При этой мысли я расправляю плечи и начинаю ждать удара, хотя и знаю, что он будет не физическим.

– Ты помнишь, как выглядели узы твоего сопряжения с Джексоном? – спрашивает он. – Я видел их только один раз, в прачечной, и тогда я не придал этому значения, потому что не знал...

– Не знал чего? – У меня падает сердце.

Он вздыхает.

– Не знал, как должны выглядеть узы сопряжения.

– О чем ты? – Мой голос срывается.

– Нет, я не говорю, что вы с ним не были сопряжены по-настоящему. – Хадсон кладет руку мне на плечо. – Я хочу сказать, что с узами твоего сопряжения с Джексоном было что-то не так. Не знаю, в том ли было дело, что заклинание уже начало действовать, или в том, что...

– В том, что с ними всегда было что-то не так? – договариваю я.

– Да, – нехотя отвечает он. – Они были двухцветными, Грейс. Там было два цвета: зеленый... и *черный*.

Выходит, я правильно сделала, что приготовилась к удару, потому что в моем животе вдруг разверзается пустота, голова начинает кружиться, и в ней крутится одна-единственная мысль.

Если с узами моего сопряжения с Джексоном всегда было что-то не так... то, возможно, их уже никогда не удастся

ВОССТАНОВИТЬ.

Глава 16. Ты можешь убежать, но не можешь спрятаться

– Мне надо идти, – мямлю я и иду вперед по коридору, надеясь, что Хадсон просто даст мне уйти. Мне совершенно не улыбается и дальше копать в себе.

Думаю, до этой минуты я продолжала надеяться, что ситуацию еще можно исправить. Что мы с Джексонсом сможем снова быть вместе. Всю эту неделю я горевала об утрате наших уз сопряжения, но, несмотря на наш разрыв, не переставала думать, что мы найдем способ все наладить. Вот дура.

Мне следовало сразу понять, что магическая вселенная наверняка приготовила для меня еще одну подлянку.

Остается надеяться, что Хадсон позволит мне самой добраться до моей комнаты, чтобы я смогла без помех оплакать потерю *всего того*, что было между Джексонсом и мной.

Но Хадсон, похоже, не просекает фишку, поскольку продолжает идти рядом. Ну конечно. С какой радости ему вдруг начинать делать то, чего хочу от него я?

Мои руки дрожат, я пытаюсь сдержать слезы, которые выйдут меня с головой, и жду, когда он спросит, в чем дело, или, хуже того, поинтересуется, все ли со мной в порядке. Но он не спрашивает, а просто шагает молча, затем наконец прерывает молчание:

– Я понимаю, что эта новость стала для тебя шоком, Грейс. Но в самом деле, неужели ты так уж удивлена тем, что малыш Джекси не сумел справиться даже с такой штукой, как узы сопряжения?

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему, чувствуя, как отчаяние, грозившее поглотить меня целиком, моментально сменяется яростью.

– Ты серьезно? Неужели у тебя совсем нет сострадания?

Он опять напускает на себя скупающий вид.

– Я же вампир. Сострадание – это не по нашей части.

Я щурю глаза.

– Если ты будешь продолжать в том же духе, я обращаю тебя в груды камней.

– У-у-у, как я испугался. – Он картинно взмахивает руками, изображая панику. – О, погоди. Это мы уже проходили.

И я вдруг понимаю, насколько дурацким получается этот разговор, и моя злость испаряется.

Однако Хадсону это, похоже, невдомек, поскольку вид у него оскорбленный – вернее, я так думаю, пока не заглядываю в его глаза и не вижу в их глубине удовлетворение. И до меня доходит еще кое-что.

Хадсон затеял это нарочно. Он знал, что я убита горем, знал, что я прилагаю все силы, чтобы не разреветься прямо здесь, посреди коридора. И донимал он меня не потому, что он говнюк, а потому, что он старался быть милым, хотя он наверняка скорее бы умер, чем признался в этом.

Он делает это не в первый раз и, вероятно, не в последний. Но, может быть, когда-нибудь я все-таки перестану на это клевать. Может быть.

А может, и нет.

Потому что что-то во всем этом, в этих наших обменах колкостями, в нашей грызне иногда бывает ужасно похоже на... на любовную игру.

От этой мысли мне делается еще больше не по себе. Потому что любовная игра многогранна, она дарит радость и приятно щекочет нервы, но в конечном итоге она обычно приводит к чему-то иному, к чему-то важному, а я понятия не имею, как я к этому отношусь. Ведь прошла всего лишь неделя с тех пор, как Джексон разбил мое сердце... и всего лишь считанные минуты с того момента, когда я узнала, что исправить это нельзя.

Мы наконец доходим до моей комнаты, но прежде чем мне удастся скрыться за дверью, бросив через плечо: «*спасибо за странный вечер*», Хадсон останавливает меня.

– С тобой все в порядке? – спрашивает он, подняв брови и преграждая мне путь рукой, упертой в косяк.

– Да, – отвечаю я, хотя я совсем не уверена, что это так, ведь внутри меня творятся такие странные вещи. Я даже представить себе не могла, что буду вот так реагировать на Хадсона. Может, он и моя пара, но он также и мой друг, однако весь этот момент и эта его поза определенно выглядят не по-дружески.

– Мне надо идти к себе, – говорю я, досадуя на то, что у меня пресекается дыхание. И еще больше на то, что в ответ у него расширяются зрачки... вот только это не совсем досада.

– Хорошо. – Он делает шаг в сторону. – Но дай мне знать, когда тебе действительно захочется получить ответы.

– Какие ответы?

– Ответы на те вопросы, которые ты задаешь. Ты не можешь прятаться всю дорогу, Грейс.

Это так близко к тому, о чем я уже думала, к тому, что я говорила Мэйси, что меня опять охватывает злость.

– Я не какая-нибудь слабачка, – говорю я. – Я вполне способна справиться с трудностями.

– Ты способна справиться с чем угодно. Никто в этом не сомневается – а если сомневается, то он дурак, ведь ты уже доказывала это, и не раз. Ты самый потрясающий человек, которого я когда-либо знал.

Хадсон никогда не говорит того, чего не думает, наверное, именно поэтому его слова так действуют на меня. Но прежде чем я успеваю придумать ответ, он добавляет:

– Однако у тебя есть склонность уходить от конфликта, если это возможно.

– А что плохого в том, что я не хочу ссор? – спрашиваю я.

– Ничего. Но плохо продолжать прятаться, пока проблемы не становятся такими большими, что игнорировать их уже нельзя. Это что-то вроде того, как некоторые люди поступают со счетами – они складывают их в ящик, потому что не хо-

тят платить. И продолжают набивать и набивать этот ящик, так что в конце концов новые счета перестают в него влезать – и к этому времени их жизнь уже пошла наперекосяк. Да, дела могут идти плохо, и поначалу кажется, что легкого решения нет, но потом, если ты слишком долго тянешь, из всех возможных вариантов у тебя остаются только те, которые тяжелее всего.

Его слова задевают меня за живое. Наверняка он говорит об узах нашего сопряжения. Он так и не сказал, какие именно данные он искал в библиотеке, но теперь я вдруг въезжаю. До сих пор я не позволяла себе задумываться над тем, как Хадсон может относиться к нашему сопряжению, или спрашивать об этом у него самого. Я была не готова ни к одному из возможных ответов – ни к тому, что он рад этому сопряжению, ни к тому, что он сожалеет о нем. Но пока я прятала голову в песок, Хадсон продолжал действовать.

– Ты сказал, что сегодня вечером изучал информацию об узах сопряжения, – шепчу я, чувствуя, как сильно бьется сердце. – А что именно ты пытался выяснить?

Несколько секунд он смотрит мне в глаза, затем отвечает:

– Каким образом их можно разорвать.

Глава 17.

Противоречивые сигналы

Три часа спустя я все так же смотрю на потолок над моей кроватью, думая о словах Хадсона насчет того, что я всякий раз стараюсь уходить от конфликтов.

Я хочу, чтобы он был неправ, правда, хочу. Но чем дольше я лежу на ярко-розовом стеганом одеяле, которое мне не нравится – и никогда не нравилось, – тем больше мне кажется, что он прав. Особенно когда, перевернувшись на живот, я утыкаюсь лицом в ярко-розовую декоративную подушку.

Я делаю глубокий вдох.

И впервые позволяю тем вопросам, которые я игнорировала несколько месяцев, заполнить мою голову, подобно рою рассерженных пчел.

Каким образом Лия узнала, что я пара Джексона, еще до того, как я слышала о таком месте, как Кэтмир? До того, как мы с Джексонном коснулись друг друга? Ведь считается, что узы соприкосновения возникают только после такого соприкосновения? Если уж на то пошло, то как она могла узнать, где меня искать?

Каким образом я смогла унести Хадсона из нашего мира и оказаться запертой вместе с ним в каком-то другом измерении? И почему там узы моего соприкосновения с Джексонном

исчезли?

Почему узы моего сопряжения с Джексоном были двух цветов, а не одного, почему они представляли собой переплетение зеленого и черного вместо того, чтобы иметь один цвет, четкий и яркий?

Откуда Кровопускательница узнала, как их можно разорвать? Как она поняла, что их вообще можно разорвать, если прежде никто этого не делал?

Как получилось, что в конце концов я оказалась сопряжена с Хадсоном? Одно дело обнаружить, что твои узы сопряжения разорваны – хотя считается, что это невозможно. И совсем другое – в тот же самый день получить новые узы сопряжения, узы сопряжения с другим человеком, ведь такое, по идее, еще более невозможно, не так ли?

Чувствуя, как во мне поднимается волна паники – такая знакомая, – я злюсь на Хадсона за то, что он заставил меня заглянуть в себя. Это было нечестно – ведь сам-то он понятия не имеет, каково это – терпеть панические атаки.

Нельзя сказать, что я вообще никогда не задумывалась над этими вопросами. Разумеется, я думала о них – много раз. И всякий раз тут же запирала их в стальной ящик. Но можно ли меня за это винить? Я готова на все, лишь бы избежать панической атаки. Утратить контроль над собой настолько, что я не могу управлять даже своим собственным дыханием, – это ужасно. Хорошо, ладно, возможно, мой способ борьбы с этими атаками и ущербен, но это не значит, что

кто-то имеет право осуждать меня, и уж подавно такого права нет у Хадсона, которому из всего спектра эмоций доступен один только сарказм.

К тому же что бы я стала делать с ответами на эти вопросы, если бы даже смогла их получить? Разве это что-нибудь изменило бы? Или же это, наоборот, только все осложнит? Если за последние полгода я что-то и узнала, то это сводится вот к чему – всякий раз, когда я начинаю думать, что дела идут хорошо, всякий раз, когда мне кажется, что я решила какую-то проблему, на меня обрушивается новая проблема, еще более трудная, чем предыдущая.

Да что Хадсон вообще может знать о моей жизни? Я начинаю раздувать в себе праведный гнев, и весь он направлен на Хадсона.

После гибели моих родителей прошло всего полгода – полгода. К тому же более половины этого времени я провела в камне в обществе Хадсона. Но и за оставшиеся два месяца на меня свалилось столько напастей, что, не переживи я их все сама, я бы не смогла себе представить, что такое возможно.

Не хочу драматизировать, но после всего этого стоит ли удивляться тому, что теперь панические атаки случаются у меня по два раза на день?

После гибели моих родителей я переехала в край, находящийся в тысячах миль от моего дома. Я нашла свою пару, узнала, что я горгулья, обзавелась изрядным количеством

врагов, с боем завоевала себе место в совете, о существовании которого я еще недавно даже не подозревала, обнаружила, что единственное другое существо моего вида сидит на цепи в пещере, в которой я, ко всему прочему, еще и потеряла одного из своих друзей, затем я лишилась своей пары, едва не умерла от укуса одного из своих новообретенных врагов – и нашла себе новую пару. И все это происходило, пока я пыталась закончить старшую школу.

Хадсон может сколько угодно рассказывать, что я прячусь от своих проблем, но не лучше ли посмотреть на это с моей точки зрения? По-моему, проблемы находят меня сами, и совершенно не важно, прячусь я от них или нет.

Но тут я начинаю думать о том, что Хадсон сказал про ящик, в который засовывают счета, пока он не наполняется до отказа. Начинаю думать о гибели Зевьера, о том, что Джексон порвал со мной, о Коуле, которому, как я надеюсь, приходится сейчас несладко. О том, что Хадсону настолько не хочется быть сопряженным со мной, что по вечерам он ищет информацию о том, как можно было бы разорвать узы нашего сопряжения.

Последнее заставляет меня задуматься. И проглотить мой праведный гнев.

Из-за моего страха Хадсон был вынужден пытаться решить наши с ним проблемы в одиночку. Может быть, я не могу найти решение всех вопросов, но я могу попытаться отыскать ответ по крайней мере на один из них.

Но с какого начать?

И тут я начинаю думать о Кровопускательнице. И думаю долго и о ней, и о том заклинании, которое она откуда-то узнала и дала Джексону, чтобы он разорвал узы нашего со-пряжения.

Если кто-то был готов пойти на такое – на то, чтобы нанести урон узам моего со-пряжения с Джексон... то что еще этот человек может сделать со мной? С Джексон? С Хадсон? И внезапно все эти вопросы вызывают у меня не паническую атаку, а злость. Если она знала, как разлучить Джексона и меня... то она обязана дать нам такое заклинание, которое все исправит. А также ответы на вопросы.

– Ты все время ворочаешься, – сонно говорит Мэйси. – Что случилось?

– Извини. Я не хотела тебя разбудить.

– Не парься. Теперь я вообще плохо сплю. – Слышится шуршание одеяла, затем загорается ночник с радужным аб-журом. – В чем дело? Я заметила, что в последнее время ты почти не общаешься с Джексон... Да и с Хадсон, если уж на то пошло.

Я делаю глубокий вдох и срываю с раны пластырь.

– На прошлой неделе Джексон расстался со мной.

Мэйси ничего не говорит, а просто лежит в полумраке несколько минут, и я слышу ее ровное дыхание. Она не спрашивает меня, почему я не сказала ей об этом раньше, и за это я люблю ее еще больше. Затем она поворачивается ко мне,

смотрит мне в глаза и говорит только одно:

– Мне так жаль.

Я качаю головой, пытаюсь сдержать слезы. Я не могу говорить об этом сейчас. Я слишком измучена, чтобы вести разговор по душам с моей кузиной. И она, видимо, чувствует это, поскольку спрашивает:

– Ты собираешься что-то с этим делать?

Да, собираюсь, и в моей голове начинает брезжить мысль.

– Как ты думаешь, я могла бы как-то договориться о встрече с Кровопускательницей?

– С Кровопускательницей? – В голосе Мэйси звучит удивление, но она, видимо, быстро понимает, что у меня на уме, поскольку добавляет: – Не знаю насчет «договориться», но уверена, что ты могла бы убедить Джексона доставить тебя к ней.

– А что, если он не согласится? Я понятия не имею, как мне попасть туда без его помощи.

– Он доставит тебя туда. – В ее голосе звучит куда больше уверенности, чем есть у меня после того разговора с Хадсоном. – Ведь узы вашего сопряжения важны не только для тебя, но и для него.

– На прошлой неделе я бы согласилась с тобой, но теперь... – Я думаю о холодности в его глазах, когда он говорил о разрыве. – Теперь я уже не так в этом уверена.

– Ну а я уверена настолько, что моей уверенности хватит и на тебя, и на него. Напиши ему и попроси доставить тебя

туда в эти выходные. Она обязана дать вам объяснение.

По-моему, она обязана сделать для нас намного больше, ведь это ее заклинание разрушило мою жизнь. Впрочем, возможно, только мою...

Я поворачиваюсь на бок и беру свой телефон. Но вместо того, чтобы написать Джексону, я пишу Хадсону.

Я: Привет, ты не хочешь кое-куда прогуляться со мной на этих выходных?

Ответа нет, и до меня доходит, что час поздний; вероятно, он уже лег спать. Но тут на экране появляются три точки, означающие, что он пишет ответ, и я ничего не могу с собой поделать – мое сердце начинает биться быстрее.

Хадсон: Кое-куда – это куда?

Я улыбаюсь. Ну конечно. Только так он и мог ответить.

Я: А это важно?

Хадсон: Если ты задумала совершить государственный переворот в какой-нибудь небольшой стране, то да. Если ты хочешь поваляться на снегу, то нет.

Я: Извини. Никакого переворота.

Я: Я хочу встретиться с Кровопускательницей.

Нет ответа. Я заставляю себя смотреть на экран, пока на

нем опять не возникают три точки.

Хадсон: Я сейчас свободен...

Ну, конечно. Весьма оскорбительно, что ему настолько не терпится разорвать узы нашего сопряжения, что он ради этого готов бросить все.

Я: В субботу.

Хадсон: Или сейчас.

Я посылаю ему эмодзи, где человечек закатывает глаза.

Я: Я не передумаю.

Я: Я приглашу и Джексона.

Хадсон: Может, ты все-таки просто поваляешься в снегу?

Я не могу удержаться от смеха.

Я: Увидимся на уроке.

Хадсон: Как сказал Достоевский, «страдание и боль обязательны для широкого сознания и глубокого сердца».

Я: Мне казалось, что «Преступление и наказание» для тебя чересчур легкое чтение.

Хадсон: Похоже, сейчас у меня прилив оптимизма.

Я: Спокойной ночи.

Хадсон: Спокойной ночи, Грейс.

Я держу телефон в руке еще несколько секунд, чтобы посмотреть, не напишет ли Хадсон что-то еще. Когда он этого не делает, я начинаю думать о том, чтобы написать Джексону и поставить его в известность, но затем решаю, что смогу просто поговорить с ним завтра на уроке. Отправить парню сообщение через неделю после того, как он бросил тебя, слишком похоже на акт отчаяния, особенно после полуночи.

– Судя по твоей улыбке, он согласился, – говорит Мэйси.

Она думает, что я писала Джексону. Я понимаю, что мне следовало бы поправить ее, но, по правде говоря, сейчас я не нахожу в себе сил объяснять ей, что не только Джексон, но и Хадсон хочет порвать со мной.

Глава 18. Среди равных

Мы с Мэйси просыпаемся за десять минут до того, как звенит звонок на урок.

Мэйси это нипочем, она просто наводит красоту с помощью чар – и все, она уже готова, а вот мне пипец. Обычно мне нравится быть горгульей, но надо признать, что иногда мне здорово мешает тот факт, что на меня не действуют никакие магические чары... ведь это значит, что я вынуждена умываться ледяной водой, поскольку у меня нет времени ждать, пока она нагреется до приемлемой температуры.

– Хватит, Грейс, пошли! – кричит Мэйси, стоя у двери, и мне хочется послать ее к черту. Но не ее вина, что она не может придать мне пристойный вид с помощью своих чар – она пыталась, и не раз. Не виновата она и в том, что выглядит на все сто, в то время как я смотрюсь как жертва какого-нибудь чудовища из ужастика про монстров.

– Иду, иду, – говорю я, закинув на плечо рюкзак и быстро схватив из ящика письменного стола лиловую резинку для волос. Выходя в коридор, я стягиваю волосы в конский хвост и радуюсь тому, что мы вышли прежде, чем я успела посмотреть на себя в зеркало. Тем более что я уверена – я нацепила ту самую тенниску, которую бросила на дно моего стенного гардероба на прошлой неделе, когда убедилась, что мне не удалось отстирать с нее пятно.

Фантастика.

Потому что только одна вещь может быть хуже, чем войти в комнату, полную монстров, выглядя так, будто ты только что встала с кровати. Это войти в комнату, полную монстров, выглядя так, будто ты вообще не ложилась спать.

Они чувствуют твою слабость.

Мы с Мэйси вместе сбегает по лестнице, затем, добравшись до первого этажа, расходимся. У нее сейчас урок актерского мастерства в одном из флигелей, а мне предстоит урок этики силы. Это шестинедельный семинар, обязательный для выпускников – думаю, потому, что, по мнению дяди Финна, нельзя выпускать в мир кучу сверхъестественных существ, обладающих немалой магической силой, не дав им представления о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Это интересный предмет и единственный, в котором я делаю успехи, поскольку не пропускала уроков, но я все равно иду на него со страхом. Этот курс ведет блестящая преподавательница, но она та еще стерва. К тому же ее кабинет – это самое жуткое из всех помещений Кэтмира, а это о чем-то говорит, если учесть, что подземелья под нашим замком полны человеческих костей.

Я уже тысячу раз спрашивала, для каких целей это помещение использовалось прежде, но мне так никто и не ответил. Думаю, это потому, что они щадят мои чувства, но неизвестность только распаляет мое воображение... и отнюдь не в хорошем смысле этого слова. Откуда на камнях

могли взяться эти пятна сажи и следы ногтей? Тем более на нескольких уровнях здесь есть остатки того, что смахивает на вделанные в стены железные кандалы...

Быстро взглянув на свой телефон, я вижу, что до звонка осталась всего одна минута – под звонком я подразумеваю мелодию припева новой любимой песни дяди Финна – *Bury a Friend*² Билли Айлиш. Потому что она здорово создает атмосферу. Мэйси этот мотив выводит из себя. Что до меня, то после двенадцати лет обычных скучных школьных звонков это кажется мне приятным разнообразием.

Класс, где проводятся занятия по этике силы, отделен от остальной части замка длинным извилистым коридором, и я пускаюсь бежать по нему – отчасти потому, что опаздываю, а отчасти потому, что мне ужасно не хочется болтаться здесь одной.

В нем нет ничего такого, что наводило бы страх, но, проходя по нему, я всякий раз чувствую, как мороз бежит по коже, и не потому, что я на холодной Аляске, а потому, что в этой части школы что-то не так. Очень, очень не так.

Разумеется, ведь этот коридор ведет туда, где несколько веков назад – я в этом уверена – находилась камера пыток, так что это жуткое чувство не должно меня удивлять.

В конце концов коридор заканчивается, хотя я знаю, что я уже опоздала. Я останавливаюсь всего лишь на секунду, чтобы привести мысли в порядок – и пригладить волосы. Ведь

² Похоронить друга (*англ.*).

этот класс наводит такую жуть не только из-за своей истории. То, что находится внутри него, тоже напрягает меня.

Именно поэтому, несмотря на то, что уже звучит мелодия звонка на урок, я мешкаю и делаю несколько глубоких вдохов прежде, чем наконец прошмыгнуть в большой круглый кабинет. Опустив голову, я направляюсь к одному из свободных столов в заднем ряду, но не успеваю я сделать и двух шагов, как слышу громовой голос учителя:

– Добро пожаловать, мисс Фостер. Так приятно, что вы явились на наш урок.

– Простите за опоздание, мисс Вираго, мне очень жаль. – Я хочу сказать ей, что это не повторится, но я учусь в Кэтмире достаточно долго, чтобы понимать, что лучше не давать таких обещаний. Особенно самой стервозной из всех здешних учителей.

– Мне тоже. – Она произносит эти слова отрывисто, злобно, будто каждое из них – ее враг. – Подойдите ко мне после урока, чтобы получить задание для наверстывания того, что вы пропустили.

Того, что я пропустила? Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, что я могла пропустить за десять секунд, но, похоже, никто еще не начал даже делать заметки. Мисс Вираго замечает, что я осматриваю класс, глаза ее зло сужаются, и она шагает вперед, сердито стуча каблуками.

– У вас какая-то проблема, мисс Фостер?

– Вовсе нет...

– Тогда, быть может, вы хотите нам объяснить, каким образом первый принцип Ролза можно применить к...

– Простите, что перебиваю, мэм, – говорит Хадсон умиротворяющим и... кажется, прямо-таки *ангельским* тоном. – Но не могли бы вы повторить, как бы Кант отнесся к магическим пыткам? Я не совсем понимаю его категорический императив...

Она выпускает тяжелый вздох.

– Категорический императив *не настолько* труден для понимания, мистер Вега. Во всяком случае, если вы слушали меня внимательно.

– Я знаю. Простите. Но, по правде говоря, я нахожу трудной всю философию Канта. – В его тоне нет ни капли сарказма, он сладок как никогда.

– Что ж, тогда вам, вероятно, также следует подойти ко мне после урока. Вы и мисс Фостер можете провести предстоящие выходные, работая вместе над заданием, которое дает дополнительные баллы.

– Я...

Слышится громкий треск, и половинка переломившейся ручки Джексона, пролетев полкласса, ударяется о кафедру мисс Вилаго и катится к ее ногам.

Она устремляет на Джексона и Флинта презрительный взгляд, и Флинт, да благословит его бог, разражается смехом. Хохочет, как гиена.

Потому-то я и ненавижу эти чертовы уроки, несмотря на

то, что сам предмет мне интересен. И дело не только в том, что у нас кошмарный препод, но и в том, что каким-то образом я стала частью самого невезучего четырехугольника в истории.

И это еще до того, как мисс Вираго объявляет, что весь этот урок мы будем работать над разными этическими проблемами в группах – а затем ехидно улыбается и говорит:

– И вот еще что. Мисс Фостер, мистер Вега, второй мистер Вега и мистер Монтгомери, вы четверо будете сегодня отвечать первыми.

Глава 19. Печаль любит одиночество

– Неужели ты не мог придержать язык? – говорит Джексон, когда мы четверо сдвигаем наши столы.

– И это говорит ребенок, бросивший в учительницу ручку? – парирует Хадсон.

– Я ее не бросал. Я... – Он замолкает, видимо, поняв, что его оправдания не катят.

– Как ты, Грейс? – Флинт улыбается.

– Хорошо. – Если не считать того, что следующие полтора часа мне придется провести в персональном аду. – А что?

– Ничего. – Он пожимает плечами. – Я просто подумал, что ты...

– Что выгляжу я не очень? – спрашиваю я. – Да, у меня была не самая лучшая ночь.

Джексон сердито смотрит на него.

– Она выглядит хорошо.

– Я и не говорил, что это не так, – отвечает Флинт.

– С тобой все в порядке? – тихо спрашивает Хадсон. – У тебя что-то случилось после того, как я ушел?

– Ты провела с ним ночь? – Голос Джексона лишен эмоций, но не глаза, которыми он смотрит на меня.

– Вечер, – говорю я. – Мы провели вечер в...

– Надо же. – Он переводит взгляд на Хадсона. – Да, играть на чувствах расстроенной девушки – это класс.

– Погоди! – вмешиваюсь я. – Никто не играет на моих чувствах...

– Возможно, тебе просто не следовало расстраивать ее, – перебивает меня Хадсон. – Тогда ты бы смог провести с ней всю ночь.

– Вечер! – поправляю его я, видя, как Джексон сжимает опущенный кулак.

– Так как, по-вашему, ко всей этой истории отнесся бы Кант? – встречается Флинт, взмахнув рукой, и смотрит то на Хадсона, то на Джексона, как будто следя за теннисной партией.

– Ты что, обдолбался? – спрашиваю я.

– Да ладно, должен же кто-то заниматься заданием, – парирует он. – Я просто пытаюсь внести свой вклад.

– Усугубляя ситуацию? – Я сердито смотрю на него.

– Пытаясь снова сосредоточиться на философах, которые писали об этике, – отвечает он с таким постным видом, что я удивляюсь – где его нимб?

– Тебе не терпелось пойти к нему? – спрашивает Джексон.

– Если под «пойти к нему» ты имеешь в виду случайную встречу в библиотеке, то да, – говорю я, даже не пытаясь скрыть, насколько оскорблена.

– Знаешь, – поясняет Хадсон, – это такое большое помещение с книгами. О, погоди, тебе вообще известно, что та-

кое книга?

– Мне нужна другая группа, – замечаю я, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Я присоединяюсь к твоей группе, – сообщает Флинт.

– Ты и так уже в моей группе, – отвечаю я сквозь зубы. – Суть новой группы не в этом.

Он изображает обиду.

– Да ладно, я же единственный в нашей группе, кто делает хоть что-то.

– Да ну? И что же ты сделал?

Он быстро придвигает ко мне свой блокнот. Он провел в середине страницы черту и на одной стороне написал: *Кант*, а на другой – *Хадсон*. Под именем Канта красуется карикатура на Джексона с рогами и хвостом.

Хадсон наклоняется над работой Флинта и улыбается.

– Очень похожий портрет, – говорит он Флинту, и тот поднимает руку, чтобы ударить его кулаком о кулак.

– Как вы думаете, что сказали бы Кант и Кьеркегор о том, что вы обсуждаете на уроке ваши личные проблемы? – спрашивает мисс Вираго, и ее голос усиливает напряжение, окутавшее нас.

Только этого нам не хватало – чтобы она совала свой нос в наши дела и еще больше усугубляла ситуацию. Я не хочу оправдываться перед этой женщиной, но поскольку на своих партнеров я положиться не могу – любой из них может все испортить, – я понимаю, что должна попытаться.

Однако прежде чем мне удастся придумать ответ, Хадсон говорит:

– Я уверен, что Кьеркегор подумал бы, что мы смотрим на них субъективно.

Джексон закатывает глаза, Флинт опускает голову, чтобы спрятать ухмылку, а я, не удержавшись, прыскаю со смеху и тут же закрываю рот и нос рукой, пытаюсь скрыть этот факт.

Но уже поздно. Мисс Вираго кипит от злости и даже не пытается этого скрыть.

– Все, с меня хватит! – шипит она, глядя на Хадсона и меня. – Вы оба, подойдите к моему столу!

Черт. Плакала единственная хорошая оценка, которая у меня могла быть.

Извини, одними губами произносит Хадсон, когда я беру со стола ручку и блокнот.

Я пожимаю плечами. Он не виноват в том, что я сглупила и рассмеялась.

Хадсон идет за учителем, но тут Джексон берет меня за руку и тихо спрашивает:

– Хочешь, я вытащу тебя из этой передраги?

Мне так приятно касаться его, что проходит несколько секунд, прежде чем до меня доходят его слова. Но, уяснив их смысл, я качаю головой.

То есть мне, разумеется, хотелось бы, чтобы он вытащил меня из этой передраги, ведь у меня нет времени делать дополнительное задание, которым мисс Вираго собирается на-

грузить Хадсона и меня. Но мне тошно сознавать, что люди опять начали бояться Джексона, и видеть, как они сторонятся его. И этот страх станет больше, если я позволю ему использовать свое влияние, чтобы избавить меня от неприятностей.

Я благодарно улыбаюсь ему за предложение помощи, но проблеск теплоты, мелькнувший было в его взгляде, уже погас, и он смотрит на меня глазами, которые становятся все холоднее.

Я опускаю взгляд, задетая безразличием, которым дышит сейчас весь его облик. Я знаю, что мы с ним разошлись, но неужели это значит, что он может просто взять и выключить свои чувства ко мне? Что ему и впрямь больше нет до меня дела?

Как он может? Я сопряжена с другим, но я по-прежнему люблю именно его. Да, внутри меня есть какие-то непонятные эмоции, связанные с Хадсоном, но дело в узах моего сопряжения, а не во мне самой.

Я, Грейс Фостер, девушка, живущая внутри горгульи, все так же люблю Джексона. Я чувствую это, когда смотрю на него, когда он касается меня. Как же он может не чувствовать того же?

Это невозможно, решаю я, пока мисс Вираго резко говорит с Хадсоном и мной и дает нам то дополнительное задание, о котором она упоминала в начале урока. Джексон прячет свои чувства ко мне за этой ужасной стеной холодности,

но это вовсе не значит, что никаких чувств нет.

Когда мы встретимся с Кровопускательницей, когда найдем способ разорвать узы моего сопряжения с Хадсоном, все встанет на свои места. Должно встать.

Потому что иначе я не знаю, что может произойти... с каждым из нас.

Глава 20. Ты остался в дураках

Уроки следуют один за другим, уроки и работа, уроки и работа, пока меня не охватывает острое желание плюнуть и послать все на хрен. Так что, когда мне приходит сообщение от Флинта с предложением полетать вместе, меня так и подмывает принять его. Я не летала уже больше недели, и мне очень хочется размять крылья.

Однако сбежать от всей этой домашней работы будет совершенно безответственно с моей стороны, а потом я отстану еще больше. Одно дело, когда идешь ко дну из-за обстоятельств, и совсем другое, когда принимаешь неправильные решения, которые тянут тебя вниз. Осталось чуть меньше двух месяцев до окончания школы, и для того, чтобы окончить ее, я готова сделать все – даже выполнить жуткие объемы домашних заданий по философии.

Я: Извини, не могу. Тону в домашке по этике.

В ответ Флинт присылает мне гифку с плачущим маленьким мальчиком – а я шлю ему гифку с маленькой девочкой, плачущей еще безутешнее.

Флинт: Грызи гранит науки, Новенькая.

Я: Постарайся не столкнуться с горой, Дракон.

Он посылает мне гифку с бумажным самолетиком, который разбивается и сгорает. Ну еще бы.

Хотя части меня ужасно хочется продолжить сидеть в комнате, обмениваясь гифками с Флинтсом, это не поможет мне закончить работу над этим заданием. Я кладу телефон в передний карман рюкзака, затем быстро снимаю школьную форму и переодеваюсь в черные спортивные брюки и футболку с надписью «*Скандально известная РБГ*»³, которую моя мать подарила мне на семнадцатый день рождения.

Взяв яблоко и банку «Доктора Пеппера», я выхожу в коридор и иду в комнату для занятий, находящуюся на втором этаже, где я должна встретиться с Хадсоном. Но не успеваю я дойти и до середины коридора, как из своей комнаты вылетает Мекай и врывается в меня.

– О черт! – Он хватается меня за плечи, не дав мне удариться о стену – рискованно оказаться на пути вампира, которому срочно куда-то попасть. – Извини, Грейс, я тебя не заметил.

– А уж подумала, что ты хотел сломать мне пару ребер, – шучу я.

– И оказаться в черных списках обоих братьев Вега? – Он делает вид, что его передергивает от страха, но его теплые карие глаза смеются, когда он прикалывается: – У меня и так

³ Имеется в виду Рут Бейдер Гинзбург (1933–2020) – американский юрист, судья Верховного суда США в 1993–2020 гг., первая еврейка и вторая женщина в составе Верховного суда, известная своими либеральными взглядами.

только-только шея пришла в норму.

Я закатываю глаза.

— Ну, да, как же, тебе ведь надо опасаться Джексона и Хадсона.

— Если я ушибу тебя, то да, надо, — говорит он, и, хотя улыбается, тон его становится намного серьезнее. — И ты тоже должна быть осторожной, Грейс.

— Я *стараюсь* быть осторожной. Но, если ты сам не заметил, чертовски трудно понять, что они оба думают в тот или иной момент.

— Джексон любит тебя.

— В самом деле? — Я качаю головой. — В последние дни я не так уж в этом уверена.

— Он страдает.

— Я тоже. Но всякий раз, когда я пытаюсь с ним поговорить, это только усугубляет дело. Он обращается со мной так, будто... — Я вздыхаю, не зная, что я хочу сказать. Вернее, не зная, хочу ли я это говорить.

Но Мекая не останавливают такие тонкости.

— Так, будто ты уже ушла к другому?

Мои плечи никнут.

— Да.

Он отводит глаза, и его молчание, кажется, продолжается целую вечность. Но когда его взгляд наконец встречается с моим, он абсолютно серьезен.

— Тебе стоило бы подумать о том, почему он так ведет се-

бя.

Я хочу сказать, что именно об этом я и говорю — *я не знаю, почему*. Но прежде чем я успеваю открыть рот, он обвивает рукой мои плечи и говорит:

– Все устаканится. Надо просто подождать.

Я хочу обвинить его в том, что он только и делает, что уходит от ответа, но он бросает на меня сочувственный взгляд и быстро удаляется в сторону, противоположную той, в которую направляюсь я сама.

Чертовы вампиры. Никогда не знаешь, как они себя ведут.

Я не отказалась бы от своей ипостаси горгульи, что бы мне ни предложили взамен — разве что если бы мне пообещали вернуть к жизни моих родителей, — но я погрешила бы против истины, если бы сказала, что никогда не думала о том, насколько проще была моя жизнь до того, как я узнала, что вампиры существуют. До моего знакомства с двумя самыми привлекательными, упрямыми и несговорчивыми вампирами на свете.

Однако я не могу не думать о том, что Мекай сказал мне об осторожности в отношениях с Джексоном и Хадсоном. И я понимаю, что это необходимо, правда понимаю. Потому что какая-то крохотная часть меня боится, что прежде чем все это закончится, мы уничтожим друг друга.

Может быть, поэтому я и достаю телефон и пишу Джексону.

Я: Как мумия начинает письмо?

Минуту я жду его ответа, а когда не получаю его, иду в сторону комнаты для занятий. К Хадсону.

Его там нет, чего, вероятно, следовало ожидать, поскольку я явилась на десять минут раньше. Наверное, дело в том, что я настолько привыкла к его присутствию в моей голове, что ожидаю, что он всегда будет находиться там же, где и я. Это глупо, и мне определенно нужно избавиться от этой привычки.

Я устраиваюсь за единственным свободным столом и, грызя яблоко, нахожу информацию об этических воззрениях Платона, Сократа и Аристотеля. Этих философов выбрала мисс Вираго – похоже, она питает слабость к мыслителям Древней Греции, – а мы должны рассмотреть какую-то этическую проблему через призму учений этих трех философов и решить, кто из них прав.

У меня есть пара идей, и я записываю их, когда в комнату наконец входит Хадсон.

– Извини, – говорит он, усевшись напротив меня. – Я не ожидал увидеть тебя здесь так рано.

– Мы же договорились встретиться именно в это время, разве нет? – Я поднимаю глаза, с улыбкой гляжу на него, затем возвращаюсь к своим заметкам. Мне не хочется потерять мысль.

– Да, в это. Просто... – Он замолкает.

– Что? – спрашиваю я.

Он качает головой.

– Не важно.

Я опять поднимаю взгляд и вижу, что он смотрит на меня странно, так странно, что я откладываю ручку и гляжу ему в глаза.

– В чем дело? – спрашиваю я. – Ты нормально себя чувствуешь?

– Да, конечно. – Но, похоже, мой вопрос ошарашил его, хотя я не могу взять в толк, почему.

– Ты уверен? – спрашиваю я, когда он ничего не добавляет к сказанному, что совершенно на него не похоже. Видит бог, он никогда не лез за словом в карман. Но после такого тяжелого дня я не в том настроении, чтобы пытаться угадать, что с ним не так, а потому я просто вскидываю брови и опять спрашиваю: – В чем дело?

– Ни в чем. – Его тон стал резче, и я чувствую облегчение. Я знаю, как вести себя с этим Хадсоном. Что касается другого, более мягкого... то я без понятия. – А что?

– Не знаю. Ты какой-то... чудной.

– Чудной? – Он высокомерно поднимает бровь. – Я *никогда* не бываю чудным.

И я хихикаю. Это тот Хадсон, который мне знаком.

– Не бери в голову. Давай примемся за работу.

– За этим мы сюда и пришли. – Он достает свои ноутбук

и блокнот. — У тебя есть какие-то идеи насчет вопроса?

Я излагаю ему мои идеи, и после нескольких минут обсуждения мы решаем взяться за эффект бабочки — этично ли менять что-то во времени из благих побуждений, если тебе известно, что это приведет к последствиям, которые могут быть не такими уж благими?

Хадсон берет на себя Сократа, я Аристотеля, а Платона мы решаем разделить пополам.

Я нахожу статью, посвященную сочинению Аристотеля «О душе», и начинаю записывать в блокноте цитаты, которые мы могли бы использовать. Это довольно интересная вещь, и я увлекаюсь настолько, что почти не обращаю внимания, когда Хадсон прочищает горло и неожиданно говорит:

— Мне еще никто никогда не задавал этот вопрос.

Я занята коспектом, так что даже не поднимаю глаз, когда спрашиваю:

— Какой вопрос?

— Нормально ли я себя чувствую.

Сперва его ответ не доходит до моего сознания, а когда доходит, мозг вдруг выключается и просто перестает работать на секунду или две.

Но затем я поднимаю глаза, вижу Хадсона — вижу искренность, написанную на его лице, глаза, глубокие как океан, и на секунду перестаю дышать. Не только из-за того, как он смотрит на меня, а из-за того, что я наконец осознаю смысл его слов.

Это осознание заряжает воздух между нами, заставляет мое сердце биться слишком быстро, а волосы на затылке – встать дыбом. Я не могу оторвать свой взгляд от его глаз. И могу делать только одно – тонуть в их бездонных глубинах.

– Никто? – выдавливаю я из себя.

Он качает головой, самоуничижительно пожимает плечами и в один миг сокрушает меня.

Я всегда знала, что у него была ужасная жизнь. Я видела некоторые ее моменты, догадывалась о том, о чем он не говорил, и даже познакомилась с мерзкими людьми, которые называют себя его родителями. Но раньше я не осознавала – во всяком случае так ясно, как теперь, – что за его двухсот-летнюю жизнь рядом с ним никогда не было человека, которому он был бы небезразличен. Которому было бы дело до него самого, а не до того, что он может делать или что от него можно получить.

Это ужасное открытие, ужасное и надрывающее сердце.

– Не надо. – Его голос звучит хрипло.

– Не надо что? – спрашиваю я, чувствуя, что у меня еще сильнее сдавило горло.

– Не жалей меня. Я сказал тебе не для того, чтобы ты меня жалела. – Видно, что ему не по себе, но он не отводит глаз. Как и я сама.

Я просто не могу.

– Это не жалость, – наконец шепчу я. – Я бы никогда не стала тебя жалеть.

В его глазах мелькает нечто похожее на горечь.

– Потому что я монстр?

– Потому что ты состоялся. – Повинуясь порыву, я беру его за руку, и, когда касаюсь его кожи, меня окатывает жаром. – Потому что ты лучше них. Потому что, что бы они ни делали, им не удалось тебя сломить.

Его рука сжимает мою, его пальцы переплетаются с моими. И мы сидим, держась за руки.

Это приятнее, чем я ожидала, и уж точно приятнее, чем следовало бы, так что я не отстраняюсь. И он тоже. И на минуту все исчезает: остальные ученики, сидящие вокруг, задание, на которое у нас обоих нет времени, тот факт, что все в этой ситуации не так.

Все это испаряется, остаемся только мы и эта связь между нами, не имеющая отношения к узам нашего сопряжения, а только к нам, к нам двоим.

По крайней мере до тех пор, пока мой телефон, лежащий рядом на столе, не начинает вибрировать от сообщения, раскалывая установившийся между нами хрупкий мир.

Хадсон отводит взгляд первым и переводит его на мой вибрирующий телефон. И момент уходит.

– Мне надо идти, – говорит мне Хадсон, высвободив свою руку из моей и отодвинувшись от стола.

– Но мы же не закончили...

– У нас есть неделя. Мы можем поработать над этим заданием в воскресенье. – Его тон отрывист, и он уже собирает

свои вещи в рюкзак.

– Да, но я освободила для этого весь вечер. Я думала...

– Через несколько часов закроется библиотека, а мне надо искать информацию об узах сопряжения. Вчера вечером я прочитал кое-какие интересные вещи, и я хочу продолжить изучать эту тему, пока все факты еще свежи в моей памяти.

– Какие вещи? – спрашиваю я, совершенно сбита с толку его холодным тоном.

– Это касается людей, которые пытались разорвать их прежде. – Он поворачивается и уходит, ни разу не оглянувшись.

Мое сердце бухает в ушах. Почему меня так больно ранит это новое подтверждение того, что ему не терпится разорвать наши узы?

Что ж... ладно. Он может делать что хочет. Но почему он сделал это сейчас, когда нам нужно работать над этим дурацким заданием?

А пошло оно все на хрен. Я встаю и тоже начинаю складывать вещи в рюкзак. Если Хадсон может работать над чем-то другим, то это могу делать и я. Ведь до окончания учебного года мне необходимо сделать чертову уйму проектов.

И только взяв со стола телефон, я вспоминаю, что кто-то прислал мне сообщение. Я смотрю на экран, предполагая, что это Мэйси, или дядя Финн, или Хезер, с которой я не разговаривала уже пару дней. Но оказывается, что это не они.

Сообщение прислал мне Джексон.
И он написал ответ на мою шутку.

Глава 21. Мне тошно от того, что ты сделал с ЭТИМ местом

Джексон: Мне не хватает моего сердца.

Джексон: И всех остальных органов?

Я тыкаю в телефон, спеша поскорее разблокировать его, хотя понимаю, что спешить глупо. Джексон заставил меня ждать больше часа, но это не важно. Важно только то, что он ответил мне. Может быть, он все-таки не испытывает ко мне ненависти.

Я: Нет, мумия начала письмо со слов: «я совсем замотался».

Я думаю, что он не ответит мне еще час – если ответит вообще. Но оказывается, что я ошибалась – он отвечает сразу, пока я застегиваю молнию на рюкзаке.

Джексон: У тебя получается все хуже

Я: Не все шутки золото

Джексон: Похоже на то

Он не очень-то приветлив, но и не игнорирует меня. Приняв это за добрый знак, я решаю рискнуть.

Я: Ты можешь встретиться со мной на несколько минут?

Я: Я хочу поговорить

Проходит несколько томительных секунд, прежде чем я наконец получаю его ответ.

Джексон: Да. Я в башне. Приходи

В этом ответе не чувствуется особого энтузиазма, но это больше того, на что я надеялась, так что я расцениваю это как победу. И почти бегу к двери, торопливо сообщая ему, что скоро буду.

Перескакивая через ступеньки, я взбегаю по лестнице, ведущей в башню. Из-за этого, добравшись до верха, я задыхаюсь, но это пустяки. Наверняка есть какой-то способ наладить отношения с Джексонем и сделать это так, чтобы не ранить Хадсона. Он должен существовать, и я уверена, что все здесь сводится к тому, чтобы задать Кровопускательнице несколько важных вопросов и потребовать ответов.

Я трачу пару секунд на то, чтобы отдышаться, прежде чем войти в гостиную. И останавливаюсь как вкопанная, когда вижу ее. Она стала совсем другой.

Раньше тут стояла удобная мебель, множество книжных полок, свечи и мелкие безделушки. На стенах висели картины, на полу высились стопки книг и стоял шкаф, полный батончиков мюсли, печенья и шоколадок для меня.

Это была моя любимая комната во всем замке, где я могла устроиться в кресле с книгой, лакомством и парнем, которого люблю. Что еще нужно девушке?

Но комната, которую я так любила, исчезла. Теперь здесь все дышит безнадегой, причем до такой степени, что ничего подобного я не наблюдала с тех самых пор, когда Лия попыталась принести меня в жертву.

Книги исчезли, мебель тоже, а в единственной оставшейся картине – подлинном холсте Моне – прямо посередине зияет огромная дыра. Место мебели заняли тренажеры. Куча тренажеров. Середина комнаты занята скамейкой для жима лежа с кучей блинов на штанге. В углу установлена огромная боксерская груша, которую Джексон вовсю использует, судя по осыпающимся стенам с обеих сторон. У стены стоит беговая дорожка, а у окна велотренажер.

Эта комната совсем не похожа на Джексона – и все внутри меня в ужасе дрожит, когда я оглядываю новую обстановку.

Дело не в том, что тренажеры – это так уж плохо, хотя обычно Джексону хватает той физической нагрузки, которую он получает во время своих длительных пробежек по здешней глуши. А в том, что эта комната, которая всегда казалась мне окном в *душу* Джексона, теперь выпотрошена. Здесь ничего не осталось от того парня, которого я люблю, ничего не осталось от того, что он собой представляет и что важно для него. И от этого мне тошно.

Мне тошно. Мне тошно Мне тошно.

Должно быть, я издаю какой-то звук, а может быть, Джексон просто догадывается, что к этому времени я уже должна была появиться – так или иначе, дверь его спальни распахн-

вается. На мгновение я вижу ее, прежде чем он закрывает дверь, и она выглядит такой же пустой, как эта гостиная. Ни ударной установки в углу, ни стопок книг. Ничего, кроме его кровати с черным стеганым пуховым одеялом и черным бельем.

Я хочу спросить его, что здесь произошло, но тут вижу в его руке большую спортивную сумку, и все остальное вылетает из моей головы.

– Куда ты идешь? – резко спрашиваю я.

Услышав нотки воинственности в моем тоне, он поднимает бровь, но не отвечает. А просто ставит свою черную – ну, конечно – сумку на пол на лестничной площадке и спрашивает:

– О чем ты хотела со мной поговорить?

– Ты не ответил на мой вопрос.

Теперь поднимаются уже обе его брови, и он складывает руки на груди.

– А ты не ответила на мой.

Я не отвечаю, мой взгляд прикован к сумке, стоящей на полу. Может быть, это наивно, если учесть, что мы сделали перерыв в отношениях, но я все равно не могу поверить, что Джексон собирался покинуть Кэтмир, чтобы отправиться один бог знает куда – и притом с сумкой, – и даже не планировал сообщить об этом мне.

– Я что, должна была завтра проснуться и обнаружить, что ты исчез? – спрашиваю я, и мне становится тошно от того,

каким слабым голосом я это говорю.

– Не драматизируй, Грейс. – Его тон холоден как лед. – Я же уезжаю не навсегда.

– А откуда я могла это узнать? – Я раскидываю руки, словно желая охватить эту комнату, и медленно кружусь на месте. – Как я вообще могу что-то знать о тебе теперь?

– Не знаю. – В его глазах вспыхивает гнев. – Возможно, если бы ты проводила меньше времени с Хадсоном, ты бы понимала, что происходит с кем-то еще.

У меня перехватывает дыхание.

– Это несправедливо. Я пытаюсь наверстать упущенное, чтобы закончить школу. И ты это знаешь.

– Ты права. Я это знаю. – Он закрывает глаза, и, когда открывает их, в них уже нет гнева, но нет и никаких других эмоций. Я невольно думаю, что это похоже на первый момент нашего знакомства, когда его глаза тоже ничего не выражали. – Прости.

Он жестом приглашает меня сесть, и я вижу, как до него доходит, что теперь здесь негде сесть. У него делается усталый вид, затем он запускает пальцы в свои волосы и тихо спрашивает:

– Что тебе было нужно?

– Завтра я встречаюсь с Кровопускательницей...

– С Кровопускательницей? – В его голосе слышится тревога. – Зачем?

– Мы с Хадсоном надеемся, что она сможет разорвать узы

нашего сопряжения. Мы хотим, чтобы ты отправился с нами.

Он бросает на меня скептический взгляд.

– Хадсон хочет, чтобы я отправился с вами?

– Я хочу, чтобы ты отправился с нами. Мне нет дела до того, чего хочет Хадсон.

Джексон пристально смотрит на меня, ища что-то в моем лице. Но, когда я начинаю думать, что убедила его, что он согласится отправиться с нами, он говорит:

– Ты должна просто забыть на это, Грейс. Забыть на меня.

– Я не могу. – Мне нечего сказать, поэтому я жду. И надеюсь, он чувствует себя так же.

Но он только качает головой.

– У меня уже есть планы.

– Планы. – Я смотрю на его сумку.

Он вздыхает.

– Эти выходные я должен провести при Дворе вампиров.

– При Дворе вампиров? – Вот уж чего я совершенно не ожидала, особенно после всего, что произошло во время турнира Лударес.

– Надо приглядывать за Сайрусом после того, что отмолил Хадсон. Пусть мой отец и не воспитывал меня, но я достаточно хорошо его знаю, чтобы понимать, что он не собирается просто забыть то, что произошло на той арене.

– Мы все это понимаем. Но при чем тут это? Как это вообще связано с твоим визитом домой?

– Я беру с собой весь Орден. Мы надеемся, что общими

усилиями нам удастся выяснить, что он затевает.

– Я думала, что он планирует развязать войну, – говорю я. – Об этом говорят все.

– Ты же не думаешь, что Сайрус просто возьмет и явится в сопровождении армии своих верных человековолоков и обращенных вампиров?

Я думаю обо всем, что слышала после турнира – не только от Джексона и Хадсона, но и от дяди Финна, и Мэйси, и Флинта... в общем, от всех.

– Мне казалось, что именно к этому мы и готовимся.

– Так оно и есть. Но он не станет атаковать в лоб. Пока нет. Ведь тогда ему пришлось бы иметь дело с Хадсоном, тобой и мной, а также со множеством других сильных сверхъестественных существ.

– Тогда что же он, по-твоему, задумал? – спрашиваю я, хотя я не уверена, что мне хочется знать ответ.

– Он попытается одним выстрелом убить двух зайцев. – От выражения его лица у меня по коже бегут мурашки. – Если ты думаешь, что он собирается забить на то, что Хадсон сотворил с ним на арене, то ты явно не понимаешь, насколько огромно его эго. А каков лучший способ прищучить Хадсона и, возможно, уравнять шансы на победу в предстоящей войне? Правильно – уничтожить его пару.

– Меня? – верещу я. – Ты думаешь, он хочет добраться до меня?

– Не думаю, а знаю, – говорит он, и его голос звучит так

убийственно, что я невольно отступаю назад, хотя и знаю, что Джексон никогда не причинит мне вреда. – Но я этого не допущу.

На этот раз, когда наши взгляды встречаются, в его глазах есть нечто такое, чего в них не было прежде. Что-то необузданное, настоящее и мощное. И я понимаю, что я все еще ему дорога. Хотя бы немного.

Возможно, он и не хочет этого, но так оно и есть. Более того, он полон решимости позаботиться обо мне – позаботиться по-своему, – а это означает, что он собирается самоустраниться, чтобы мы с Хадсоном могли быть вместе, и в то же время защитить меня от этого социопата, своего отца.

У меня болит сердце за него, за нас – за то, что было и что не сбылось. За то, что все еще может сбыться, если мы все сумеем разыграть наши карты правильно.

И, поскольку я знаю, что мне его не отговорить, я обнимаю его и шепчу:

– Будь осторожен.

Он обнимает меня, пока я вдыхаю и выдыхаю: один раз, два, три, затем отстраняется.

– Мне пора. Меня ждет Орден.

Взяв свою спортивную сумку, он спускается по лестнице. Я следую за ним. Мне нужно столько всего ему сказать. И есть столько всего, что я больше не вправе ему говорить. Все это жжет мне язык, но в конце концов я решаю сказать только одно:

– Пожалуйста, Джексон, не делай глупостей.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и в этот миг я вижу в его глазах все: любовь, ненависть, горе, радость. И боль. Всю его боль. И все же он улыбается мне своей кривой улыбкой, в которую я влюбилась много месяцев назад. И шепчет:

– Я уверен, что я их уже сделал.

Я закрываю глаза, чувствуя, как у меня снова разрывается сердце, а когда открываю их, его уже нет.

Я спускаюсь по лестнице, иду в мою комнату, и мне кажется, что это был последний раз, когда Джексон посмотрел на меня, будто я что-то для него значу. Как и все вообще.

Глава 22. Жажда странствий

Мой будильник звонит в четыре часа, но я уже успела встать и изучаю карту Аляски. К сожалению, на ней не обозначено крестиком точное местонахождение пещеры Кровопускательницы, так что мне придется искать дорогу по памяти, что мне совсем не улыбается, ведь в прошлый раз Джексон доставил нас туда, а я участвовала в этом только в качестве пассажира.

Я рассчитывала, что он будет нас направлять, но из этого ничего не выйдет, ведь он сейчас в Лондоне. А поскольку Хадсон никогда не бывал там, так сказать, физически, находясь в своем собственном теле, мне придется полагаться на свою память и на эту вот карту, чтобы снова отыскать пещеру Кровопускательницы. Проще простого.

Я знаю, что до этой пещеры несколько сотен миль и что вначале мы двигались на северо-восток, но потом где-то сделали поворот. Вот бы вспомнить, где именно... и сколько времени у нас ушло на дорогу.

Мой телефон вибрирует, и я беру его, готовая написать Хадсону, чтобы он не вставал, поскольку мы не тронемся в путь, пока я не смогу решить эту проблему. Но сообщение не от Хадсона.

Джексон: Напиши мне, если вы заблудитесь

Он также прислал кучу снимков из Google Earth и прочертил красную линию, обозначающую маршрут, по которому мы должны двигаться по горам и тающему снегу. На последнем снимке он изобразил большой красный крест там, где должна находиться пещера Кровопускательницы, и сопровождал его инструкциями относительно того, как снять защитные заклинания.

Я: Спасибо, спасибо, СПАСИБО

Джексон: Не делай глупостей

Я: Я их уже сделала.

Я трачу пару минут на то, чтобы перенести маршрут на бумажную карту на тот случай, если мой телефон разрядится, пока мы будем переноситься по здешним диким местам. Затем я начинаю одеваться, и это, как всегда, целое действо.

Сейчас апрель, так что температура, слава богу, по большей части бывает выше нуля⁴ – но не намного. А значит, мне надо надеть колготки, лосины, лыжные штаны, несколько слоев рубашек и носков, а также толстый ярко-розовый пуховик. Я подумывала о том, чтобы заказать новый, но решила, что не стоит – ведь это может обидеть Мэйси. А она и без того страдает.

Взяв свой рюкзак – тоже ярко-розовый и тоже подаренный мне Мэйси, – я засовываю в него несколько бутылок воды, пару батончиков мюсли и пачек смеси из орехов и сухо-

⁴ 0 градусов по Фаренгейту = ок. – 17,8 градуса по Цельсию.

фруктов. После чего укладываю большой термос с кровью, который накануне взяла в кафетерии для Хадсона.

Я знаю, что он, возможно, смог бы подкрепиться в пещере Кровопускательницы, но, когда эти двое встретились в прошлый раз, они не очень-то понравились друг другу, так что я не уверена ни в том, что она угостит его, ни в том, что он примет ее угощение. Поэтому термос с кровью кажется мне наилучшим вариантом, если я не собираюсь предлагать Хадсону собственную кровь.

От этой мысли меня пробивает легкая дрожь. Я не могу понять, приятная это дрожь или нет, но я погрешила бы против истины, если бы сказала, что не помню тот вечер, когда Хадсон провел по моему горлу воображаемым клыком. В то время я испытала ужас, но теперь... теперь это кажется мне куда более интригующим, чем тогда.

Я уверена, что дело просто в узах сопряжения, которые действуют, как положено таким узам. Но я не могу не гадать, что бы почувствовала при этом. Нет, не может быть, чтобы мои ощущения оказались такими же яркими, как с Джексоном – я не могу представить себе ничего более яркого, – но это не значит, что я не испытываю любопытства.

Когда я застегиваю молнию рюкзака, слышится тихий стук в дверь, который вырывает меня из моих неподобающих размышлений о Хадсоне. Мэйси знает, куда я направляюсь, так что мне не нужно писать ей сообщение, к тому же она наконец-то смогла крепко заснуть, так что я стараюсь выйти

из комнаты как можно более беззвучно.

Хадсон стоит в коридоре с рюкзаком на плече, очень похожим на мой собственный – если не считать того, что он темно-синий и от «Армани». Что не удивляет меня. Вся его экипировка от «Армани», кроме зимних ботинок, предназначенных специально для Аляски. Но если бы дом «Армани» производил и их, на нем наверняка были бы сейчас именно такие ботинки.

– Тебя что-то взволновало? – спрашивает он, когда мы начинаем идти по коридору.

– Нет, с чего ты взял?

– Да так. Просто щеки у тебя сейчас такого же цвета, как и твой пуховик.

От этих слов я краснею еще гуще – в основном потому, что боюсь, что мои предыдущие мысли написаны у меня на лице. Хорошо, что телепатия не входит в число сверхъестественных способностей, которыми обладает Хадсон.

– Я не... Это не... – Я заставляю себя перестать мямлить, затем делаю глубокий вдох и пытаюсь опять. – Просто я... делала зарядку. Мои щеки всегда краснеют, когда я даю себе физическую нагрузку.

Он бросает на меня странный взгляд.

– Разве мы сейчас не получим более чем достаточно физических нагрузок?

– Э-э, да. – Мне хочется удариться головой об стену, но от этого все стало бы только хуже. Я всегда знала, что не умею

врать, но, похоже, в том, что касается вранья, я менее талантлива, чем хотелось бы. Однако теперь пути назад нет. — Я просто хотела немного размяться, вот и все.

— Размяться? — повторяет он с абсолютно серьезным выражением лица. — Ага, как же. Тебе не кажется, что это ты слишком вольно обращаешься с истиной?

Мне нечего на это сказать, поэтому я меняю тему и бросаю через плечо:

— Так ты идешь или нет?

— Разве мы не будем ждать принца Джексона? — Он смотрит в сторону башни.

— Перестань, это некрасиво, — говорю я. — У него были другие планы на эти выходные, так что мы идем без него.

— Другие планы? — Хадсон поднимает бровь. — Что для него может быть важнее, чем эта маленькая прогулка?

— Он летит в Лондон...

— Ты шутишь? — Его британский акцент становится в сто раз заметнее, чем минуту назад. — Это что, сраная шутка? О чем он думает? Дебил несчастный...

Я кладу ладонь на его предплечье и жду, когда его яростный взгляд встретится с моим.

— Он опасается того, что планирует Сайрус. Для нас обоих.

— Я тоже опасаясь, но я же не бегу в логово Сайруса, как какой-нибудь чертов болван, не так ли? — Он зол и впервые на моей памяти шагает так быстро, что мне приходится почти бежать, чтобы не отставать.

– Он мнит, будто он такой умный, черт бы его побрал, что он идет далеко впереди всех остальных. Но он не догоняет. Сайрус знает, что он опасен. Хоть он ему и сын, Сайрус убьет его при первой возможности. – Хадсон роется в своем рюкзаке, достает телефон.

– Конечно, он догоняет. Поэтому-то он полетел в Лондон – и взял с собой весь Орден.

Хадсон делает паузу, касаясь экрана большими пальцами.

– Он взял с собой их всех? Мекая? Луку? Лайама? Байрона и Рафаэля?

– Да, всех. – Я кладу руку на предплечье Хадсона и с изумлением обнаруживаю, что он едва заметно дрожит. – Я тоже беспокоюсь за него, но я с ним говорила. Он отлично понимает, что его ждет.

– Он не понимает ни черта. – Взгляд Хадсона стал ледяным. – Но теперь я уже ничего не могу с этим поделать, не так ли?

Тем не менее он быстро отправляет несколько текстовых сообщений. Вряд ли Джексон ответит ему – он сейчас в раздрае, – но, как ни странно, он сразу же получает ответ.

– Что он написал? – спрашиваю я.

– Я общаюсь не с ним. – Он опять набирает текст.

– О чем ты? Я думала...

– Я хотел получить ответ, так что написал Мекаю. – Он видит вопрос в моих глазах и кивает. – Ты права. Он клянется, что прикрывает спину Джексона – и что они отлично

понимают, что делают.

– Ты ему веришь? – спрашиваю я, всматриваясь в его лицо.

– Я не могу сказать, что я ему не верю. – Он убирает свой телефон и застегивает молнию рюкзака.

Я делаю глубокий вдох и медленный выдох.

– Думаю, мне придется удовольствоваться этим.

– Что-то будет, – говорит он и идет к лестнице, не произнося больше ни слова.

Мы продолжаем молчать, пока не оказываемся снаружи.

– Я забыл спросить. Ты же знаешь, куда мы направляемся, не так ли?

– Джексон отправил мне координаты. Маршрут есть у меня в телефоне. И на бумажной карте.

Он улыбается.

– Тогда чего мы ждем?

– Ничего, абсолютно ничего, – отзываюсь я, затем тянусь вглубь себя и берусь за свою платиновую нить.

Глава 23. Живи и дай полетать

Хадсон издает совершенно не свойственный ему восторженный вопль, когда я принимаю обличье горгульи и взлетаю. Насколько же круче летать самой, чем когда меня несет Джексон.

Я подлетаю на несколько футов, затем кричу Хадсону:

– Эй, копуша, ты идешь?

– Я просто давал тебе фору, – отвечает он с чересчур притягательной улыбкой, – поскольку понял, что она может тебе понадобиться.

– Она может мне понадобиться? – Я бросаю на него оскорбленный взгляд. – Тот, кто последним спустится с этой горы, проиграет.

– Да ну? – спрашивает он, и я впервые замечаю, что он забыл о своей так называемой форе и просто не отстает от меня. Он не переносится, а просто бежит, очень, очень быстро. – Пройдет что именно? А если поконкретнее, то что при этом выиграю я?

– Ты это серьезно? Вы слишком уверены в своих силах, мистер Вега, – кричу я ему сверху. И ускоряюсь, чтобы показать ему, что я вовсе не такой слабый соперник, как он думает.

Но ему хватает одной секунды, чтобы догнать меня.

– Просто скажите мне честно, мисс Фостер. – Он улыбает-

ся и одним махом перепрыгивает через гигантский валун. – Что именно я выиграю?

Я смеюсь, затем делаю сальто и ухожу в глубокое быстрое пике. И не останавливаюсь, пока не повисаю в нескольких футах от его головы – впереди и над ним.

– Проигравшему придется выполнить дополнительное задание по этике в одиночку.

Он вздергивает бровь.

– Это не совсем то, о чем думал я, но обойдемся и этим, – говорит он. И, чтобы выпендриться, перепрыгивает через меня. – Пока.

В тоне, которым он произносит это свое «пока», есть нечто такое, от чего у меня все трепещет внутри. Но прежде чем я успеваю сделать попытку понять, что это значит, он посылает мне воздушный поцелуй... и переходит в режим полноценного переноса. Читер.

Я лечу вслед за ним, взлетаю над верхушками деревьев. И выжимаю из своих крыльев такую скорость, на которую они только способны.

Внизу Хадсон мчится между деревьями, перепрыгивает через сугробы, стремительно сбегает с зубчатых скал. Я не отстаю от него, но это труднее, чем я думала. Я знаю, что вампиры умеют двигаться быстро – я видела, как это делают Джексон и Мекай, – но быстрота Хадсона – это что-то.

Хотя мне и нелегко не отставать от него, я наслаждаюсь каждой секундой этой гонки. На Аляску наконец-то прихо-

дит весна, и хотя температуры здесь все еще низки, природа вокруг нас оживает. И она великолепна.

Многие из здешних деревьев вечнозеленые, но когда мы приближаемся к подножию горы, где снег уже начинает таять, я вижу проклюнувшиеся зеленые побеги. Сверху я могу видеть далеко, и там, где снег стоял, на берегах просыпающихся озер уже цветут полевые цветы.

Бесстрашные и красивые, они усеивают землю, расцвечивая ее розовым и желтым, лиловым и голубым. Части меня хочется остановиться и понюхать эти цветы – я не видела цветов с тех самых пор, как в начале ноября покинула Сан-Диего, – но если я сделаю это, то точно проиграю гонку. А проигрывать я не хочу. Не только потому, что мне совсем не улыбается в одиночку корпеть над этим чертовым заданием по этике, но и потому, что проигрыш Хадсону уязвил бы мою гордость. Не потому, что мне так не хочется проиграть вампиру вообще, а потому, что я не хочу проиграть именно ему. Я не затем с самого начала нашего знакомства постоянно старалась иметь над ним перевес, чтобы дать ему побить меня теперь, в нашем первом настоящем соревновании. Нет уж, ни за что. Цветы подождут.

Мы уже спустились почти к самому подножию горы, и Хадсон пропал из виду, скрывшись в купе деревьев далеко внизу. Поначалу я не очень-то беспокоюсь – трудно разглядеть человека в еловом лесу, особенно если ты летишь над ним.

Но идут минуты, а я все никак не могу различить между елками его ярко-синюю куртку, и это начинает нервировать меня. Очень и очень.

Не потому, что я думаю, что он обогнал меня (хотя, когда речь заходит о Хадсоне, такое опасение имеет право на существование), а потому, что это Аляска, черт побери. Здесь, в этих глухих диких местах, может случиться что угодно.

Стоит ослабить внимание на одну секунду, и ты окажешься на дне ущелья с сотрясением мозга или сложным переломом, и там тебя попытается съесть медведь или стая волков.

Или на тебя может накинуться рассерженный лось, решивший испробовать на тебе свои рога.

Или тебя может проткнуть гигантская сосулька, когда ты сделаешь поворот... этот перечень опасностей все продолжается и продолжается, с каждой секундой становясь все более и более иррациональным. Правда, надо признать, что самый опасный хищник здесь – это Хадсон, хотя на этой горе и полно свирепых диких зверей, и я уверена, что справиться с ними ему не составит труда.

Но мне все равно хочется поскорее увидеть его вновь. Хочется удостовериться, что он в порядке – и что он не свернул куда-то не туда. Ведь если он в самом деле свернул не туда, то сейчас уже мог преодолеть половину расстояния до Канады или до Северного полюса – и тогда мы не попадем в пещеру Кровопускательницы.

Именно эта мысль, а не беспокойство за Хадсона, застав-

ляет меня снизиться, чтобы лучше видеть то, что происходит между деревьями – во всяком случае, так я себе говорю. Но его по-прежнему не видно.

Моя тревога нарастает, она огромна, как те исполинские валуны, через которые Хадсон перескакивает с самого начала нашего пути, и я готовлюсь снизиться еще сильнее, к верхушкам елей. Можно написать ему на телефон и посмотреть, ответит ли он. Связь здесь не очень, но мы сейчас находимся не так уж далеко от Национального парка Динейли, значит, может быть...

Я истошно кричу, когда что-то непонятное врзается мне в бок, и я, крутясь, лечу к земле.

Глава 24. Красавица и все чудовища

За ту долю секунды, пока мой крик эхом отдается от заснеженных гор, я успеваю подумать о медведях, пумах, волках и рысях, прежде чем до меня доходит, что меня держит пара сильных (очень сильных) рук. И что мой штопор явно носит управляемый характер.

Хадсон. Нет, он не попал в беду, он просто прятался от меня. Придурок.

– Отпусти меня! – визжу я и изо всех сил бью его кулаком в плечо.

Если бы я сейчас была в моей человеческой ипостаси, Хадсон бы только посмеялся над моим ударом, но теперь, когда я горгулья, мой каменный кулак бьет куда ощутимее, и Хадсон крикает от боли. Однако не ослабляет своей хватки. От слова «совсем».

– Что ты делаешь? – кричу я, когда мы наконец перестаем вращаться.

– Ловлю попутку, – отвечает он с лукавой улыбкой, одновременно и чрезвычайно обаятельной и чрезвычайно подозрительной.

– То есть мухлюешь? – парирую я.

– Думаю, все зависит от точки зрения. – Его жаркое дыха-

ние обдаёт мое ухо, и меня охватывают самые разные ощущения. Ощущения, которые я не имею права испытывать, когда речь идет о брате парня, которого я люблю, хотя мы с ним и расстались.

– Поскольку это ты пытаешься прокатиться на мне, а не я на тебе, думается, значение имеет только моя точка зрения, – бормочу я. Но перестаю вырываться из его хватки. Не потому, что я сдалась, а потому, что это единственный способ усыпить его бдительность. Как только наши ноги коснутся земли, он даже не поймет, что это я приложила его.

Вот только мы так и не касаемся земли. Вместо этого Хадсон сажает нас на верхнюю ветку одного из самых высоких кедров.

– Перестань сопротивляться, – говорит он, когда мы устраиваемся на ветке. – Не то мы оба полетим вниз – а горгульи куда хрупче вампиров.

– Если ты хочешь, чтобы я перестала сопротивляться, отпусти меня, – отвечаю я, борясь с ним и готовясь, если понадобится, двинуть ему.

– Ладно. – Он отпускает меня, и вполне предсказуемо я начинаю падать с ветки.

Ни он, ни я еще долго не забудем того факта, что я взвизгиваю и хватаюсь за него – я не забуду, поскольку это подтверждает его правоту, а он – поскольку ни за что не позволит мне об этом забыть.

Теперь мы стоим лицом к лицу так близко, что, можно

сказать, дышим одним воздухом – что не особенно хорошо. Должно быть, Хадсон чувствует то же самое, потому что делает шаг назад. Но на сей раз продолжает крепко держать меня одной рукой, чтобы я не шаталась.

Удерживать равновесие, стоя на ветке дерева, нелегко даже в лучшие времена, а если ты состоишь из камня, то и по-давно. Поэтому я говорю себе: к черту, сейчас не время быть горгульей, – тянусь внутрь себя и берусь за платиновую нить.

Несколько секунд – и я снова превращаюсь в человека, так что теперь мне куда легче сохранять равновесие. Настолько легче, что я даже отхожу от Хадсона на пару шагов, пока не касаюсь спиной ствола.

Сейчас я впервые могу рассмотреть Хадсона как следует после того, как он уцепился за меня. И смотрится он... хорошо. По-настоящему хорошо со своими темно-русыми волосами, которые треплет ветер. Опять же благодаря ветру порозовели его щеки, которые обычно бледны. Свой вклад вносит и его широкая улыбка, а также беззаботность в глазах, которой я никогда не видела в них прежде.

Я не знаю, вызваны ли эти перемены тем, что мы находимся на свежем воздухе, и тем, что сейчас мы впервые за долгое время можем немного оттянуться, или тем, что скоро он сможет наконец-то избавиться от меня.

– Эй, куда ты подевалась? – спрашивает он, и беззаботность уходит из его глаз.

– Я просто думала. – Я улыбаюсь, хотя сейчас мне намного

труднее это делать, чем всего несколько секунд назад.

Он сдвигает брови.

– О чем?

У меня нет ответа на этот вопрос, по крайней мере, такого, который я хочу сообщить ему. Поэтому, окинув его взглядом, я говорю единственную вещь, которую могу придумать.

– Наверное, я просто-напросто гадаю, почему сейчас ты держишь одну руку за спиной, если тебе ничто не мешало цепляться за меня обеими руками, когда ты уволок меня вниз.

– Ах, это. – Его щеки заливают еще более яркий румянец.

Я подозрительно щурюсь, готовясь снова превратиться в горгулью при первом намеке на то, что он собирается устроить новую диверсию. Но тут он достает руку из-за спины, и я вижу букетик полевых цветов всех цветов радуги.

Он протягивает его мне с чуть заметной улыбкой и настоятельностью в глазах. И я таю.

– Ты нарвал эти цветы для меня? – потрясенно выговариваю я, с энтузиазмом протянув руку, чтобы взять их.

– Они напомнили мне тебя, – говорит он. И не без иронии добавляет: – Особенно те из них, которые окрашены в ярко-розовый цвет.

Но я так ошеломлена его жестом – никто никогда не рвал для меня цветов, – что не реагирую на вызов, хотя провокация очевидна. Вместо этого я утыкаюсь лицом в букет и вдыхаю ароматы весны после долгой, долгой зимы.

Ничто в моей жизни не пахло так хорошо.

— Они изумительны, — говорю я и вижу, что неуверенность исчезает из его лица. И порывисто обнимаю его. — Огромное спасибо, — шепчу я ему на ухо. — Я от них в восторге — еще ничего не вызывало у меня такого восторга.

— В самом деле? — спрашивает он, немного отстранившись, чтобы лучше видеть мое лицо.

— В самом деле, — отвечаю я.

Он улыбается.

— Хорошо. — Внезапно его глаза широко раскрываются, и он притягивает меня к себе еще ближе и разворачивает.

— Что...

— Посмотри! — шепчет он и показывает на что-то в широкой ложбине, на краю которой мы находимся.

Я смотрю туда и ахаю, потому что там, всего футах в тридцати от нас, вижу громадную бурую медведицу и двух медвежат. Медведица лежит на солнышке, глядя на то, как ее детеныши борются и кувыркаются друг через друга.

Они дергают друг друга за уши и кусают за хвосты, но ни на секунду не выпускают когти, вместе катаясь по земле. И я с восторгом обнаруживаю, что медвежьи объятия — это класс.

Хадсон смеется, когда один из медвежат спотыкается об упавшее дерево и катится по склону неглубокой ложбины, а за ним кувырком летит и его брат. Когда они вылезают из нее не сразу, предпочтя вместо этого резвиться на ее скользких

скалистых склонах, медведица раздраженно рычит и подходит к краю ложбины, чтобы посмотреть, что делают там ее детеныши.

Медвежата быстро вылезают, услышав ее рык, и все втроем вразвалку уходят.

– Это было... – Хадсон замолкает и качает головой.

– Невероятно? Впечатляюще? Потрясающе? – договариваю я.

Я не знаю, сколько времени мы стоим здесь, любуясь умопомрачительным видом заснеженных гор и каньона, полного полевых цветов.

Достаточно долго, чтобы медведи наконец скрылись из виду.

Достаточно долго, чтобы через каньон, пользуясь сильным порывом ветра, перелетел белоголовый орел.

И достаточно долго, чтобы я почувствовала длинное твердое тело Хадсона, прижимающееся к моей спине, и его пальцы, легко придерживающие меня за талию, чтобы не дать мне упасть.

Когда и орел скрывается из виду, Хадсон медленно отстраняется от меня. Я хочу протестовать, хочу схватить его за руки и удержать его рядом хотя бы еще на несколько минут. Еще хоть какое-то время. Есть нечто такое спокойное в том, чтобы стоять здесь, можно сказать, на вершине мира, и обозревать эту землю, на которую нога человека не ступала уже несколько веков – может быть, даже никогда.

Это вселяет трепет, но также смиряет дух. И напоминает мне о том, что сколь бы серьезны ни были мои проблемы, в общем ходе событий они всего лишь песчинка. Мир долго существовал до того, как я родилась, и будет продолжать существовать, сколько бы ни продлилось наше бессмертие, Хадсона и мое... конечно, если изменение климата не уничтожит его.

– Нам надо продолжить путь, – говорит он, и я бы погребшила против истины, если бы сказала, что мне не нравится его нежелание уходить, такое же сильное, как моя собственная неохота.

– Я знаю, – со вздохом соглашаюсь я и отдаю ему цветы. – Ты не мог бы засунуть их в боковой карман моего рюкзака? Я не хочу, чтобы они выпали, когда я буду лететь.

Он ничего не говорит, но видно, что он доволен. Он застегивает молнию кармана так, что снаружи остаются только головки цветов. Но потом берет несколько и вынимает их.

Я хочу спросить, что он собирается с ними делать, но слова замирают у меня на языке, когда он подается вперед и осторожно вплетает цветы в мои растрепанные ветром кудри, выбившиеся из-под шапки.

– Как они смотрятся? – спрашиваю я, склонив голову набок, чтобы он мог лучше рассмотреть цветы в моих волосах.

– Прекрасно, – отзывается он, но при этом смотрит не на цветы. Он глядит на меня... и каким-то образом это делает все одновременно и лучше и хуже.

Глава 25. Следуй по дороге, пропитанной кровью

Остаток нашего путешествия в пещеру Кровопускательницы обходится без происшествий. Приближается буря – это чувствуется в воздухе, поэтому мы движемся быстро и больше не делаем остановок.

На лету я сверяюсь с указаниями Джексона, и, как я и ожидала, все сходится. А значит, мы добираемся до пещеры Кровопускательницы быстрее, чем я думала вначале, и вот уже стоим на обледеневшей земле прямо над ее логовом, и я ем батончик с мюсли, а Хадсон пьет кровь из термоса. Может, нам лучше подождать, не пытаться войти сразу? Сейчас еще только полдень, и, возможно, она дремлет... или обедает свежей кровью.

От этой мысли к горлу подкатывает легкая тошнота, мне становится не по себе, но таков уж теперь мой мир – тем более если учесть, что узы сопряжения связали меня с двумя вампирами, а раз так, то мне надо привыкнуть ко всему этому, к тому, что вампиры пьют кровь. А если не привыкнуть, то хотя бы научиться относиться к этому спокойнее и не переживать всякий раз, когда я думаю о том, что их жертвами становятся люди.

– Вход расположен здесь, – кричит Хадсон, показывая на

небольшое отверстие у подножия горы. К счастью, из-за того, что снег тает, оно уже не скрыто за гигантским сугробом, как в тот раз, когда я явилась сюда с Джексоном, а раз так, теперь его намного легче обнаружить и, что еще важнее, стало намного легче попасть внутрь.

Я подхожу туда, где стоит Хадсон, затем наклоняюсь, чтобы войти.

– Ты готов? – бросаю я через плечо.

Но Хадсон обхватывает меня рукой и удерживает на месте.

– Ты забыла про защитные заклятья. Если мы их не снимем, они поджарят нас живьем.

Меня пронзает ужас, когда я понимаю, что он прав. Я протягиваю ему мой телефон и говорю:

– Джексон прислал мне инструкции, как их снять.

Он проделывает несколько замысловатых пассов в воздухе, затем берет меня за руку.

– Пойдем. Давай покончим с этим делом.

Он тянет меня за собой, и мы входим в пещеру. Он продолжает держать меня за руку, мы идем по скользкой, круто уходящей вниз тропе, которая в конце концов приведет нас в холл Кровопускательницы. Я ожидаю, что путь к старой вампирше окажется таким же долгим, трудным и жутким, как в первый раз, но на сей раз все получается иначе.

Потому что, едва сделав первый поворот, мы видим ее перед собой; ее зеленые глаза горят, брови сдвинуты, на лице

недовольная гримаса.

Глава 26. Почему у тебя не третья положительная?

– Возможно, нейтрализуя эти заклятья, я был не так ловок, как думал, – как бы в сторону говорит Хадсон и становится так, чтобы заслонить меня. Мне следовало бы разозлиться на него – как-никак я горгулья и вполне могу за себя постоять.

Правда, Кровопускательница – самая древняя и самая сильная вампирша на земле. И, надо думать, ей не понадобится вся ее сила, чтобы пустить мне кровь... или разорвать меня на куски.

Так что на сей раз я решаю не обижаться на то, что он загородил меня собой. Тем более что, оказавшись за ним, я могу прикрывать его спину – так, на тот случай, если она вдруг захочет разорвать на куски не меня, а его.

– Заклятья ты снял безупречно, и ты это знаешь, – рывкает Кровопускательница. – Это наводит меня на мысль о том, что тебе помог Джексон, разгласив мои секреты. – Судя по ее тону, у Джексона будут большие неприятности, если она узнает, что так и есть.

Я хочу защитить Джексона, но Хадсон опережает меня... и лжет.

– Вы в самом деле думаете, что мне требовалась помощь

моего младшего брата, чтобы преодолеть несколько убогих заклятий?

Ее зеленые глаза, острые, как лучи лазера, встречаются с его глазами, и сейчас она нисколько не похожа на ту милую бабулю, за которую я ошибочно приняла ее в прошлый раз, – напротив, по ней видно, что она беспощадный хищник.

– Эти *убогие заклятья* настолько сильны, что сильнее не бывает.

Хадсон и бровью не ведет.

– Упс, – говорит он.

У меня душа уходит в пятки, но Кровопускательница не двигается с места. Несколько секунд мне кажется, что она не дышит. Она просто наклоняет голову набок и смотрит на него так, будто он насекомое в окуляре микроскопа и она подумывает о том, чтобы оторвать ему крылышки.

Или о том, как он будет смотреться, висая над ее ведром, в которое стекает кровь.

– Как интересно, что вы готовы лгать мне, мистер Вега. – Она щурится, не сводя глаз с Хадсона. – Очень интересно.

Когда я уже начинаю думать, что «Мертвец идет» – это нечто большее, чем название книги, она переводит свой горящий взгляд на меня. И меня охватывает еще больший страх.

– Грейс, моя дорогая. Мне так приятно видеть *тебя* снова. – Ни от меня, ни от Хадсона не укрывается, что она делает едва уловимое ударение на слове «тебя».

– Подойди ко мне, чтобы я могла посмотреть на тебя, дитя мое. Мы слишком долго не виделись. – Она протягивает мне руку.

У меня такое чувство, будто мой рот полон ваты, а в мозгу вертятся многочисленные предостережения Джексона о том, что я никогда, никогда не должна касаться ее, что она терпеть не может прикосновений.

– Это было шесть недель назад, – невозмутимо говорит ей Хадсон и преграждает мне путь, когда я пытаюсь выйти из-за его спины.

– Как я и говорила. Слишком долго. – Она продолжает улыбаться, продолжает протягивать руку. Но теперь по ее глазам видно, что она не потерпит ослушания.

Это скверное начало визита, особенно теперь, когда я надеюсь уговорить ее помочь нам. Но почему она вдруг захотела коснуться меня? Может, это хитрость? Или испытание? Что ж, если это испытание, решаю я, то я сделаю все, чтобы его пройти. Потому что этот визит слишком важен.

Я обхожу Хадсона, делаю глубокий вдох и беру руку Кровопускательницы.

Я успеваю заметить завихрения в зеленых глазах, когда касаюсь ее руки; затем застываю, когда она обнимает меня, как будто я ее родственница, с которой она давно потеряла связь. Я так растеряна – ведь это совсем не похоже на те отношения, которые сложились между нами в прошлый раз, – но тут Хадсон издает рык, и до меня доходит, что это пред-

ставление предназначено не для меня. А для него. Отчасти это похвальба, отчасти угроза и на все сто процентов месть.

– По-моему, я предупреждала тебя, что этот брат Вега опасен, – шепчет она мне. И хотя ее голос тих, я знаю – она хочет, чтобы Хадсон слышал ее.

И она не ошибается.

– Да, предупреждали, – отвечаю я, когда она отпускает меня. – Но с тех пор произошли кое-какие события.

– События. – В ее глазах вспыхивает интерес. – А это события как-то связаны с тем фактом, что мой Джексон сейчас не с тобой?

Хадсон фыркает – не знаю, из-за того ли, что я использовала слово «события», или из-за того, что, упомянув Джексона, она назвала его своим. Но я благодарю небо, когда Хадсон ничего не говорит... и когда в ответ на его грубость она всего-навсего поднимает бровь. Правда, у меня нет точного представления о том, что она может сделать с ним, но я бы не удивилась, если бы она сокрушила его, или как там это называется, когда такой могучий вампир, как она, пускает в ход свою силу.

– Да, – быстро отвечаю я, прежде чем Хадсон успевает сказать что-нибудь такое, что выведет его из равновесия.

Она смотрит то на меня, то на него, как будто рассматривает варианты своих действий. Затем наконец вздыхает и поворачивается в сторону глубин своей пещеры.

– Что ж, думаю, тогда вам лучше уйти.

Она идет по крутому скользкому спуску, ведущему в холл, и мы с Хадсоном, переглянувшись, идем за ней.

Я беспокоюсь, как бы Кровопускательница не поскользнулась и не сломала себе бедро или что-нибудь еще. Самой мне ужасно трудно пробираться по этой скользкой крутой тропе, а ведь я намного моложе нее. Но, видимо, она ходит здесь чаще, чем я думала, потому что она ни разу не замедляет шаг – даже в самых опасных местах.

Однако я все равно вздыхаю с облегчением, когда мы наконец доходим до того уровня этой пещеры, где находятся ее апартаменты. Мы проходим через дверной проем, который я помню, и я напрягаюсь, готовясь к тому, что увижу. Потому что трупы людей, из которых в ведра стекает кровь, до сих пор иногда снятся мне в кошмарах, и мне совсем не улыбается опять увидеть это зрелище.

Я говорю себе не смотреть, когда мы входим в холл и идем к ее апартаментам, но не могу удержаться. И когда смотрю... О боже.

Я ничего не говорю, но, должно быть, издаю какой-то звук, потому что и Хадсон, и Кровопускательница поворачиваются и смотрят на меня – он с тревогой, а она с острым интересом.

– Я не ждала гостей, – спокойно замечает она, ведя нас мимо двух трупов, висящих головами вниз на крюках в углу. Их горла перерезаны, и из них в два больших ведра стекает кровь.

Ее слова не есть извинение, и я это понимаю. Ведь сама я тоже ни у кого не прошу прощения, когда покупаю в магазине куриную грудку. Так почему в этом случае дело должно обстоять иначе? Ну, скажем, потому, что *погибли два человека*. А мне в обычных обстоятельствах – то есть никогда – не приходится видеть свою пищу в таком первозданном виде.

К горлу подступает тошнота.

Хадсон делает несколько шагов и оказывается между трупами и мной, а его рука ложится на мою поясницу – надо думать, так он пытается успокоить меня. Однако этот жест только усиливает мою нервозность, ведь Кровопускательница зорко наблюдает за нами обоими. И все же я не отстра-няюсь.

Мы проходим мимо ведер – к моему ужасу, почти полных, – и Кровопускательница машет рукой, отпирая дверь, ведущую из прихожей в основную часть ее апартаментов.

– Садитесь, – приглашает она, показав на черный диван, стоящий перед камином с иллюзией ревущего огня. – Я сейчас вернусь.

Мы с Хадсоном садимся, и я не могу не заметить, что она все здесь отделала заново. Когда я была здесь в прошлый раз, диван имел теплый золотистый цвет спелой пшеницы, и перед ним стояли два кресла с подголовниками, темно-красные, как маки на картине, которая висела над камином. Теперь же все в этой комнате черное и серое с белыми штрихами. Даже картины на стене выдержанны в черно-серой гамме

всего с несколькими красными пятнами.

— Мне нравится то, что вы сделали с этим местом, — замечает Хадсон. — Такой шик... в духе серийного убийцы.

Я с силой пинаю его, но он изображает полнейшую невинность — если не считать проказливого блеска в его глазах.

Когда он наконец пересаживается с дивана на черное кресло-качалку, стоящее напротив, Кровопускательница возвращается с хрустальным бокалом, полным жидкости, которая, как я предполагаю, есть не что иное, как кровь. Мне кажется, что меня вот-вот стошнит. Это странно — ведь в школе я постоянно вижу, как вампиры пьют кровь. Так почему сейчас все иначе?

Наверное, потому, что вампиры в Кэтмире пьют кровь животных. И эти животные не висят на крюках в углу кафетерия, пока они угощаются...

Какое-то время она молчит и только смотрит на нас поверх своего бокала. Я чувствую себя как та мышь в «Короле-льве», с которой играет Шрам, позволяя ей пробежать между его когтями, и все зрители понимают, что он держит в лапах ее жизнь.

Но тут она моргает, и у нее снова делается вид маленькой безобидной бабули. Особенно когда она улыбается и говорит:

— Хорошо, мои дорогие. Расскажите мне все.

Глава 27. Нас связала ложь

– Грейс – моя пара, – выпаливает Хадсон, пока я ломаю голову, пытаюсь решить, с чего начать.

– В самом деле? – Похоже, Кровопускательница не очень-то удивлена, что вызывает у меня тревогу – по крайней мере до тех пор, пока она не спрашивает: – Почему ты так решил?

Я понимаю, что она ему не верит.

Он скидывает бровь.

– Узы сопряжения, которые связывают нас теперь, – это убедительное доказательство.

В ее глазах вспыхивает удивление, но тут же гаснет. Она невозмутимо смотрит на меня, и я гадаю: что же удивило ее? То, что теперь мы с Хадсоном сопряжены? Или то, что он не желает расшаркиваться перед ней и вместо этого обращается с ней как равный?

Я уверена, что людей, ведущих себя так, не много – точнее, их нет совсем. Даже Джексон, которого она вырастила, относится к ней с почтением и, быть может, с толикой страха. А Хадсон нет. Не знаю, значит ли это, что он безрассуден или же он и в самом деле так же силен, как она.

– Как именно это работает? – спрашивает Кровопускательница, попивая кровь. – Учитывая тот факт, что я точно знаю – узы сопряжения связывают Грейс с Джексоном.

– Вы дали ему заклинание, чтобы он их разорвал, – гово-

рит Хадсон.

– Да? – Она делает глоток из своего бокала. – Что-то я не припомню...

– Уверен, что в вашем возрасте вы уже много чего не помните, – замечает Хадсон. – Но попробуйте вспомнить хотя бы это.

– Выбирай слова, когда ты говоришь со мной, – рявкает она и резко подается вперед, похожая в эту минуту на атакующую кобру. Но затем, словно спохватившись, откидывается назад со спокойной улыбкой. И продолжает: – Или ты присоединишься к этим двоим незадачливым туристам, из которых я сливаю кровь.

Хадсон зевает. Действительно зевает, и теперь я думаю, что он не столько смел, сколько безрассуден, очень, *очень* безрассуден.

Что касается Кровопускательницы, то я уверена, что сейчас она пытается решить, слить из него кровь или приготовить из него фламбе.

– Если я действительно дала ему это заклинание, как ты утверждаешь...

– О, вы это сделали, – перебивает ее Хадсон.

– Если. Я. Это. Сделала. – В ее голосе звучат стальные нотки. – В таком случае не следует ли тебе просто сказать мне *спасибо*? – спрашивает она, прищурив глаза. – Если учесть, что ты от этого выиграл.

– Вы думаете, что я должен вас поблагодарить? – шипит

Хадсон. – За то, что вы испоганили нашу жизнь? За то, что вы уничтожили моего брата...

– Если он решил использовать это заклинание, то вряд ли можно сказать, что он уничтожен.

– Он не использовал его, – говорю я ей, пытаюсь не обращать внимания на чувства, которые вызвали у меня слова Хадсона. Я знаю, что все испоганено донельзя. Знаю, что он не хочет быть сопряженным со мной, как этого не хочу и я, но, когда я слышу, как он это говорит – как будто сопряжение со мной самая худшая вещь в его жизни, – это ранит меня больше, чем я ожидала.

– Это сделал другой человек, – объясняет Хадсон. – Но дело не в этом, не так ли? Я хочу узнать вот что – как вы вообще узнали заклинание, способное разорвать узы сопряжения.

– А почему это должно иметь значение? Если только... – Она пристально смотрит на нас, и теперь в ее глазах уже ясно виден расчет, ничем не прикрытый холодный расчет. – Если только вы здесь не потому, что вы хотите разорвать также и ваши узы.

– Да, мы хотим именно этого, – говорю я ей, прежде чем Хадсон успевает что-то сказать – отчасти потому, что мне не хочется разозлить ее и испоганить все еще больше, отчасти потому, что я не хочу опять слушать его речи о том, как ужасны узы нашего сопряжения. – А еще мы хотим найти способ восстановить узы сопряжения между Джексоном и мной.

– Неужели? – Кровопускательница насмешливо смотрит на Хадсона. – Неужели ты действительно этого хочешь? Восстановить узы сопряжения Грейс и Джексона, чтобы на них красовался милый славный бантик?

Я смотрю то на нее, то на него, и по комнате разливается множество скрытых эмоций. Я ощущаю себя несмысленным ребенком, потому что не могу понять ни одного из них.

– Я хочу, чтобы Грейс и мой брат были счастливы, – говорит он сквозь стиснутые зубы.

– И ты думаешь, что этого можно добиться, починив узы их сопряжения? – Она отпивает еще крови, глядя на него поверх краев своего бокала.

– Раньше они были счастливы, – выдавливает из себя он.

– Да, были, – соглашается она. – Но если они по-настоящему любят друг друга, то не все ли равно, есть ли вообще такие узы или нет?

– Это не все равно, если речь идет о тех узах сопряжения, которые связывают ее со мной.

– Простите, – вступаю в разговор я отнюдь не мягким тоном. – Но не могли бы вы включить и меня в вашу беседу? Ведь речь идет о *моей* жизни.

– Конечно, Грейс. – Взгляд Кровопускательницы сладок и полон великодушия. – Чего хочешь ты, моя дорогая?

Мне приходится призвать на помощь все мое самообладание, чтобы не запинаться, когда на меня смотрят эти глаза, пронзительные, как лазеры. Будь осторожна в своих желани-

ях и все такое... Но в конце концов я умудряюсь взять себя в руки и говорю:

– Я хочу снова быть сопряженной с Джексоном. – Произнося это, я стараюсь не смотреть на Хадсона.

Кровопускательница долго всматривается в меня, словно пытаюсь определить, насколько правдивы мои слова. Но в конце концов она только грустно улыбается мне и качает головой.

– Что ж, тогда, как мне ни жаль, вы проделали путь сюда зря. Я не могу разорвать узы твоего сопряжения с Хадсоном и совершенно точно не могу восстановить те узы, которые связывали тебя и Джексона.

– Почему? – спрашиваю я. – Ведь однажды вы это сделали...

– Потому, Грейс, дорогая, что есть такие вещи, которые, если они оказались разорваны, восстановить уже нельзя. – Она сочувственно улыбается. – Я знала, как можно разорвать узы между Джексоном и тобой, только потому, что их создала я сама.

Глава 28. Сегодняшний прогноз: глубокая заморозка

Мое сердце гулко бухает в груди.

– О чем вы? Как это – вы *создали* их?

– Значит, *вот* что с ними было не так, – перебивает Хадсон, и в глазах его я вижу ужас. – Я знал, что они выглядят странно: зеленая нить, скрученная с черной. Просто я... – Он мотает головой, будто пытается вытрясти из нее туман. – Я и подумать не мог, что это потому, что они вообще не должны были существовать.

Кровопускательница пожимает плечами.

– Те, у кого есть магическая сила, мало думают о моральном долге, о том, что они что-то там должны или не должны.

– И очень зря, – говорю я, чувствуя, как вся боль, весь страх и вся печаль последних недель вскипают во мне, бурлят, пока мне не начинает казаться, что сейчас меня разнесет на куски.

– Полно, Грейс. – На сей раз, когда она улыбается, я вижу кончики ее острых, как бритва, клыков. – Ведь у тебя и самой есть немалая магическая сила. Как и у твоей... – она небрежно машет рукой, – пары. Не станешь же ты говорить, что никогда не пользуешься ею, чтобы помочь тем, кто тебе дорог?

– Черт возьми, каким же образом вы, по-вашему, смогли помочь хоть кому-то из тех, кого коснулась эта ситуация? – резко спрашивает Хадсон. – Вы только все испоганили. – Он опять заговорил с сильным британским акцентом.

– Я говорила не с тобой. – Ее голос холоднее, чем окружающий нас лед.

– Зато я точно говорил именно с вами. Каким же надо быть чудовищем, чтобы возомнить себя богом и играть жизнями четырех людей...

– Четырех? – недоуменно перебиваю я.

Он свирепо сверлит взглядом Кровопускательницу, обращается только к ней и, похоже, так поглощен этим занятием, что даже не смотрит на меня.

– Неужели вам никогда не приходило в голову, что где-то у Джексона есть настоящая пара? А он даже не станет ее искать, потому что сопряжен с Грейс.

Его слова бьют, как камни, и я забываю, как дышать. Как думать. Как существовать. О боже! Не может быть, что это происходит.

Кровопускательница впервые на моей памяти впадает в ярость. Эта ярость, чистая, абсолютная, извергается из нее, когда она тычет в Хадсона пальцем.

– Ты беспокоишься о воображаемой паре Джексона? – спрашивает она. – Или о себе самом?

– В этом-то и проблема, когда речь идет о людях, злоупотребляющих своей магической силой, – рывкает он. – Им не

нравится думать о том, что они натворили. И они терпеть не могут, когда кто-то указывает им на это.

– Не кажется ли тебе, что с твоей стороны это ханжество, ведь ты как-никак сын Сайруса Веги? – Теперь она уже полностью обнажила свои клыки.

Как и Хадсон.

– Именно потому, что я его сын, я и могу распознать злоупотребление магической силой, – парирует он и так грозно скидывает руки, что у меня мелькает мысль: не собирается ли он придушить ее?

Кровопускательница вздыхает и опять небрежно машет рукой. И на сей раз Хадсон застывает. По-настоящему застывает, как при мгновенной заморозке, с оскалом на лице, прищуренными глазами и поднятыми руками.

– Что вы сделали? – кричу я, и в моем голосе невольно слышится обвинение. – Что вы сделали с ним?

– С ним все в порядке, – заверяет она. – Это было бы не так, если бы он продолжил свои речи, так что на самом деле я оказала ему услугу.

Я не знаю, что на это вообще можно сказать, поэтому просто спрашиваю:

– Но в конечном итоге вы разморозите его?

– Разумеется. – Она морщится. – Поверь мне, у меня нет ни малейшего желания загромождать мое жилище статуей Хадсона Веги.

– Он не статуя. Он...

– Я знаю, что он такое. И это нагоняет на меня скуку. – Она показывает на кресло, стоящее рядом с ней. – А вот с тобой я поговорю с удовольствием. Подойди ко мне.

Уж лучше сесть рядом с голодным медведем, чем с ней, думаю я, но выбора у меня нет. К тому же место, где я сижу сейчас, не менее опасно, раз уж она смогла заморозить Хадсона, всего лишь взмахнув рукой.

Я не хочу ее злить, чтобы она не заморозила и меня, и поэтому осторожно опускаюсь в кресло-качалку, стоящее рядом с ней.

– Что ты обо всем этом думаешь, Грейс? – спрашивает она, когда я сажусь.

– Я не знаю, что думаю. – Я не свожу глаз с Хадсона, беспокоясь за него и мысленно приказывая ему разморозиться. Не так ли себя чувствовали Джексон, Мэйси и дядя Финн в те месяцы, когда я была заточена в камне? Интересно, не испытывали ли они тогда такую же беспомощность, такой же всепоглощающий страх? Он заморожен всего около трех с половиной минут, а я уже сама не своя. Я даже представить себе не могу, как они выдерживали это целых три с половиной месяца.

– Я помню, как впервые увидела узы моего сопряжения с Джексоном. – Я думаю о том вечере в школьной прачечной, о зелено-черной нити, так сильно отличающейся от остальных. – Тогда я не поняла, что с ними что-то не так, но теперь я могу сказать, что они были не похожи на все остальные

нити, которые есть у меня внутри. Это особенно ясно мне теперь, когда я увидела мои узы сопряжения с Хадсоном.

– В самом деле? – Когда я упоминаю узы моего сопряжения с Хадсоном, она вздыхает. – Неужели ты не могла сделать выбор получше?

– По-моему, у меня не было выбора, – отвечаю я. – Это не зависело от меня.

– А что ты об этом думаешь?

– Мне хочется оторвать кому-нибудь голову. – Это тоже вырывается у меня само собой прежде, чем я успеваю подумать, и я сдаю назад: – Разумеется, не вам. Просто я...

– Не пытайся смягчать свои чувства, Грейс. Их надо честно признавать. И использовать.

– Как это сделали вы? – спрашиваю я.

Кровопускательница отвечает не сразу. Вместо этого она пристально смотрит на меня – долго, целую вечность, – затем вздыхает.

– Я хочу рассказать тебе одну историю.

– Хорошо, – говорю я, как будто у меня есть выбор.

– Это началось до твоего рождения. Задолго до твоего рождения, но сейчас мы сосредоточимся на более недавнем прошлом.

Она медленно отпивает из своего бокала, затем ставит его на журнальный столик.

– Девятнадцать лет назад ко мне обратился ковен ведьм – это было в разгар самой сильной снежной бури из всех, ко-

которые Аляска видела за последние пятьдесят лет. Они были охвачены ужасом и отчаянием. И тревогой за судьбу своего ковена и за судьбы мира, как мира людей, так и мира сверхъестественных существ.

Теперь она неотрывно смотрит на огонь, и вид у нее такой несчастный, какого я за ней прежде не замечала.

– И чего они хотели? – спрашиваю я, когда она замолкает.

– Им была нужна помощь. Они хотели найти способ вернуть горгулий. Прошло более тысячи лет с тех пор, как на свет появилась последняя из них, и без того равновесия, которое несли с собой горгульи, мир сверхъестественных существ катился в тартарары.

– Но была же и другая горгулья. Неубиваемый зверь.

– Значит, ты это поняла. – Она улыбается. – Умница.

– Я слышу его в моей голове. Когда мне грозит опасность, он разговаривает со мной.

– Он разговаривает с тобой? – Она опять сосредотачивается на мне, и в ее глазах вспыхивает пугающий огонек. – И что же он говорит?

– Он предостерегает меня. Разумеется, он разговаривает со мной не все время, а только тогда, когда мне грозит опасность. Он говорит мне, чтобы я чего-то не делала или кому-то не доверяла.

– В самом деле? – Она изгибает бровь. – Ты очень везучая девушка, Грейс.

– Знаю, – говорю я, хотя сейчас я не чувствую себя такой

уж везучей – впрочем, я уже очень, очень давно не чувствовала, что мне везет.

– Ко мне явились несколько ведьм и ведьмаков из этого ковена – включая твоего отца. Я поговорила с ними, а также с твоей матерью, которая, хотя и не была ведьмой, но – я это чувствовала – являлась носителем волшебства. И я сразу же поняла, что позднее ты станешь для нас крайне важна.

– Из-за того, что я горгулья? – спрашиваю я и чувствую, что у меня сдавило горло. Не знаю почему – потому, что она говорит о моих родителях, или потому, что она наконец рассказывает мне обо мне самой, – хотя у меня такое чувство, будто она морочит мне голову. Как будто я явилась к какой-то гадалке-шарлатанке, которая говорит людям то, что они хотят слышать.

Когда я перебиваю ее, она цокает языком, но продолжает:
– Из-за того, что ты есть на самом деле.

Глава 29. Не бабушка, а гроссмейстер

Я ожидаю, что она скажет что-то еще, но она ничего не говорит, и я шепчу:

– Я не понимаю, что это значит.

Ее улыбка безмятежна.

– Не беспокойся – ты поймешь.

– Но при чем тут Джексон? И мое сопряжение с ним?

– Я согласилась помочь тем ведьмам и ведьмакам, но попросила их об ответной услуге. – Она тяжело вздыхает.

У меня холодеет кровь.

– Я не понимаю. О какой услуге?

– Та девочка, которая, как я пообещала им, должна будет родиться, та горгулья, которую они так отчаянно хотели получить и которая будет иметь огромную магическую силу, должна была стать парой моего Джексона... если она захочет.

– Вы хотите сказать – пока я не найду свою настоящую пару. – Я с трудом выдавливаю это из себя, меня охватывает ужас, и я невольно перевожу взгляд на Хадсона.

– Нет, тебе было суждено сопряжение с Джексоном – до тех пор, пока ты не коснешься и не отвергнешь его. – Она улыбается. – Но ты не отвергла это сопряжение, не так ли?

Ее слова плавают в моей голове в поисках суши.

– Значит ли это, что до нашей встречи Джексон тоже не мог быть сопряжен ни с кем другим?

Она поднимает брови.

– Конечно, дорогая. Как еще я могла сделать так, чтобы у тебя был шанс на сопряжение с моим Джексоном? Из этого бы ничего не вышло, если бы до вашей встречи он уже был сопряжен с кем-то еще.

Боже. Мне становится не по себе. Если я была права и тот парень, о котором говорил Флинт, тот, в кого Флинт был влюблен всю жизнь, это в самом деле Джексон... Это значит, что все это время, пока у Флинта разрывалось сердце, пока он думал, что Джексон не хочет выбрать его, все было совсем не так – Джексон просто не мог сделать такой выбор. Из-за меня.

Я обхватываю себя руками, стены гостиной смыкаются вокруг, я делаю неглубокий вдох.

– Значит, *все* это была подделка, туфта? Мои чувства к Джексону были ненастоящими?

– А тебе эти чувства кажутся поддельными? – спрашивает она и, наклонившись, похлопывает меня по руке.

Я думаю о его глазах, о его улыбке. О его прикосновениях. И стеснение в моей груди ослабевает.

– Нет. Нет, они не казались мне поддельными. Совсем.

– Потому что они не были поддельными. – Она пожимает плечами. – Ты же знаешь правила сопряжения...

– Вы нарушили все правила!

– Нет. – Она многозначительно поднимает палец. – Я обошла несколько правил, но я их не нарушала. Я создала узы вашего соприкосновения, но, если бы ты не была открыта для них – если бы Джексон не был открыт для них, – вы двое никогда бы не оказались соприкосновены и были бы свободны найти свои истинные пары. Так что все просто.

Мне это не кажется простым. И тут меня пронзает новая мысль, новая и ужасная.

– А что, если бы мы так и не встретились? Значит ли это, что тогда Джексон всю свою жизнь оставался бы один?

– Этого бы не произошло. Я прибегла к древней магии, сделав так, чтобы подобное притягивалось к подобному. Эта магия неудержимо влекла тебя в Кэтмир к Джексону с самого твоего рождения. – Я вижу в ее зеленых глазах что-то, напоминающее доброту.

Я закрываю лицо руками и пытаюсь сдержать слезы. Но я не стану плакать – не здесь и определенно не сейчас. Я не доставлю ей такого удовольствия.

– Грейс. – Ее рука застывает над моим предплечьем, как будто она хочет опять коснуться меня, и ее взгляд сейчас куда мягче, чем когда-либо прежде.

Но ни от того ни от другого мне не легче.

Я встаю с кресла и иду к Хадсону. Может, мне удастся убедить ее разморозить его, раз уж она немного смягчилась? Но сначала у меня вырывается вопрос, который мучает меня

с того самого момента, когда она призналась, что создала узы сопряжения между Джексоном и мной.

– Я не понимаю одного – зачем вы сделали это. Нет, я говорю не о себе, мне понятно, что для них я была просто ценным ресурсом, а для вас козырем в переговорах. Но Джексон? Как же он? Вы вырастили его, воспитали его. Он любит вас. Так зачем же вы сделали с ним то, что могло причинить ему боль?

– А ты помнишь, каким был Джексон, когда ты познакомилась с ним? – спрашивает Кровопускательница.

Я вспоминаю его холодные черные глаза.

– А при чем тут это?

– Он замкнулся в себе давно, задолго до твоего рождения. Возможно, я была слишком жесткой, воспитывая его, возможно, дело было в этих двух людях, его биологических родителях. Не знаю, не знаю. И я подумала, что, дав ему пару, смогу отчасти исправить это. И это было не только ради него. Ты должна была стать последней горгульей на земле, то бедное существо в пещере не в счет... – Она делает паузу, чтобы прочистить горло и допить бокал. – Я знала, что тебе понадобится его защита. Что тебе будут нужны Кэтмир и все то, что тебе сможет дать Финн.

Она смотрит мне в глаза и добавляет:

– Я сделала это ради вас обоих, Грейс. Потому что вы были нужны друг другу.

Какая-то часть меня слышит в ее словах правду. Я вспо-

минаю мой первый день в Кэтмире, когда я была так растеряна и испытывала такую боль. Когда я поняла, что Джексон такой же, как я.

Она сказала, что мне была нужна защита Кэтмира – значит ли это, что Кровопускательница рассказала обо мне Лии, зная, что та убьет моих родителей и что я попаду в Кэтмир?

Это ужасное подозрение, от него у меня закипает кровь и по коже бегают мурашки, но затем до меня доходит, что ей не было нужды это делать. Если в конце концов магическая сила наших уз в самом деле должна была свести нас вместе.

Я поворачиваюсь и вижу Хадсона, его идеально красивое лицо застыло. У меня мелькает мысль: а что, если сопряжение было нам суждено с самого начала? Что, если в другом мире, таком, где тысячелетние вампиры не могут творить все, что им угодно, мы были предназначены друг для друга?

Я тру свою грудь и, честное слово, чувствую, как еще одна трещина рассекает мое и без того уже израненное сердце.

Я протягиваю руку к Хадсону, желая получить успокоение – утешение – от прикосновения к его коже, хотя бы на секунду. Но едва мои пальцы касаются его пальцев, происходит нечто чудесное.

Он хватает мою руку, сжимает ее, моргая и смаргивая действие чар, которые обездвиживали его последние пятнадцать минут.

Глава 30. Кому нужно правдоподобие, если есть возможность все отрицать?

Я уставляюсь на Хадсона – потрясенная тем, что он как-то вышел из того транса, в который его погрузила Кровопускательница. Я оглядываюсь, чтобы посмотреть, не она ли решила освободить его, но, похоже, она так же удивлена, как и я сама.

Она быстро стирает удивление со своего лица, и я спешу встать между Хадсоном и ней. Я ожидаю, что после того, что она сотворила, он попытается накинуться на нее, и остановить его можно, только преградив ему путь. Потому что при всем моем невежестве одно я знаю точно – Хадсон никогда ни за что не нападет на нее, если будет знать, что при этом могу пострадать и я. А раз так, то, может быть, у меня будет возможность как-то исправить дело до того, как все окончательно полетит в тартарары.

Но Хадсон совсем не так взбешен, как я ожидала. Да, он раздражен, но он был раздражен и до того, как она заморозила его, и я полагала, что, пробыв пятнадцать минут статуей, он будет вне себя. Однако вместо этого он смотрит на нас с таким видом, будто ожидает ответа на какой-то вопрос.

Я опять оглядываюсь на Кровопускательницу, и на сей раз

она улыбается мне улыбкой доброй бабули.

– Он ничего не помнит, дорогая.

– Не помню чего? – спрашивает Хадсон, глядя то на нее, то на меня.

Мне надо ему сказать – он имеет право знать, что сейчас произошло, – но, если я скажу, начнется светопреставление. Так что я решаю, что пока ему лучше оставаться в неведении.

– Ничего, – отвечаю я.

Я расскажу ему позднее, когда мы очутимся далеко от этой пещеры и он не сможет попытаться напасть на Крово-
пускательную. Он будет в ярости, но он это переживет. И слава богу, что он все же не разозлил ее настолько, чтобы она решила сделать его своей жевательной игрушкой.

Это беспроеигрышная ситуация – никто не проиграл, и никто не умрет.

Да, я знаю, мои критерии беспроеигрышной ситуации здорово снизились после того, как я стала учиться в Кэтмире, но сейчас не время об этом думать.

– Мне все равно, что вам надо для этого сделать, – говорит Кровопускательной Хадсон, – но вы должны разорвать узы сопряжения, связывающие меня и Грейс.

Она устремляет на него вопросительный взгляд.

– Мне показалось, что ты только что критиковал меня за то, что я возомнила себя богом.

– А вы заявляли, что, если у тебя есть сила и власть, ими

невозможно не злоупотреблять, – парирует он. – Так что давайте. Злоупотребите своей силой и вытащите нас из этой жопы.

На мгновение мне кажется, что сейчас Кровопускательница не выдержит и взорвется, поэтому мне очень хочется оттащить Хадсона в угол и настоять на том, чтобы он перестал испытывать ее терпение. То есть я знаю, что он не слышал нашего с ней разговора, но все же. Он ведет себя так, будто желает, чтобы она набросилась на него.

Или так, будто ему очень, очень хочется разорвать узы нашего сопряжения.

Эта мысль поражает меня, словно валун, катящийся с горы. До нашего прибытия сюда я знала, что Хадсон не хочет быть моей парой, что он считает все это некой космической шуткой. Но теперь, когда мне стало известно, что ему, вероятно, всегда было суждено быть моей настоящей парой, это кажется мне чем-то вроде удара под дых.

– Тебе надо научиться меня уважать, – говорит она, буравя его злым взглядом.

– Дайте мне что-то такое, что можно уважать, и я буду готов, – парирует он, устремив на нее такой же злой взгляд.

Я едва не пригибаюсь. А вдруг она сейчас сокрушит его?

Но вместо того чтобы разорвать его на куски, пустив в ход свою тысячелетнюю силу, Кровопускательница берет свой бокал, скользящей походкой идет к небольшому бару, сделанному из льда и расположенному на противоположном

конце гостиной. И очень медленно, очень аккуратно налив себе еще крови, пьет.

Когда она опять поворачивается к нам, пламя в ее глазах притушено, хотя губы плотно сжаты, а плечи напряжены.

– Итак, – тихо говорит она и снова смотрит на нас с видом грозной кошки, играющей с маленькой мышкой.

Жуть.

– Вы действительно хотите разорвать узы вашего соприжения?

Я уже сомневаюсь, наполовину из-за того, что она мне сказала, наполовину потому, что инстинкт самосохранения внутри меня буквально кричит поскорее убираться отсюда.

Но Хадсон полностью «за» и говорит:

– За этим мы и явились сюда. Джексон и Грейс не заслуживают такого.

– А чего заслуживаешь ты сам? – В ее устах этот вопрос звучит как угроза.

– Я знаю чего, – отвечает он. – Но большое вам спасибо за вашу заботу.

Она чуть заметно пожимает плечами и гримасничает, словно говоря: *«твое сумасшествие – это не моя проблема»*. И говорит:

– Быть может, есть один способ разорвать эти узы.

– И какой же? – спрашивает Хадсон.

– Корона.

– Что? – спрашиваю я, но Хадсон, похоже, знает, о чем

она толкует, поскольку меняется в лице.

– Ее не существует, – отвечает он.

– Разумеется, она существует. – Она опускает взгляд, рассматривает свои ногти. – Просто она ненадолго пропала.

– Ее не существует, – повторяет Хадсон.

Но я не так уж уверена, что он прав, – судя по виду Кровопускательницы, она не блефует. Совсем.

– Тебе это сказал Сайрус? – спрашивает она. – Он не смог ей завладеть, поэтому он и не хочет, чтобы другие знали, что она существует.

По-моему, это очень похоже на Сайруса, и я вижу, что Хадсон тоже так думает, поскольку он перестает спорить. Он не готов начать задавать ей вопросы об этой самой Короне, но больше не возражает. По его меркам это почти капитуляция.

– А что может сделать эта ваша Корона? – спрашиваю я, по-прежнему ничего не понимая.

– Считается, что Корона дает тому, кто ее носит, безграничную силу, – сухо говорит Хадсон.

– И все? – спрашиваю я. – Всего-навсего еще большую силу?

– Выражение «всего-навсего» здесь неприменимо, – замечает Кровопускательница. – Эта сила беспримерна. Некоторые говорят, что она дает тому, кто носит ее, способность повелевать Семью Кругами.

– Погодите. Кругами? Наподобие того совета, в котором

мы теперь вроде бы должны состоять? – Я показываю на Хадсона.

– В котором должна состоять *ты*, – поправляет он меня.

– Да, вместе с моей *парой*.

Он отводит глаза. Черт, черт. Почему-то эта ситуация становится все хуже, и я все время болтаю лишнее.

– Значит, их семь? – спрашиваю я.

– Конечно, дитя мое. Не думала же ты, что в мире есть только пять видов сверхъестественных существ. Просто по воле случая ты принадлежишь к этому Кругу.

Я понятия не имею, что мне следует на это сказать. Она еще только начала, а я уже чувствую себя как эмодзи с взрывающимся мозгом.

– А кто состоит в других Кругах?

– А разве это имеет значение? – язвит Хадсон.

Кровопускательница не устаивает его ответом.

– Феи, русалки, эльфы, суккубы – и многие другие.

– Суккубы, – повторяю я. – Эльфы. Просто бродящие по миру и не лезущие в чужие дела.

– Ну как раз эльфы очень даже лезут в чужие дела, – замечает Хадсон. – Они везде суют свой нос.

Я ожидала от него чего-то другого, но ладно, проехали.

– И эта самая Корона повелевает ими всеми?

– Корона приносит в мир равновесие. Долгое время в руках сверхъестественных существ было сосредоточено слишком много силы, поэтому была создана Корона, чтобы обес-

печить баланс. Но где существует такая сила, там всегда есть и алчность. Желание получить власть над всеми и вся.

Она медленно пьет кровь.

– Тысячу лет назад Сайрус попытался завладеть Короной.

– Ну еще бы, – бормочет Хадсон.

– Она исчезла вместе с тем, кто ее носил, и с тех пор Сайрус ищет ее. Отыщи Корону, и, возможно, ты найдешь способ разорвать узы вашего сопряжения и восстановить узы сопряжения Грейс и Джексона.

Глава 31. Мне нужно отлучиться

– Давайте уточним, – говорю я. – Ее никто не видел уже тысячу лет, люди по всему миру – в том числе сам король вампиров – ищут ее, а вы думаете, что мы с Хадсоном можем ее найти?

– Я не говорила, что считаю, что вы можете ее найти. Я сказала, что это, вероятно, единственный способ разорвать узы вашего сопряжения. – Она возвращается к своему креслу и садится. – Извините, мои старые кости устают, если я слишком долго стою.

Я этому не верю и, бросив взгляд на Хадсона, убеждаюсь, что этому не верит и он. Но ни он, ни я не говорим об этом, только не теперь, когда она продолжает свой рассказ.

– Но если бы вы решили, что хотите ее поискать, я бы на вашем месте начала поиски с того единственного создания, которое может о ней что-то знать. И поскольку вы с ним уже встречались, возможно, у вас есть шанс убедить его поговорить с вами.

– Кто это? – спрашиваю я, ломая голову. Кого она имеет в виду? Даже Хадсон подался вперед, и видно, что ответ интересует его не меньше, чем меня.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь? – Она изгибает бровь. – Неубиваемый Зверь, кто же еще? Некоторые говорят, что поэтому-то его и посадили на цепь... чтобы никто

не узнал, куда он прятал Корону.

– Неубиваемый Зверь? – повторяю я, чувствуя, как быстро бьется мое сердце. – Я вам уже сказала, он разговаривает со мной. Вы думаете, что я могла бы просто спросить его и он бы ответил?

– Я думаю, что он слишком не в себе, чтобы толковать о чем-то, кроме самых простых вещей. А что об этом думаешь ты?

Я думаю о том, что происходило в пещере, и о том, что он говорит со мной, используя только самые короткие фразы. А еще о том, как он пытался отдать мне свое сердце.

– Думаю, он ничего не помнит.

– Тогда у вас есть только один вариант. Вы должны превратить его в человека – он пробыл в ипостаси горгульи так долго, что это, вероятно, свело его с ума.

– Погодите, разве такое возможно? – спрашиваю я, потому что, по-моему, кто-то должен был мне об этом сказать. Что-то вроде *«если ты пробудешь горгульей слишком долго, это может произойти и с тобой»*. Да, мне определенно следовало об этом узнать.

– Для этого должны пройти века, Грейс, – вмешивается Хадсон, впервые за долгое время. – Чтобы такое случилось с тобой, ты должна будешь пробыть в ипостаси горгульи несколько веков.

– Откуда ты знаешь?

– Я изучаю горгулий уже несколько недель. – Он закаты-

вает глаза. — Или ты думаешь, что я допустил бы, чтобы ты выпутывалась сама, если бы оказалось, что что-то в этой истории может причинить тебе вред?

Разумеется, нет. Хадсон, конечно, взбалмошен, но он бы ни за что не допустил, чтобы кому-то из тех, кто ему дорог, пришлось выпутываться из передраг в одиночку.

Я улыбаюсь ему, и на секунду мне кажется, что сейчас я увижу его ответную улыбку. Но он переводит взгляд на Кровопускательницу и спрашивает:

— И каким же образом мы сможем превратить его в человека?

Она пристально смотрит на Хадсона.

— Вы должны его освободить. Это его цепи не дают ему превратиться в человека. Разбейте их, и он вернет себе человеческое обличье.

— Мы уже пытались их разбить, и у нас ничего не вышло, — говорю я. — Вампир, дракон, ведьма, горгулья... — Я показываю на себя. — Никому из нас не удалось это сделать.

— Это потому, что они заколдованы.

— Заколдованы? — Хадсон всплескивает руками. — Вы что, морочите нам головы? Хотите отправить нас искать ветра в поле, чтобы мы отстали от вас?

— Хадсон... — Я кладу руку ему на плечо, чтобы успокоить его, но он сбрасывает ее.

— Нет, Грейс, ни за что! У нее есть куча всяких правил, и с каждой секундой эти правила становятся все более и более

абсурдными. *Вы не можете разорвать эти узлы. Вернее, да, можете, но для этого вам понадобится Корона. О нет, никто не знает, где эта Корона. Хотя погодите, кто-то знает. Но от него вы не можете этого узнать.* Довольно, все это чушь, и она это знает.

– Может, и так, – шепчу я. – А может, и нет. Может быть, нам все-таки надо хотя бы попытаться.

– Это действительно так важно для тебя? – спрашивает он, и злость уходит из его глаз – а вместе с ней и любые другие эмоции.

Я не знаю, как ответить на этот вопрос, и потому ухожу от ответа.

– Мы не обязаны принимать решение прямо в эту минуту. Мы можем просто выслушать ее и решить позднее.

Похоже, ему хочется продолжить спор, но в конце концов он просто вздыхает и машет рукой, как бы говоря «*проехали*».

– А как можно разбить эти заколдованные цепи? – спрашиваю я, хотя я не менее ошеломлена, чем Хадсон. А может быть, и больше.

Кровопускательница смотрит то на меня, то на него, словно пытаясь понять, говорить нам или нет. Но в конце концов вздыхает и говорит:

– Я знаю только одно – вам надо найти Кузнеца, который изготовил эти цепи. Вообще-то, – она улыбается Хадсону, – это тот же самый Кузнец, который выковал браслет, который

ты сейчас носишь. Он сделал несколько заколдованных браслетов, которые затем были подарены Кэтмиру. Если вы хотите разбить цепи Неубиваемого Зверя, вам надо его отыскать.

– А как мы сможем найти этого Кузнеца? – спрашивает Хадсон.

– Честно? – Она качает головой. – Понятия не имею.

Глава 32. Разговорами сыт не будешь

Больше нам ничего не удастся у нее узнать – либо потому, что ей больше нечего нам сказать, либо потому, что она что-то скрывает от нас, хотя я не понимаю, зачем. Когда речь идет о ней, ничего нельзя знать наверняка.

Она предлагает нам провести ночь у нее, поскольку, когда мы доберемся до Кэтмира, будет уже очень поздно, но, по мне, лучше уж встретиться лицом к лицу с ночными зверями Аляски, чем провести хотя бы одну лишнюю минуту в ее ледяной пещере.

К счастью, возвращение в Кэтмир проходит без происшествий. Буря, казавшаяся неизбежной, кажется, прошла стороной. Из хищных зверей нам встречаются только волки, но и тех рычание Хадсона быстро заставляет бежать. К тому же я могу летать, а они нет, что здорово облегчает дело.

Один раз мы делаем короткую передышку, и я говорю Хадсону, что Кровопускательница заморозила его (что ему, разумеется, совсем не по вкусу), и сообщаю то, что она рассказала мне о колене и узах сопряжения, и о том, что Джексона и меня влекло друг к другу. Хадсон слушает меня, молча вглядываясь в темноту, пока мы идем по лесу – и мне кажется, что это лучше, чем я могла ожидать.

Во всяком случае, до тех пор, пока он не рычит:

– Гребаная кровососка. – И этим все сказано. Тем более что я знаю: он говорит о чем-то куда большем, чем то, что она вампир.

Мы опять пускаемся в путь.

К тому времени, как мы добираемся до школы, я измучена, умираю с голоду и хочу одного – принять горячий душ, поесть и лечь в кровать. Но одновременно в моем мозгу роятся тысячи разных мыслей. Сегодня суббота, значит, Мэйси тусуется с другими ведьмами, а я не хочу оставаться одна. Потому что не могу заставить себя не думать о Джексоне, Хадсоне, Сайрусе и Неубиваемом Звере.

Я думаю об этом звере, пока Хадсон ведет меня по коридору к моей комнате. Я пообещала ему, что вернусь и освобожу его, и я хочу это сделать – я должна это сделать. Вот только я не знаю, действительно ли этот Кузнец, кем бы он ни был, знает, как это можно сделать. И захочет ли. Если Кровопускательница права, если это он изготовил те цепи, то с какой стати он может захотеть их снять?

И каким же гнусным должен быть человек, чтобы сотворить такое?

Я говорю это Хадсону, но он только качает головой.

– Мне никогда не понять, почему люди принимают те решения, которые принимают, – отвечает он. – Как они могут быть настолько безразличны к таким понятиям, как добро и зло. Или как они могут просто соглашаться со злом, когда

они выигрывают от него или когда ему слишком трудно противостоять.

Я думаю о его отце, обо всем том, что творили Сайрус и все его приспешники. А затем о том, что Хадсон сделал, пытаясь остановить своего отца, — и о той цене, которую ему пришлось за это заплатить.

— Простого ответа тут нет, верно? — говорю я и вздыхаю.

— Я не уверен, что ответ вообще существует, — отвечает он.

Мы стоим перед дверью моей комнаты, ощущая неловкость, и я не знаю, что делать. Я вижу, что Хадсон тоже этого не знает, потому что руки он засунул в карманы, и его взгляд, обычно прямой, устремлен куда угодно, только не на меня.

И тут у меня урчит в животе. Громко.

— Ты голодная? — Он вдруг улыбается.

— Эй, полеты сжигают кучу калорий! — Я гримасничаю.

Он кивком показывает на дверь моей комнаты.

— У тебя там есть какая-то еда?

— Ага. Я возьму батончик с мюсли...

— Сегодня ты съела уже три батончика с мюсли. — Он приклоняется плечом к стене. — Тебе не кажется, что пора подкрепиться чем-то по-настоящему питательным?

— Ага, только кафетерий закрыт, так что же ты предлагаешь? — Я кривлюсь. — И, пожалуйста, не говори мне, что ты предложишь мне термос с кровью.

Сперва мне кажется, что он не ответит, но тут он говорит:

— Я предлагаю тебе принять душ.

– Ты хочешь сказать, что от меня воняет? – Я резко вдыхаю, изображая возмущение.

– Я хочу сказать, что ты дрожишь. Душ тебя согреет. – Он натягивает мою шапку мне на глаза.

– Эй, ты что? – У меня уходит всего секунда, чтобы стянуть шапку с глаз, но, когда я стягиваю ее, он уже находится на другом конце коридора.

– Хадсон... – зову его я, затем останавливаю себя. Потому что понятия не имею, что хочу ему сказать.

Видимо, он это понимает, поскольку улыбается и машет мне двумя пальцами, прежде чем скрыться из виду. А я захожу в мою комнату.

Мэйси тут, разумеется, нет, хотя она оставила два печенья с шоколадной крошкой на тарелке рядом с моей кроватью. Может, просто съесть их и нырнуть под одеяло? Но Хадсон прав, я дрожу. К тому же у меня ноют плечи – вероятно, из-за того, что я пролетела сегодня сотни миль при почти нулевой температуре.

Судя по всему, долгие полеты нипочем Флинту и Иден – только этих двух драконов я знаю достаточно хорошо, чтобы спрашивать, – но я другое дело, у меня потом все болит. Наверное, мои мышцы спины не были рассчитаны на то, чтобы выдерживать вес крыльев, не говоря уже обо всем весе моего тела на протяжении тех длительных полетов, которые мне пришлось совершить в последние недели.

Но это же не навсегда, не так ли? Ведь чем больше ты на-

гружаешь свои мышцы, тем они становятся крепче.

Я быстро принимаю душ, затем надеваю пижаму. Печенья, затем серия «Баффи – истребительницы вампиров» – что тут скажешь, после моих усилий по примирению Хадсона и Кровопускательницы этот сериал – самое то. Теперь можно лечь в кровать.

Мне *надо* заняться домашними заданиями. Черт, мне надо сделать хоть что-то, а не лежать на кровати, думая о том, что, возможно, мои родители погибли именно потому, что меня надо было доставить в Кэтмир, к Джексону. Значит ли это, что мы были всего лишь пешками на шахматной доске Кровопускательницы? Или в игры играл кто-то другой? Мне необходимо это понять, необходимо знать, кто мои враги, но сейчас я слишком устала.

К тому же если мне сейчас и надо с чем-то бороться, то с моим собственным сердцем, которое так неистово бьется с тех пор, как я узнала, что Джексон не должен был стать моей парой – что ею должен был стать Хадсон. Я старалась считать Хадсона только своим другом, потому что мне казалось, что по отношению к Джексону будет нечестно смотреть на него по-другому. Но теперь мне кажется, что нечестно по отношению к Хадсону считать Джексона чем-то большим, чем мой бывший бойфренд. Ну до тех пор, пока я не напоминаю себе, как сильно Хадсон не хочет быть сопряженным со мной. Я с усилием сглатываю.

Вот поэтому я предпочитаю взять себя в руки, большое

вам спасибо. Мое сердце бешено колотится в груди, к горлу подступает тошнота, и у меня уходит не менее пяти минут, чтобы заставить себя дышать спокойно и ровно.

В конце концов я добираюсь до кровати, но едва я накрываюсь одеялом и кладу на колени ноутбук, раздается стук в дверь. Мне хочется проигнорировать его, но, прежде чем я успеваю что-то решить, слышится голос Хадсона:

– Ну Грейс. Я же знаю, что ты там.

– В чем дело... – начинаю я, открыв дверь.

Я осекаюсь, увидев, что он держит в руках поднос из кафетерия с горячим сэндвичем с сыром, порезанными фруктами и банкой «Доктора Пеппера». – Где ты взял все это? – спрашиваю я, отступив, чтобы он мог войти.

Он смотрит на меня так, будто не верит своим ушам.

– Я это приготовил. Это же очевидно. – Он ставит поднос на мою кровать, затем садится в изножье... как будто ему там самое место.

Впрочем, когда он обитал в моей голове, именно изножье моей кровати и пяточок у окна были самыми излюбленными его местами, чтобы обращаться ко мне со страстными речами.

– Ты умеешь делать горячие сэндвичи с сыром? Ты? – спрашиваю я, садясь с другой стороны от подноса.

– Что? – Он явно оскорблен. – По-твоему, если я вампир, то не умею делать сэндвичи?

– Ну... по-моему, это не тот навык, который может тебе

пригодиться.

Несколько долгих секунд он ничего не говорит, только пристально смотрит на меня своими бездонными глазами. Но в конце концов отвечает:

– У меня, знаешь ли, есть пара, которая наполовину человек. К тому же, – добавляет он, пожав плечами, – есть такая штука, как Ю-Туб.

Между нами повисает неловкое молчание, и я правда не знаю, что мне на это сказать. Того, что надо сказать, набралось так много, что я понятия не имею, с чего начать, – и я слишком измучена, чтобы пытаться.

Поэтому я, подобно страусу, прячу голову в песок и сосредоточиваюсь на тех его словах, которые вызывают меньше вопросов.

– Ты посмотрел в Ю-Тубе, как делать горячий сэндвич с сыром?

Он поднимает бровь.

– А что, тебя это напрягает?

– Нет. Я просто... – Я замолкаю, не зная, что хочу сказать.

– Просто что?

– Просто хочу сказать тебе спасибо. – Это не совсем то, что я имею в виду – но пока что и это сойдет. – Я тебе благодарна.

– Не стоит благодарности. – Он наклоняется ко мне, и одну чумовую секунду мне кажется, что сейчас он поцелует меня. Во мне сразу же звонит сигнал тревоги, и я напрягаюсь

– хотя не знаю, от чего, от страха или от желания.

Я хочу что-то сказать, но затем у меня словно сдавливает горло, пресекается дыхание – когда плечо Хадсона касается моей руки.

О. Мой. Бог. Он в самом деле собирается...

Но тут он опять садится в изножье кровати... держа в руках мой ноутбук.

– Хочешь посмотреть что-нибудь?

Какая же я дура.

Он вовсе не пытался меня поцеловать. А просто хотел взять мой компьютер. Вот только... вот только взгляд, которым он смотрит на меня, говорит, что речь идет о чем-то большем. Как и быстрое, отчаянное биение моего сердца.

Глава 33. Нетфликс и напряжение

– Конечно. – Все равно теперь я вряд ли смогу заснуть. К тому же, возможно, Хадсон тоже не хочет быть сейчас один.

– Какие будут предложения? – спрашивает он, вскинув брови с таким видом, будто ожидал чего-то большего, чем односложный утвердительный ответ.

Я пожимаю плечами.

– Я собиралась посмотреть «Баффи».

– «Баффи»? – Он явно понятия не имеет, о чем идет речь.

– Истребительницу вампиров. – Я потрясена. Я знаю, это старый сериал, но ведь сам он намного, намного старше. Как Хадсон мог не слышать о нем?

– Какая прелесть, – говорит он, закатывая глаза. – Ты не против, если я наложу на этот вариант вето и выберу что-то другое?

Я великодушно соглашаюсь и показываю на экран.

– Валяй.

Он бегло просматривает стриминговые сервисы и останавливается на Disney Plus – чего я никак от него не ожидала.

– Дай угадаю, – поддразниваю его я. – «Корпорация монстров»?

Он искоса смотрит на меня.

– Вообще-то мне больше нравится «Красавица и чудовище».

Я пытаюсь придумать, что сказать – что-нибудь несерьезное, дерзкое, – но Хадсон опережает меня, нажав на кнопку «Воспроизведение». Однако вместо диснеевской сказки на экране появляются титры «Звездных войн».

– «Империя наносит ответный удар»? – с удивлением спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

– Этот фильм не зря считается классикой. – Он кивком показывает на поднос, к которому я еще не притронулась. – Поешь. Это тебе необходимо.

Словно в ответ на его слова, у меня опять урчит в животе. И я делаю, как он предлагает, и откусываю кусок горячего сэндвича с сыром. Затем спрашиваю:

– А что именно ты смотрел на Ю-Тубе? Кулинарное шоу Гордона Рэмзи?

– Мы, британцы, должны держаться вместе. – Он настороженно смотрит на меня. – А что? Сэндвич невкусный?

– Напротив, он великолепен. – Я откусываю еще один кусок и едва не стону от восторга. – Возможно, это самая вкусная вещь, которую я ела с тех пор, как... – Я осекаюсь, вдруг осознав, что собиралась сказать. – *С тех пор, как погибла моя мать.*

Видимо, Хадсон это понимает и потому оставляет эту тему. И, прислонившись к стене, кивком указывает на экран.

– Это одна из моих любимых частей.

– Из-за снега? – спрашиваю я, потому что очень, очень

давно не видела этот фильм.

Он холодно смотрит на меня.

– Да, потому что в моей жизни это такое редкое явление, что я испытываю потребность наслаждаться им, наблюдая его на экране.

– Надо же. – Я гримасничаю. – Кто помочился в твой стаканчик с кровью?

Какое-то время он пристально глядит на меня, затем говорит:

– Я понятия не имею, что это может значить. И я уверен, что не хочу этого знать.

– Это просто такое смешное выражение. Знаешь, когда кто-то злится на людей без причины, ему говорят: «Кто помочился в твои кукурузные хлопья?» Но ты не ешь кукурузных хлопьев, так что... – Я вздыхаю. – Я только порчу все, не так ли?

– Ну, может быть, чуть-чуть. – Он качает головой. – Люди такие странные.

– Извини, но то же самое можно сказать и о вампирах.

Он делает вид, будто оскорблен в лучших чувствах.

– Вампиры совершенно нормальны, чего и вам желаем.

– Ага, как же. Как будто мы только что не побывали у вампириши, которая сливала в ведра кровь людей. А теперь ты собираешься доставать *меня* из-за того, что я неудачно выразилась?

– Да, сливание крови – это жуть. – Он содрогается. – Сам

я предпочитаю пить из... – Он застывает, как будто он только что осознал, что он говорит и кому. И изображает очень, очень, *очень* большой интерес к тому, что происходит на экране.

Ну нет, я не позволю ему так легко отделаться, тем более что вампиров чертовски трудно заставить говорить о том, чем они питаются... во всяком случае, это всегда было трудно для меня.

– Значит, тебе нравится пить кровь... непосредственно?

Он смотрит на меня, как будто думает о том, что стоит, а чего не стоит мне говорить, затем пожимает плечами.

– Тебе же нравится есть горячую пищу, не так ли?

– А, ну да. Конечно. – До меня не доходит, что я глажу чувствительную кожу своего горла, пока я не замечаю, что Хадсон смотрит на мои пальцы взглядом, который не имеет никакого отношения к еде и в котором читается нечто такое, о чем мы оба не говорим. Совсем.

Этот взгляд заставляет меня заерзать, и на секунду у меня мелькает мысль: интересно, каково это – почувствовать его клыки на моей коже? Я смущаюсь, избегаю смотреть на него и стараюсь выкинуть эти мысли из головы.

Следующие несколько минут мы молча смотрим фильм, но теперь в воздухе разлито напряжение, наводящее меня на разные мысли – включая мысль о том, что мы с Хадсоном сопряжены.

Но также о том, что прежде я была сопряжена с Джексо-

НОМ.

От одной этой мысли я смущенно ежусь.

– В чем дело? – спрашивает Хадсон.

Поскольку я не готова сказать ему, что только что долго представляла себе его клыки на моем горле, я говорю о второй вещи, которую никак не могу выбросить из головы, как бы ни старалась.

– Я не могу поверить, что мои родители заключили сделку с Кровопускательницей. Что они могли ей сказать? «Конечно, о чем речь, сопрягите мою нерожденную дочь с вампиром. Если я получу то, чего хочу, то я «за». Что в этом такого». – Я пожимаю плечами. – Это должно было их остановить. И они даже не потрудились рассказать мне обо всем. Они просто...

Я замолкаю, потому что закончить эту фразу можно, только сказав, что они погибли до того, как сообщили мне... то есть если они вообще собирались это делать.

– Ты злишься? – тихо спрашивает Хадсон.

– Не знаю. Я... – Я вздыхаю, затем зарываюсь пальцами в свои все еще влажные кудри. – Я просто устала. Очень устала. Какой смысл злиться на них? Они мертвы, и мои нынешние чувства не могут изменить этот факт, так что... – Я делаю долгий выдох. – Я просто очень хочу знать, о чем они думали. Почему они считали, что можно вот так лишиться меня права выбора?

– В этом-то и дело, не так ли? Они не лишали тебя пра-

ва выбора. – Он берет ноутбук и ставит фильм на паузу, после чего опять поворачивается ко мне. – Во всяком случае, я уверен, что они смотрели на это иначе.

– Они выбрали мне пару...

– Да, но это бы не сработало, если бы ты не была готова это воспринять. Они бы могли использовать всю магию, которая есть в мире, но если бы ты не захотела Джексона, из этого бы ничего не вышло. Ты выбрала его, поэтому он и стал твоей парой. Они были частью нашего мира. Они знали, как это работает. В худшем случае – или в лучшем случае, это зависит от точки зрения – ты должна была познакомиться с Джексонсом, влюбиться в него, выбрать его и только затем узнать, что он твоя пара. Если бы ты не выбрала его, ни ты, ни он ничего бы не узнали. Вероятно, они считали, что это беспроеигрышная ситуация, что в ней выигрывают все.

Я обдумываю его слова, пока не прихожу к выводу, что он может быть прав. А если он неправ, то я притворюсь перед самим собой, что он прав, потому что мне нельзя злиться на моих родителей, ведь сейчас на меня столько всего навалилось, столько событий, столько чувств. Но, проигрывая его слова в своей голове, я невольно осознаю еще одну вещь.

– Это случилось и с нами? – непроизвольно вырывается у меня. – Ты выбрал меня?

Едва я произношу эти слова, как мне становится так неловко, что я хочу заползти под кровать. Я смотрю на замерший экран, затаив дыхание и ожидая его реакции.

Что еще хуже, Хадсон отвечает не сразу. Но он не смотрит на ноутбук. Он смотрит на меня – и я чувствую на себе его тяжелый взгляд, хотя не смею даже взглянуть на него.

Молчание становится все более и более неловким, но он по-прежнему не отвечает. И продолжает за мной наблюдать. Это ужасно, я больше не могу это терпеть и, повернувшись, готовлюсь сказать ему, чтобы он забыл мои слова.

Но когда наши взгляды встречаются, он чуть заметно улыбается и говорит:

– Как я могу не хотеть быть сопряженным с моим лучшим другом? Я знал, что ты невероятна, с самого первого дня нашего знакомства.

Боже. Облегчение, охватившее меня, столь огромно, что еще немного – и у меня начнет кружиться голова. Что в каком-то смысле нелепо, совершенно нелепо. Но мне все равно, потому что я не чувствую себя униженной. А также потому что...

Хадсон выбрал меня на том поле. Он выбрал меня на той поляне. И это важно.

Возможно, он не любит меня, возможно, он никогда не полюбит меня – возможно, я никогда не полюблю его. Но я бы погрешила против истины, если бы стала отрицать, что между нами есть *нечто*. Я чувствовала это много раз – начиная с того странного момента, когда он все еще был заперт в моей голове и мне вдруг показалось, что я ощущаю его клыки на моей шее, и кончая той минутой, когда он по-

тянулся за моим компьютером. Он подарил мне цветы. Он помог мне научиться пользоваться моей магической силой. Он защищал меня перед Кровопускательницей.

Он никогда не терял веры в меня.

Не говоря уже об очевидном – он очень хорош собой.

Да, тут определенно есть нечто. И этот парень, этот великолепный парень никогда не был любим, и никто никогда его не выбирал.

Разве мой долг перед ним – перед нами обоими – не состоит в том, чтобы хотя бы попытаться сделать так, чтобы между нами все наладилось? Может быть, так оно и будет, а может, нет. Но он важен для меня. Он очень важен для меня, и, возможно, мне нужно понять, что к чему, до того, как я начну заниматься чем-то еще.

Возможно, Джексон был прав, и мне просто нужно верить, что магия знает, что делает.

Я прочищаю горло, сглатываю, убираю за ухо упавшую прядь и терблЮ одеяло. Мне нельзя становиться уязвимой и попадать в такие ситуации, в которых меня могло бы разорвать на куски.

Поэтому вместо того, чтобы просто высказать то, что не выходит у меня из головы, я начинаю немного медленнее, немного осторожнее.

– А что, если... – Я делаю выдох и с трудом выдавливаю слова из своего сдавленного горла: – Что, если мы не станем заниматься поисками этой самой Короны?

Брови Хадсона идут вверх.

– Тебе не хочется получить Корону?

– Я хочу освободить Неубиваемого Зверя. Я обещала ему, что мы сделаем это, и мы должны выполнить это обещание. Но... возможно, после того как это будет сделано, Корона будет нам уже не нужна?

Секунду мне кажется, что Хадсон перестал дышать. Его зрачки так расширились, что его глаза кажутся почти черными, от радужек остались только тоненькие голубые ободки. Но затем он прочищает горло и спрашивает:

– Ты хочешь именно этого?

– Думаю, да. – Я сглатываю. – А ты сам?

Он чуть заметно улыбается, и я впервые замечая крошечную ямочку на его левой щеке. Благодаря ей он кажется более уязвимым, менее закрытым, и я погрешила бы против истины, скажи я, что у меня не затрепетало сердце при мысли, что я вижу то, чего не может увидеть никто другой.

И это еще до того, как он говорит:

– О да.

Затем подается вперед, и теперь уже определенно не за ноутбуком. Он смотрит мне в глаза, его губы чуть приоткрыты, и он медленно, медленно, медленно...

Мое сердце так стучит в груди, что я уверена – он может слышать его. Когда Джексон поцеловал меня в первый раз, я так этого желала. Но теперь, когда я представляю себе, как губы Хадсона прикоснутся к моим, мне кажется, что это,

быть может, будет почти что слишком.

– Э-э-э, я могу задать вопрос?

Хадсон замирает всего в нескольких дюймах от моих губ, ласково глядя в мои глаза.

– Все что угодно.

Я сглатываю. В его ответе звучит такое доверие, что мне хочется податься вперед и поцеловать его самой. Но какая-то часть меня знает – с ним это будет чем-то куда большим, чем поцелуй. Куда большим, чем физический контакт. И, вероятно, большим, чем то, к чему готовы он и я. Поэтому я делаю глубокий вдох – и ударяю по тормозам.

– Не можем ли мы... не можем ли мы действовать не спеша?

Он моргает.

– Не спеша?

– Да, я... – Я делаю выдох. – Я не понимаю, что я такое. – Более того, я не понимаю, что это такое, а знаю только, что это очень, очень страшно.

Он улыбается и гладит пальцем мою щеку. Затем шепчет:

– Конечно, Грейс.

Но, когда он начинает отодвигаться, я осознаю, что моя просьба была ошибкой. Потому что хуже, чем поцелуй, к которому я не готова, может быть только одно – его отсутствие. И я просто тянусь к нему, сжимаю в кулаках его рубашку и притягиваю его к себе снова.

Хадсон рычит, мягкость в его глазах уступает место хищ-

ному блеску, одна его рука погружается в мои кудри, другая обвивает мою спину и прижимает меня к его твердой груди. Мои руки зарываются в его шелковистые волосы, и мне кажется, что я умру, если он не...

Внезапно раздается стук в дверь – громкий, настойчивый, – и мы отрываемся друг от друга так быстро, что Хадсону приходится опять схватить меня, чтобы не дать мне упасть с кровати на пол.

Глава 34. А ты думала, что у тебя психологические проблемы из-за отношений с отцом

Хадсон вопросительно смотрит на меня, но я толькожимаю плечами, и он встает, чтобы открыть дверь. Но не успевает он сделать один шаг, как дверь распахивается, и я понимаю, что по ту сторону стоит Джексон... вместе со всем Орденом.

И вид у них отнюдь не радостный.

– Джексон, что случилось? – спрашиваю я, соскочив с кровати.

Но прежде, чем я успеваю приблизиться к нему, он поворачивается к своему брату.

– У нас проблема, – говорит он ему.

Хадсон смотрит на него настороженно, и я его не виню. Теплота, которую я обычно вижу в его глазах, исчезла, на ее место пришла холодность, к которой я не привыкла. И которая заставляет меня искать глазами свитер.

Это совсем не приятное чувство – особенно когда я даю им разрешение войти и моя маленькая спальня оказывается занята семьей вампирами. И не абы какими. Семью очень крупными, очень недовольными вампирами, которые все до единого выглядят так, будто они готовы чуть что пустить

кровь.

– Что стряслось? – спрашивает Хадсон, хотя вид у него таковой, будто он готовится к удару – то ли к удару от весты, которую принес Джексон, то ли к столкновению с его кулаком.

– Мы только что вернулись, побывав при Дворе вампиров.

– И что? – Хадсон говорит это, растягивая слоги.

Все взоры обращаются к Джексону, но он больше ничего не говорит. А просто подходит к окну и смотрит в ночь.

Я недоуменно гляжу на Мекая, который, похоже, хочет что-то сказать Джексону, но в последнюю минуту меняет свое решение. Вместо этого он переводит взгляд на Хадсона и говорит:

– Сайрус созвал тайное собрание Круга и издал приказ о твоём немедленном аресте, предположительно за преступления, совершенные в отношении тех учеников, которых ты убедил убить друг друга. И, хотя он не может арестовать тебя в Кэтмире, стоит тебе покинуть кампус, как ты станешь законной добычей для Стражи.

– Стражи? – повторяю я, и меня охватывает ужас. Мы провели за пределами кампуса целый день. Если бы нас нашли, Хадсона бы арестовали? Вернее, попытались бы – поскольку я не могу себе представить, чтобы он подчинился. – Кто они, эта Стража?

– Никто, – отвечает Хадсон, небрежно махнув рукой.

– Нет, они не никто. – Голос Джексона холоднее, чем пещера Кровопускательницы. – Это что-то вроде сверхъесте-

ственной полиции, руководимой Кругом, которая появилась после исчезновения горгулий, чтобы вершить правосудие, они ловят тех, кто заподозрен в преступлениях, и сажают их в тюрьму.

Это звучит совершенно ужасно. Но...

– Погоди. Почему прямо в тюрьму? Разве не должно быть суда или чего-то в этом духе? – спрашиваю я.

Семеро вампиров многозначительно переглядываются, явно оставив меня за бортом. Я собираюсь кинуть ему предьяву, но тут Хадсон отвечает:

– Этериум – это не обычная тюрьма.

Ну конечно. Когда в этом мире было что-то нормальным? Ведь это так прозаично. Я поворачиваюсь к Джексону и сразу перехожу к сути дела.

– А что особенного в этой тюрьме?

Но очевидно, что ему так же, как и Хадсону, не хочется мне отвечать, несмотря на холодность, которую он продолжает излучать.

– Мекай? – Я сверлю его взглядом, ясно означающим, что ему лучше начать говорить.

И хотя еще несколько месяцев назад он, быть может, посмеялся бы над таким взглядом, сейчас он спешит включиться.

– Эта тюрьма проклята, Грейс. Там есть девять уровней... ада... их задача – доказать невиновность или добиться исправления. Говорят, что эта тюрьма знает твои грехи и отпу-

стит тебя на волю, когда ты полностью *раскаешься*.

– А как эта тюрьма признает узника... раскаявшимся? – Я с трудом выдавливаю эти слова из своего сжавшегося горла.

– Она пытается тебя. Всеми мыслимыми способами в соответствии с твоими грехами. Око за око, и все такое. Большинство узников сходят с ума, если остаются там слишком долго. Считается, что такая участь хуже смерти. Туда отправляют только самых отпетых преступников.

Пытки. Сумасшествие. Фантастика. Я делаю долгий выдох, когда на меня обрушивается ужасная правда.

– И такую участь уготовил Хадсону его собственный отец? – Удивительное в этом вопросе только одно – мое удивление по поводу того, что мне вообще пришлось его задать. – Но если этот ордер на арест был выдан Кругом, то почему в голосовании не участвовала я? Как это могло сойти Сайрусу с рук?

– Это потому, что он король вампиров, – говорит Лука. – Он неприкосновенен.

– Ну а я королева горгулий, на тот случай, если кто-то об этом забыл! – говорю я, после чего в комнате повисает гробовая тишина.

Они все смотрят на меня с разными оттенками удивления или уважения, но мне наплевать, что они думают обо мне. Ведь на кону стоит жизнь Хадсона – и его душевное здоровье.

Я качаю головой и перевожу взгляд на Хадсона, пытаюсь

понять, что он думает, что чувствует, но его лицо бесстрастно.

– Наверняка как король и королева Двора горгулий мы имеем право голоса, разве нет?

– Ты еще не королева, – тихо-тихо говорит Джексон.

Я изумленно уставляюсь на него.

– Что...

– Строго говоря, до коронации ты не королева. А значит, Хадсон как твоя пара тоже еще не король горгулий. Так что он законная добыча. – На его челюсти ходят желваки. – Вы оба законная добыча.

– Я? Я же ничего не делала Сайрусу. – Ну если не считать того, что я утерла ему нос.

– Вот поэтому-то ордер на арест и выдан не на тебя, – говорит Мекай. – Но Сайрус не наивен, и ему известно, что обычно тем, кто сопряжен, бывает слишком тяжело находиться в разлуке. А раз так, то... он рассчитывает, что ты решишь остаться с Хадсоном и вместе с ним отправиться в тюрьму за преступления, которые он совершил.

Я опять перевожу взгляд на Хадсона, и не надо быть телепатом, чтобы понять, о чем он думает – он ни за что не допустит, чтобы за его преступления расплачивалась я.

– Стало быть, если нас посадят в тюрьму до коронации, то королевы и короля горгулий не будет, – заключаю я. – И расстановка сил в Круге останется неизменной.

– Вот именно, – соглашается Хадсон.

Меня пронзает страх – отчасти потому, что мне не хочется, чтобы Хадсон или я оказались в тюрьме или погибли, а отчасти потому, что я все яснее понимаю, что мы не властны ни над чем. Никто из нас не контролирует вообще ничего. Вся власть находится в руках Сайруса.

– Значит, мы должны что-то придумать, – говорит Меклай. – Ты будешь оставаться в безопасности еще несколько недель, до окончания школы, но после этого сезон охоты на тебя будет открыт. Должен же быть какой-то способ остановить это до того.

– Как же не быть, – откликается Хадсон, насмешливо скривив губы. – Я сделаю то, что мне следовало сделать еще на том поле, и прикончу Сайруса.

– И проведешь остаток своих дней в тюрьме за убийство? – спрашиваю я, уперев руки в бока. – Ты не можешь этого сделать.

Он не отвечает, и тут мой страх перерастает в невыразимый ужас. Потому что его взгляд говорит мне все. Так или иначе Хадсон положит конец угрозам своего отца... угрозам мне... или погибнет, пытаясь это сделать.

От одной мысли о том, что я могу его потерять, у меня начинают дрожать руки, а сердце бьется слишком быстро. Должен быть другой путь. Должен быть. Не можем же мы просто...

И тут меня осеняет.

– А как насчет Короны? – шепчу я.

Глава 35. Великанофобия

– Короны? – На лице Мекая отражается недоумение. – Ты не получишь ее, пока не состоится коронация, которая произойдет после окончания школы.

– Я говорю не о той короне, которую я получу, став королевой горгулий. А о той, о которой нам сегодня рассказала Кровопускательница. Она пропала, но ее можно... – Я замолкаю, когда Рафаэль начинает смеяться.

– Ты думаешь, что ты сможешь найти ту самую Корону? – спрашивает он, когда наконец заканчивает смеяться. – Самые могущественные существа, жившие и живущие на земле, искали ее веками, а ты решила, что можешь просто взять и заставить ее появиться? – Он опять смеется, качая головой. – Может, когда-то это и было правдой, но в наше время это просто старая вампирская сказка.

– Это не сказка, – решительно говорит Хадсон. – Корона существует.

– Потому что так тебе сказала Кровопускательница? – бросает ему вызов Рафаэль.

– Потому что последние два века я слушал, как Сайрус говорит о ней. Он одержим ею. Мой отец совмещает в себе многое, но он человек не легковёрный. Если бы она не существовала – если бы он не увидел ее собственными глазами, – он бы не стремился отыскать ее.

– И ты думаешь, что можешь ее найти, – вступает в разговор Лайам. – Как ты сказал, король вампиров искал ее несколько веков, а ты мнишь, будто ты сможешь просто взять и добраться до нее?

– Этого я не говорила. – Мне немного обидно от того, что они смеются надо мной. – Я знаю, что это будет нелегко, но все это нелегко, а Кровопускательница сказала нам, в каком направлении вести поиск...

– Она сказала вам, где находится Корона? – спрашивает Джексон, и теперь голос его не просто холоден, он холоднее льда, а лицо абсолютно бесстрастно. – Интересно, зачем ей было это делать?

Я невольно бросаю взгляд на Хадсона, и он чуть заметно качает головой. Я понимаю, что он имеет в виду – мне тоже не хочется перетряхивать наше грязное белье на глазах у всего Ордена, – но, когда я снова поворачиваюсь к Джексону, мне становится ясно, что он заметил, как мы переглянулись. И это отнюдь не радует его.

Должно быть, ему тоже не хочется подчеркивать наши разногласия при всех, потому что он ничего нам не говорит. Вместо этого он забивает на свой первый вопрос и переходит ко второму.

– И что же она вам сказала? Где находится Корона?

– Этого она не знает, – отвечаю я через секунду. – Но она сообщила нам, кто, по ее мнению, знает. Неубиваемый Зверь.

– Неубиваемый Зверь? – с недоверием переспрашивает Мекай. Затем секунду обдумывает это, после чего качает головой. – А тебе не кажется, что это звучит немного сомнительно? Она же сама отправила вас туда несколько недель назад, чтобы вы убили его. Почему она не упомянула о Короне до того, как вы отправились туда?

– Тогда ей не было нужды об этом упоминать... – начинаю объяснять я.

– А теперь такая нужда у нее появилась? – В его голосе слышится скептицизм, и я его не виню. В том смысле, что да, когда мы разговаривали с ней в тот раз, никто из нас понятия не имел, что в конце концов я окажусь сопряжена с Хадсоном и захочу разорвать эти узы. И все же в чем-то он прав. Я это понимаю – особенно когда думаю о том, что и Хадсон отнесся к ее словам с недоверием.

Трудно доверять той, которая выдает информацию по принципу когда-я-захочу-вам-сказать.

– Почему Кровопускательница вообще что-то делает? – огрызается на него Хадсон и на сей раз уже показывает свои клыки. – Вряд ли кто-то станет спорить, что Кровопускательница ведет собственную игру, знаем ли мы, что это за игра или нет. К тому же в тот раз Корона никак не могла нам помочь, и ее нельзя было использовать для тех чар, которые сотворила Грейс, чтобы освободить меня из своей головы. И думаю, мы все согласимся с тем, что у нас никогда не было ни единого шанса действительно убить этого зверя, так что,

скорее всего, она считала, что ничем не рискует. — Он пожимает плечами.

— Но ты считаешь, что сейчас эта Корона может нам чем-то помочь? В самом деле? — В тоне Луки звучит такой же скептицизм, как и в тоне Мекая.

— Не знаю. — Я признаю свое поражение и всплескиваю руками. — Это была плохая идея. Я запаниковала, подумав о том, что Хадсона могут арестовать, и...

— Не делай этого, — рычит Хадсон и впервые после появления в моей комнате Джексона и Ордена выходит вперед и заслоняет меня собой. — Тебе не нужно оправдываться перед ними, — продолжает он, испепеляя взглядом вампиров, находящихся здесь.

Я придвигаюсь к нему на тот случай, если мне надо будет встать между двумя агрессивными вампирами, но в это время Джексон тоже делает шаг вперед. А Лайам тут же отступает назад.

— Почему Неубиваемый Зверь? — спрашивает он, снова глядя то на Хадсона, то на меня. — Почему она считает, что ему известно, где находится Корона? И, если даже когда-то это и впрямь было так, знает ли она, в каком состоянии он находится сейчас? Я знаю, Грейс, что ты можешь слышать его голос в своей голове, но неужели ты в самом деле думаешь, что он способен провести с тобой полноценный разговор, не говоря уже о том, чтобы сообщить тебе, где спрятана Корона?

Это дельный вопрос, я и сама немало об этом думала с тех пор, как Кровопускательница сказала нам, что сначала мы должны найти Кузнеца.

— Когда мы разобьем его цепи, ему станет лучше, — говорю я Джексону. — Она сказала, что это они сделали его таким. Он не должен был носить их так долго.

— Мы уже пытались разбить цепи, — напоминает мне Джексон. — И у нас ничего не вышло.

— Поэтому мы и должны найти Кузнеца. Это он выковал цепи.

— А где он сейчас? — спрашивает Джексон, подняв брови.

— Его поиски надо начать с великанов, — отвечает Хадсон.

— С великанов? — изумленно спрашиваю я. За последние несколько недель я выяснила, что Хадсон никогда ничего не делает и не говорит без причины, но я понятия не имею, по какой причине он мог заговорить о великанах.

Кровопускательница ни разу не упоминала великанов — как до сих пор и он сам, — так что мне неизвестно, откуда он это взял. Хотя должна признать, что мысль о том, чтобы побывать там, где они живут, одновременно бодрит меня и внушает мне некоторый страх. Кстати, идет ли речь о гигантских бобовых стеблях? И если да, то как великаны прячутся от пролетающих мимо них самолетов и спутников НАСА?

— Они славятся своим кузнечным мастерством, — спокойно объясняет Лука. — И это довольно неплохая идея — начать поиски с них. — В его голосе звучит удивление.

Я ожидаю, что Хадсон будет раздражен, но он только закатывает глаза и язвит:

– Предложение что надо.

– А есть какое-то конкретное место, где можно найти этих великанов, искусных в кузнечном мастерстве? – спрашиваю я, глядя то на одного вампира, то на другого. Но, похоже, никто не собирается отвечать на мой вопрос, и я фыркаю:

– Или мне надо просто поискать гигантский бобовый стебель?

Лука прыскает, но Хадсон явно не понимает, о чем речь.

– Я не знаю, выращивают ли великаны там бобы, но...

– Я говорю не об обычных бобах. – Я гримасничаю. – А о «Джеке и бобовом стебле». Ну ты понимаешь. Волшебные бобы.

Он все так же ничего не понимает – по нему это видно.

– Бобы вырастают, и получается гигантский бобовый стебель, который дорастает до неба, помнишь? И этот парнишка взбирается по нему и обнаруживает наверху великана, да? – Он продолжает качать головой, явно не имея ни малейшего понятия, о чем я говорю, и я бы погрешила против истины, если бы сказала, что я не ошарашена. Он прочитал книгу, но каким-то образом пропустил самые простые детские сказки. Как такое возможно?

– Не важно, – говорю я ему, тряхнув головой.

Кажется, он хочет что-то сказать, но Джексон опережает его.

– Правильно ли я понял? – Он смотрит то на Хадсона, то на меня. – Ты хочешь, чтобы мы начали гоняться за неким *великаном*, возможно, мифическим, возможно, нет, в *городе* великанов в надежде найти способ разбить цепи Неубиваемого Зверя, в надежде, что он *может* знать, как найти эту всемогущую Корону?

Когда он формулирует это таким образом, это кажется немного абсурдным.

– Я не знаю, хочу ли я этого, – говорю я ему через секунду. – Зато знаю, что мне совсем не хочется оказаться в состоянии тотальной войны с твоим отцом...

– Для этого уже слишком поздно, – фыркнув, перебивает меня Хадсон.

– Тогда как насчет того, что я не хочу смотреть, как тебя отправят в тюрьму, потому что твой отец говнюк? И я совершенно точно не хочу оказаться там сама. – Я скидываю руки и оглядываю комнату. – Если у кого-то есть идея получше, то, пожалуйста, пусть он даст мне знать. Потому что у меня чертова уйма работы, которую мне надо переделать, чтобы закончить школу, и мне совсем не хочется тратить время, гоняясь за великанами, если это бессмысленно.

Я ожидаю, что Джексон, или Хадсон, или Мекай, или Лука скажут мне, что у них есть *куча* идей получше. Но очень скоро до меня доходит, что, несмотря на все их протесты и насмешки, ни у одного из них нет альтернативы. По крайней мере, такой, которая могла бы предотвратить арест Хадсона

и, возможно, мой арест... а может, и что-то похуже.

– Ну хорошо, – говорю я, когда молчание затягивается. – С чего мы начнем?

По моему мнению, чем скорее мы найдем Кузнеца, тем скорее я смогу заставить Сайруса отстать от его сыновей – и от меня – навсегда.

Но мне опять никто не отвечает.

– Неужели вы даже не попытаетесь помочь мне разработать план? – К черту остальных, думаю я, и смотрю то на Хадсона, то на Джексона. Уж они-то помогут мне наверняка.

– Дело не в том, что мы не хотим помочь, – успокаивающим тоном говорит Мекай. – Просто для того, чтобы пойти против Сайруса, нам нужен план получше, чем возможная помощь великана. Что, если мы явимся в Город Великанов и никто нам не поможет, но найдутся желающие донести Сайрусу, что мы делаем?

– Но надо же хотя бы попытаться, не так ли? – Когда никто не соглашается со мной, я не скрываю своего раздражения. – Ну а я попытаюсь. Вы можете делать что хотите... но вам придется заниматься этим в каком-нибудь другом месте, а не в моей комнате.

– Потому что мы с тобой не согласны? – спрашивает Мекай.

– Потому что я устала. Сегодня я летала к Кровопускальнице и обратно, и мне хочется одного – поспать. – Я подхожу к двери и открываю ее. – Спасибо за предупреждение.

Я обеими руками за то, чтобы найти способ не дать Сайрусу навсегда погубить жизнь Хадсона и мою. Но... – Я делаю долгий выдох. – Завтра. Сегодня вечером я хочу просто съесть мой остывший сэндвич с сыром, выпить газировку и лечь спать.

Секунду никто не двигается. Но затем Джексон кивком показывает на дверь, и члены Ордена выходят по одному.

Джексон тоже идет к двери, но в последнюю секунду поворачивается и устремляет на меня предостерегающий взгляд.

– Если ты будешь возлагать все свои надежды на нахождение Короны, это плохо кончится для нас всех. Нам нужен план получше.

– Я согласна, – отвечаю я. – И как только вы что-то придумаете, вы знаете, где меня искать. А до тех пор спокойной ночи. – Я смотрю на Хадсона и тоже показываю кивком на дверь. – Спокойной ночи вам обоим.

Хадсон ничего не говорит, но очевидно, что он так же недоволен, как и Джексон, когда я закрываю за ними дверь. Потому что... я чувствую, что сейчас у меня начнется полноценная паническая атака, и мне совсем не хочется, чтобы Хадсон видел ее.

Потому что я знаю точно, что Хадсон совершит какое-нибудь безрассудство – и, скорее всего, либо погибнет, либо окажется в тюрьме, в которой будет мучиться всю бессмертную жизнь, – лишь бы защитить меня.

Я надеюсь, что я выиграла достаточно времени, чтобы он

оставался в безопасности до рассвета.

Глава 36. Как монстр на огонь

– Ну так что тебе в самом деле известно о Короне? – спрашиваю я Хадсона на следующий день после полудня, когда мы оба сидим в библиотеке, заканчивая работу над нашим дополнительным заданием по этике.

Оторвав взгляд от «Пира» Платона на древнегреческом, он настороженно смотрит на меня. Павлин.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну мне показалось, что ты ничего не знаешь о Короне, когда Кровопускательница заговорила о ней вчера. Но когда мы обсуждали ее с Орденом вечером, ты вел себя так, будто знаешь о ней все.

– Я знаю о ней не больше других, – отвечает он и снова начинает читать.

– Я тебе не верю. Ты сказал, что твой отец одержим этой штукой.

Отвечая на этот раз, он даже не отрывает глаз от книги.

– Так оно и есть. Он ею одержим. Но, если ты еще не заметила, нельзя сказать, чтобы мы с Сайрусом были близки.

Я жду, чтобы он сказал еще что-нибудь, но он, понимаетесь, молчит. Что тут скажешь, ведь это же Хадсон, а он всегда бывает немногословен, когда раздражен – хотя я ума не приложу, почему он раздражен теперь.

– Мы что, растянем это на весь день? – спрашиваю я, и у

меня вырывается досадливый вздох.

Он вскидывает одну бровь.

– Что именно?

– Вот это. – Я машу рукой, показав на него, потом на себя. – Когда ты такой, как сейчас, пытаться поговорить с тобой – это то же самое, что дергать клещами клыки.

– Вообще-то, если у вампира удалить клыки, это его убьет, так что, полагаю, это все-таки не то же самое, ведь удаление клыков потребовало бы насилия. – Он картинно переворачивает страницу.

Я не уверена, что удержусь от насилия, если следующую страницу он перевернет так же. Однако я отвечаю ему:

– Я никогда не слышала про ваши клыки.

– Надо же.

Мои брови ползут вверх.

– Я думала, вампира можно убить, если загнать кол ему в сердце, а не...

– А кого бы это не убило? – Он закатывает глаза. – И вполне понятно, что прежде ты никогда не слышала про наши клыки. Думаешь, мы готовы болтать об этом направо и налево, чтобы люди смогли нас истребить?

– Да, но... – Я замолкаю, поняв, что мне нечего на это сказать. К тому же Хадсон все равно уже вернулся к своей книге. Впрочем, это меня не удивляет.

Я перевожу взгляд на свою книгу – «О душе» Аристотеля (разумеется, не на древнегреческом) – и пытаюсь сосредото-

читься на моей части нашего проекта. Чем раньше я прочитаю эту книгу, тем скорее смогу дать ответ на вопрос о том, что о предмете нашего исследования по этике говорил Аристотель. И убраться подальше от Хадсона с его паршивым настроением.

Вот только я никак не могу сосредоточиться, когда он сидит рядом, молча накручивая себя. Возможно, он и понимает, что читает, когда бывает раздражен, но я с таким же успехом могла бы читать по-древнегречески. А значит, если мы не найдем способ выяснить отношения и разрядить атмосферу, то наша работа так и не будет завершена.

Только поэтому я и спрашиваю:

– Эй, что не так? – Во всяком случае, я говорю себе, что только поэтому.

Пока он не отвечает:

– Ничего.

– Это чушь, и ты это знаешь, – говорю я. – Ты игнорируешь меня, и я не понимаю, почему.

– Мы сидим за столом в библиотеке, работая *вместе* над заданием, и я отвечаю на все, что ты мне говоришь, – заявляет он с таким выраженным британским акцентом, что я злюсь еще больше. – При чем тут игнорирование?

– Не знаю, но так оно и есть. И мне это не нравится.

И да, я отлично понимаю, каким нелепым это может показаться, но мне все равно. Я знаю, когда меня игнорируют, даже если при этом не молчат, и Хадсон ведет себя именно

так. Это несправедливо, ведь вчера вечером я всего-навсего не захотела выбивать его из колеи, когда сама совершенно расклеилась.

– Да, трудно быть горгульей. – Он опять многозначительно переворачивает страницу, и я выхожу из себя.

И, не дав себе возможности передумать, я подаюсь вперед и спихиваю его книгу со стола на пол.

Я ожидаю, что он разозлится, спросит, какого черта. Но вместо этого он просто смотрит на меня, потом на свою книгу и опять на меня. И говорит:

– Тебе не нравится Платон?

Я стискиваю зубы.

– Нет, сейчас нет.

– Похоже, у вас с Джексоном больше общего, чем я думал, – отвечает он и наклоняется, чтобы подобрать свою книгу. И снова начинает ее читать.

– Знаешь что? Я не буду делать это вместе с тобой, – буркаю я и начинаю запихивать свои вещи в рюкзак, даже не глядя на них. Слышится звук рвущейся бумаги, но я так зла, что мне плевать.

– Вот сюрприз так сюрприз, – отвечает он и переворачивает страницу так резко, что, кажется, тоже что-то рвет. Но я тут не останусь, чтобы выяснить, что. Я вернусь в свою комнату и закончу свою часть работы над нашим заданием, а он останется тут один.

– И ты еще обвиняешь *меня* в том, что я ухожу от кон-

фликтов? – говорю я и, повернувшись, выхожу вон.

Я киплю от злости, поднимаясь по лестнице, а потом идя по коридору. Мне надо работать – у меня огромный список дел, – и у меня нет времени на пошлые штучки Хадсона. Конечно, ехидство – это его состояние по жизни, но не так же. И не по отношению ко мне.

Вот бы понять, чем именно это вызвано. Возможно, тогда я пойму, как это исправить. Но чем дольше мы сидели в библиотеке, тем больше он злился, а я понятия не имею почему. И почему он рассказал мне про клыки, несмотря на то, что явно зол на меня.

Я все еще пытаюсь все это просечь, когда делаю последний поворот... и вижу, что он стоит, прислонясь к стене возле моей двери. Тьфу. Ох уж эти вампиры.

– Прости, что я вел себя как осел, – говорит он со своим безупречным британским акцентом.

– Ты хочешь сказать, как последний debil? – Я открываю дверь.

Он неопределенно качает головой.

– По-моему, это резковато, но да. Если тебе от этого будет лучше. Я вел себя как дурак.

– Как последний debil, – повторяю я, переступая порог моей комнаты. И не могу не ухмыльнуться, когда он пытается последовать за мной, но застревает на другой стороне дверного проема.

– Ты это серьезно? – спрашивает он.

– Я тебя не приглашаю. И не стану перед тобой извиняться. – Я пытаюсь закрыть дверь, но он резко выбрасывает вперед руку и не дает ей закрыться.

Что довольно-таки удивительно – я всегда считала, что никакая часть вампира не может попасть в комнату, в которую он не приглашен, но, похоже, это не так.

Тот факт, что он утер мне нос, злит меня еще больше, и я толкаю дверь, хотя и знаю, что мне не сдвинуть ее с места.

Однако он немного отступает, издав странный звук, похожий на шипение.

– Перестань, – хрипит он.

– В чем де... – Я осекаюсь, потому что, взглянув на его руку, вижу, что на ней краснеют глубокие рубцы.

На секунду меня парализует паника, затем до меня доходит, что к чему.

– Входи, – говорю я, и мой голос звучит намного выше, чем обычно. – Входи, входи, входи.

Должно, быть жжение сразу же прекратилось, потому что он вздыхает с облегчением, отпускает дверь и переступает порог.

– Какая муха тебя укусила? – спрашиваю я, схватив его за предплечье, чтобы лучше разглядеть его кисть и запястье, которые выглядят так, будто он только что сунул их в огонь. – Зачем ты это сделал?

– Я хотел извиниться.

– Ожогом? – потрясенно выговариваю я, таща его к своей

кровати. – Дай мне хотя бы перевязать тебя.

– Это пустяки, – говорит он. – Не беспокойся.

– Это точно не пустяки, – возражаю я, потому что, хотя ожоги уже немного зажили – подкожные ткани больше не видны, – они все еще выглядят так, что понятно: это по меньшей мере вторая степень. – Это не займет много времени. У меня в рюкзаке есть аптечка.

Он улыбается мягкой улыбкой.

– Я знаю.

– Откуда ты можешь это знать? – спрашиваю я, но тут меня осеняет. – Ты узнал это, когда мы были заперты вместе?

– «Заперты» – это такое неприятное, жесткое слово, – отвечает он, и его чуть заметная улыбка превращается в лукавую ухмылку. И у меня трепещет сердце.

– Что ж, сейчас я чувствую себя довольно жесткой, – бормочу я, хотя это и не совсем так. Ну, может, чуть-чуть. – Поверить не могу, что ты сотворил такое с собой.

Он больше ничего не говорит, я тоже молчу, нанося крем с антибиотиком – не знаю, действует ли он на вампиров, но хуже точно не будет – на то, что осталось от его ожогов. А затем, поскольку мне невыносима мысль о том, что Хадсону больно из-за меня, закрываю глаза и сосредоточиваюсь на отправке целительной энергии в его ожоги. При этом я внимательно слежу за своим дыханием, чтобы он не догадался, что врачевание забирает у меня энергию.

Я занимаюсь последним ожогом, когда он прочищает гор-

ло и говорит:

– Мне не понравилось, когда ты выгнала меня из своей комнаты вчера вечером. Я думал, мы решили попытаться выстроить наши отношения и даже почти... – Он на секунду отводит глаза, и я смущенно краснею. – А потом ты просто вышвырнула меня вон, как будто я чужой.

Я совершенно не ожидала услышать от него такое. Возвращаясь к моему рюкзаку, чтобы положить тюбик крема с антибиотиком обратно в аптечку, я тереблю тюбик в руках.

– Я... – начинаю я и замолкаю, потому что понятия не имею, что на это сказать.

– Я понимаю, что это глупо. Ясное дело, ты имеешь полное право выгонять меня из своей комнаты в любое время. Просто я не привык... – На этот раз замолкает он сам.

– Ты хочешь сказать, что ты привык все время находиться в моей голове? – Я поднимаю бровь. Потому что я понимаю его. Правда понимаю.

Я думала, что буду в восторге, когда Хадсон отделится от меня, и по большей части так оно и есть. Но иногда случается, что я собираюсь чем-то поделиться с ним лишь для того, чтобы вспомнить, что его там уже нет.

Иногда я жалею, что его там нет, и почти чувствую себя одинокой без него.

И это всего лишь после пары недель вместе – тех, что я помню. Насколько же тяжелее это, должно быть, дается ему – ведь он помнит целых четыре месяца, которые мы провели

вместе. Я даже не могу себе этого представить.

– Да, возможно, мне этого немного не хватает, – соглашается он. От этого его сомнения мне становится еще хуже, как и от его нежелания смотреть мне в глаза.

– Прости, – шепчу я, проводя пальцами по его зажившей гладкой коже. – Я выгоняла не тебя. Я просто не могла выносить этого, мне было невозможно и дальше находиться в окружении всех этих вампиров с их тестостероном, пытающихся учить меня жизни. Это было слишком.

– Что ж, с этим не поспоришь. – Он опять улыбается своей лукавой улыбкой, и я тоже невольно улыбаюсь.

– Если от этого тебе станет лучше, то твой сэндвич с сыром был восхитителен.

– Правда? – На его лице написан скептицизм, но также и некоторая надежда.

– Безусловно. Он был очень вкусный.

Его плечи расслабляются.

– Я рад. Как-нибудь я сделаю тебе еще.

Я не знаю, что на это ответить, и поэтому просто улыбаюсь и киваю. Это наше сопряжение – даже если мы просто друзья – на удивление тяжелая работа. И в то же время нет.

Глава 37. Это точно чары

– Хорошего тебе дня, Грейс.

Голос преподавателя изобразительного искусства доктора МакКлири выводит меня из прострации, в которой я пребывала весь день, и я вижу, что я последняя ученица в классе. Все остальные уже собрали вещи и ушли.

– Извините, – отвечаю я с виноватой улыбкой и торопливо собираю рюкзак. Хорошо, что сейчас у нас обед, так что мне можно не беспокоиться о том, что я куда-то опоздаю.

Поскольку до следующего урока у меня есть целый час, я решаю вернуться в замок не по туннелям, а длинным путем. Сегодня прекрасный день, и я хочу, если получится, провести несколько минут на солнце.

Едва я выхожу из флигеля, как в лицо мне ударяет студеный ветер, но я игнорирую его. Это же Аляска, и на открытом воздухе все еще холодно. Но это легкий холод, такой, для которого хватит только худи и шарфа, а не такой, для которого надо натягивать бесчисленные слои одежек.

Однако согласно прогнозу завтра придет буря, так что надо пользоваться хорошей погодой, пока у меня есть такая возможность. И вместо того чтобы направиться напрямиком в замок, я обхожу вокруг флигелей и иду по дорожке, которая приводит меня к озеру.

На протяжении всего моего пребывания здесь оно было

сковано льдом, но теперь я вижу, что этот лед наконец растаял. Озеро снова стало озером.

Я останавливаюсь на минуту и делаю пару селфи на фоне воды и голубого неба. И отправляю их Хезер вместе с надписью: «На Аляске самое время позагорать».

Проходит всего несколько минут, и она присылает мне сообщение со своей фоткой в шортах и футболке на дощатом тротуаре в Мишн-Бич.

Хезер: Вот так нужно загорать

Я отправляю ей эмодзи с человечком, закатывающим глаза.

Хезер: Завидки берут?

Она присылает мне эмодзи, которое одновременно и смеется и плачет.

Я: Еще как

Она присылает мне еще одну фотку, на которой она стоит в очереди на старые американские горки, на которых мы, бывало, катались на пляже Малибу.

Хезер: Жаль, тебя тут нет

Я: Мне тоже

Хезер: Скоро я буду у тебя

Вот черт. Я совсем забыла, что она должна приехать ко мне на выпускную церемонию.

От злости на глаза наворачиваются слезы, потому что Сай-

рус испоганил и это. Сперва Хезер планировала приехать ко мне в гости на весенние каникулы, но я попросила ее отложить свой визит до конца учебного года. Однако теперь мне нельзя позволить Хезер явиться сюда и тогда – ведь в это время на кампусе будут находиться Сайрус и Далила, которые охотятся за мной.

Сайрус не побрезговал использовать человека, чтобы добраться до меня, и мне невыносима мысль о том, что с Хезер произойдет что-то плохое. Мои родители погибли из-за меня, и, если Сайрус что-то сделает с Хезер, я никогда себя не прощу.

Поэтому, несмотря на боль, я отправляю ей сообщение, которое наверняка разозлит ее.

Я: Ты не можешь приехать на выпускную церемонию

Хезер: Почему?

Я: Нам не разрешают принимать гостей

Это плохая отмазка, но я не знаю, что еще можно сказать. Не могу же я написать ей, что за мной охотится вампир, одержимый мыслью об убийстве.

Хезер: Если ты не хочешь, чтобы я приезжала,
достаточно просто это сказать

Хезер: Тебе нет нужды лгать

Я: Прости. Это плохое время

Я жду, когда она ответит, но она не отвечает, и я знаю – это значит, что она зла. И она имеет на это полное право, хотя я всего-навсего пытаюсь спасти ей жизнь. Может, написать

ей еще? Но мне нечего ей сказать. Поэтому я сую телефон в карман худи и начинаю долгий путь в замок. Однако едва я успеваю сделать несколько шагов, как в беседке на том берегу озера мелькает черно-лиловое пятно.

Поначалу я не обращаю на него внимания – ведь это может быть любой из учеников Кэтмира, – но, когда у меня начинает покалывать затылок, передумываю и присматриваюсь. И вижу Джексона, глядящего на меня с ограждения беседки.

Я не разговаривала с ним с тех пор, как выгнала из моей комнаты в субботу вечером, но это не значит, что мне не хочется с ним поговорить. Поэтому я улыбаюсь и машу ему рукой. Что он сделает: проигнорирует меня или помашет в ответ?

В конце концов он не делает ни того, ни другого. Вместо этого он спрыгивает с ограждения.

Но за считанные секунды огибает озеро и подходит ко мне.

– Привет, – говорю я, когда он останавливается в нескольких дюймах от меня.

– Привет. – Он не улыбается, но я уже начинаю к этому привыкать, хотя предпочла бы не иметь такой привычки.

Повинуясь порыву, я подаюсь к нему и обнимаю его – в основном потому, что иначе мне было бы неловко, но также потому, что я правда этого хочу. Ведь это Джексон, и, хотя от его взгляда мне становится зябко, я не стану отталкивать его. Ведь он как-никак сделал усилие, чтобы подойти ко мне.

У меня такое чувство, будто он терпит эти объятия так долго, как может – около десяти секунд – после чего отстраняется.

– Что ты делаешь тут? – спрашивает он.

– Наслаждаюсь хорошей погодой, прежде чем пойти на следующий урок. – Мы трогаемся с места, я окидываю его взглядом и поражаюсь тому, что он успел похудеть, хотя мы виделись всего пару дней назад. – А ты?

Он качает головой, чуть заметно пожимает плечами. И продолжает идти, притом так быстро, что мне приходится едва ли не бежать, чтобы угнаться за ним.

Мне не нравится неловкое молчание, повисшее между нами, поэтому я пытаюсь придумать, что сказать.

– Ты хорошо провел... – начинаю я, но тут же замолкаю, потому что знаю, как прошли его выходные. Он провел их при Дворе вампиров вместе со своими родителями, так что надо думать, не очень хорошо.

Незаконченное предложение продолжает висеть между нами, ожидая, чтобы я закончила его или чтобы он сгладил возникшую шероховатость.

Но он ничего не сглаживает уже несколько недель – с тех самых пор, как были разорваны узы нашего соприкосновения, и я вдруг начинаю так нервничать, что вообще не могу придумать, что сказать. Ничего, что можно было бы сказать этому парню, который прежде был моей парой.

Как же мне от этого тошно.

Что же с нами произошло? Куда подевались все наши разговоры ни о чем и обо всем? Куда подевались все наши чувства?

Не могли же они просто взять и исчезнуть, не так ли? Не может быть, чтобы они существовали только благодаря узам сопряжения. Некоторые из них не могли не быть настоящими – это относится к нам обоим.

Я знаю, мои чувства были настоящими. Иначе мое сердце не разрывалось бы при мысли обо всем том, что мы потеряли. Я сказала Хадсону, что хочу дать узам нашего сопряжения шанс, и говорила это серьезно. Но это не значит, что я не оплакиваю отношения с Джексонном. И не жалею, что мы не можем быть хотя бы друзьями.

«Что же с нами произошло?» – опять думаю я и тут же застываю, осознав, что произнесла это вслух.

Лицо Джексона закрывается еще больше – я думала, такое невозможно, если учесть, как он выглядел с тех пор, как я увидела его на другом берегу озера – и на минуту мне кажется, что он не только не ответит, но к тому же еще и уйдет.

Я его не виню. Мы оба лезем из кожи вон, делая вид, будто все идет более или менее нормально, так что это жест, что я вдруг отчебучила такое.

Но он не уходит и не игнорирует мои слова. Вместо этого он смотрит на меня этими своими темными глазами, которые сейчас отнюдь не холодны, и отвечает:

– Слишком многое.

Глава 38. Данные обещания, нарушенные обещания

Мне не хочется этого признавать, но он прав. Случилось слишком многое, чтобы все между нами могло быть нормально – как сейчас, так, наверное, и в будущем. Да, это жест, но я испытываю облегчение, когда он говорит об этом... что бы ни произошло потом.

– Что мы будем делать? – спрашиваю я, когда мы опять трогаемся в путь.

– То же, что и всегда, – отвечает Джексон. – Все, что необходимо, чтобы выжить.

– Не уверена, что это того стоит. – Мой разум бурлит, пока я пытаюсь придумать такую тему для обсуждения, которая не касалась бы наших отношений. Что-нибудь нейтральное, что-нибудь такое, о чем могут говорить расставшиеся партнеры, остающиеся друзьями. И останавливаюсь вот на чем: – По магической истории у меня накопилось столько несделанной работы, что выжить будет не очень-то легко.

Я жду, затаив дыхание. Пойдет ли Джексон мне навстречу? Есть ли шанс, что мы останемся друзьями?

Он отвечает не сразу, и какое-то время я слышу только один звук – звук наших шагов. Молчание затягивается, и в конце концов мне приходится выдохнуть воздух, и мои пле-

чи никнут из-за горечи всего того, что произошло. Из-за того, чем мы были и чем стали.

Но тут Джексон искоса смотрит на меня и спрашивает:

– Значит, этот предмет все еще напрягает тебя?

– Да, я знаю. Поверь мне, я понимаю, каким нелепым это кажется со стороны – закопаться в истории. Ведь мне вроде бы надо только читать и запоминать. Но на самом деле все куда труднее, потому что мы должны проанализировать все эти примеры и высказать свое мнение, а я понятия не имею, что о них думать, не говоря уже о том, что об этом писать.

– Полагаю, тяжело погружаться в тысячи лет истории, ничего о ней не зная, – говорит он.

– Дело не в этом. – Я с досадой всплескиваю руками. – Я знаю основные факты исторических событий – например, я знаю о Салемских ведовских процессах, – но новая версия этих событий, которую здесь преподают, так отличается от всего того, что я учила раньше, что мне трудно уложить это в голове.

Джексон сочувственно хмыкает.

– Да, похоже, это напряг.

– И еще какой. Узнавать, что то, что я считала фактом, на самом деле лишь мнение одной из сторон... – Жестом я показываю, как у меня взрывается мозг. – Это еще хуже, чем физика полетов, а она та еще жесть.

Джексон бросает на меня косой взгляд.

– Зря ты так сдерживаешься, Грейс. Тебе стоило бы ска-

зать мне, что ты чувствуешь на самом деле.

– Надо же, какие мы саркастичные. – Я показываю ему язык. – Выкуси.

– Вообще-то я не против. – Он подается вперед, оскаливает свои клыки, и я смеюсь. И отталкиваю его.

Но на секунду все ужасное будто куда-то уходит, и все становится как прежде.

Должно быть, Джексон чувствует то же самое, поскольку он спрашивает:

– Какое мороженое вампиры любят больше всего?

На сей раз уже я бросаю на него косой взгляд.

– Кровяной шербет?

Он смеется.

– Хорошая догадка, но нет. – Он делает паузу, затем говорит: – Вен-ильное.

Это лажа – та-а-кая лажа, – но на мгновение мне кажется, что Джексон стал прежним, и он так горд собой, что я не могу не рассмеяться.

– Это просто кошмар, полный кошмар. Но ты и сам это знаешь, не так ли?

– Эта шутка рассмешила тебя.

– Похоже, мне нравится все кошмарное.

Он закатывает глаза.

– Да-а, в последнее время это заметно.

Сейчас он прошелся по Хадсону, и в обычных обстоятельствах я бы не преминула наехать на него за этот намек, но

пока все идет так гладко, что я просто-напросто тоже закатываю глаза и шагаю дальше.

– Знаешь, если тебе нужна помощь в магической истории, то обращайся, – говорит Джексон после того, как мы проходим четверть мили молча. – Правительнице обязательно надо знать историю сверхъестественных существ.

– А, ну да. Еще бы. – Может, лучше отказаться от его помощи – ведь мне не хочется раскачивать лодку. Но конец семестра все ближе, и я начинаю психовать. – Это было бы классно. Спасибо. Большое спасибо.

На лице Джексона отражается некоторая неловкость – то ли от того, что он предложил мне свою помощь, то ли от того энтузиазма, с которым я приняла ее, – но ситуация слишком отчаянная, чтобы позволить ему соскочить с крючка.

И вместо этого я говорю:

– Когда мы начнем?

Он пожимает плечами.

– Когда захочешь.

– Сегодня, во второй половине дня, я буду свободна, если свободен ты.

– Пока нет, – отвечает он, покачав головой. – Но могу освободиться. Дай мне все разрулить, и я напишу тебе.

Я начинаю чувствовать себя виноватой.

– Ты не обязан это делать. Я могу...

Он обрывает меня многозначительным взглядом.

– Ты больше не можешь говорить мне, что я могу делать,

а что не могу.

– Ага, – фыркаю я. – Потому что между нами так было всегда.

Он улыбается, но больше ничего не говорит, пока мы не доходим до той дорожки, которая приведет нас в замок.

– Как у тебя дела вообще? – спрашивает он. – Я имею в виду, как дела у тебя и Хадсона?

Кажется, это вопрос с подвохом, такой, который разрушит хрупкий мир, установившийся между Джексонем и мной. С другой стороны, он имеет право знать больше, чем любой другой в школе.

Я вздыхаю.

– Это сложно.

– Он вообще сложный малый. – Джексон выгибает бровь. – Но я говорил обо всей этой истории с арестом. У вас есть какой-то план?

– Ты имеешь в виду, помимо поисков Кузнеца? – Я качаю головой. – Нет, никакого плана у нас нет.

Он кивает, сглатывает. Затем спрашивает очень тихо:

– Вам нужна помощь?

– В поисках Короны? – Я поворачиваюсь к нему, чтобы лучше видеть выражение его лица. – Мне казалось, что тебе не нравится эта идея.

– Верно, она мне не нравится. – Он кривит рот, и его шрам становится заметнее. – Но еще больше мне не понравится, если ты и мой брат отправитесь в тюрьму, так что, думаю,

нам нужно попробовать.

– Даже если из этого ничего не выйдет?

– Что я слышу? – Он изображает шок. – Мрачные предчувствия? От тебя?

Я тыкаю его локтем в бок.

– Время от времени это случается и со мной.

– Ну тогда перестань. Пессимизм – это по моей части, а твоя роль состоит в том, чтобы убеждать меня, что все не так плохо. К тому же в выходные на меня обрушилось столько дурных новостей, что мне их хватит надолго.

Это понятно, ведь он только что провел пару дней, собирая разведданные при Дворе Вампиров, но от этого не легче, и мне все равно тяжело это слышать.

– Все действительно так плохо? – спрашиваю я.

– Да, – угрюмо отвечает он. – Сайрус просит всех вокруг об ответных услугах и злится, если эти услуги ему оказывают не в тот самый момент, когда он требует их. Круг разрушен – ведьмы и драконы объединились против вампиров и человековолоков.

– Мне казалось, так было всегда. – Напряжение между ними чувствовалось и во время турнира Лударес, и во время Испытания, которое придумал для меня Сайрус. И я решила, что это нормальное положение дел.

– До некоторой степени так оно и было. Наш Круг определенно работает не так слаженно и сплоченно, как некоторые другие, но так плохо, как сейчас, не было еще никогда.

Во всяком случае, на моей памяти. И Сайрус жаждет крови.

– Да, я знаю. Моей крови. – Я пытаюсь разрядить атмосферу, но у меня это не получается, если судить по взгляду, который бросает на меня Джексон. И если судить по тому холоду, которым сейчас опять стало веять от него.

– Мы этого не допустим, – говорит он. – Вы с Хадсоном и так уже достаточно страдали. Но так или иначе, нам предстоит война. Мы просто должны подготовиться к ней.

– А как именно мы должны это сделать? – спрашиваю я. – Вообще-то я немного занята попытками закончить школу и разобраться с узлами моего сопряжения. У меня нет времени воевать.

Судя по выражению его лица, эффект от моей второй шутки оказался таким же, как и от первой. Правда, тема моей безопасности никогда не казалась Джексону смешной. И я не могу его в этом винить, ведь я всегда так же относилась к нему самому.

– Так что же мы станем делать? – спрашиваю я.

Он качает головой.

– Этого я еще не знаю. Но мы что-нибудь придумаем, я тебе обещаю.

– Надо же. Неужели Джексон Вега демонстрирует оптимизм во второй раз за это утро? Что об этом подумает вселенная?

– Я ей не скажу, если не скажешь и ты.

Я смеюсь, хотя я и не уверена, что он шутит. И все же я

поддразниваю его еще – что угодно, лишь бы растопить этот его холод, – но замолкаю, заметив, что мы дошли до крыльца замка.

Он начинает подниматься по ступенькам, но я останавливаю его, положив руку на его предплечье.

– Спасибо, – шепчу я.

– За что? – Он бросает на меня настороженный взгляд.

– За... все, – говорю я, не в силах произнести что-то еще, поскольку у меня сжимается горло, и горечь от того, что мы потеряли, смешивается с надеждой на то, что мы еще можем восстановить нашу дружбу.

Повинуясь порыву, я обнимаю его опять и на этот раз притягиваю его лицо к своему, и наши холодные щеки соприкасаются. Поначалу он не отзывается, но мне все равно.

– Мне не хватает тебя, – шепчу я, прижимая его к себе еще на несколько секунд. В моих словах нет двойного дна, и я знаю, что он меня понимает. Я бы никогда не стала вводить его в заблуждение, но он заслуживает знать, что его дружба значит для меня так же много, как значили узы нашего соприкосновения.

Его руки крепко обвивают меня, но он не отвечает мне тем же. Собственно, он вообще ничего не говорит. Но он все же обнимает меня еще несколько секунд, прежде чем отпустить. Я считаю это победой – пока не вижу его пустое лицо и не понимаю, что все то, чего я, как мне казалось, смогла добиться во время нашей прогулки, оказалось обнулено.

Это обескураживает, бесит, и мне ужасно хочется наорать на него. Спросить его, почему он это делает, почему он ведет себя со мной так, хотя я ничем этого не заслужила.

Но он уже отошел так далеко, что я понимаю – ему все равно, что я скажу. Он меня не услышит.

И вместо того чтобы продолжать унижаться, я улыбаюсь и машу ему рукой точно так же, как и тогда, когда увидела его в беседке, затем начинаю подниматься по ступенькам, говоря себе, что у меня слишком много дел, чтобы беспокоиться из-за парня, который ясно дал мне понять, что ему от меня нужно либо все, либо ничего – и который предпочел «ничего».

Но, открыв дверь Кэтмира, я понимаю, что мы столкнулись с куда большей проблемой, чем то, что происходит между Джексоном и мной. Потому что все ученики в вестибюле и комнате отдыха замерли в ожидании и смотрят, как три человековолка окружили Хадсона и сужают круг, нацелившись на него.

Глава 39. Не все коту масленица

– Прекратите! – кричу я и бросаюсь в круг человековолков, но Джексон снова оказывается рядом со мной и крепко сжимает мою руку.

– Пусти меня! – кричу я и пытаюсь высвободить руку.

– Не могу, – отвечает он. – Если ты бросишься туда, то выставишь его слабым.

– Он и правда слаб, – рычу я. – Он лишен своей магической силы. – Похоже, это была плохая идея, и мой дядя был очень и очень неправ.

– Поэтому они и пытаются напасть на него, – буднично говорит Джексон. – По их мнению, сейчас для этого самый удобный момент. Он должен побить их сам, иначе это дерьмо будет происходить постоянно.

– А что, если он не может? – кричу я, когда один из нападающих на него человековолков начинает превращаться, так что тело у него еще по большей части человеческое, но голова волчья и зубы тоже. – Что, если они ранят его?

Джексон устремляет на меня оскорбленный взгляд – точно так же на меня на днях посмотрел в библиотеке Хадсон, дав мне понять, что это святотатство – думать, что вампир не может сразиться с тремя человековолками и победить исключительно за счет своей крутизны.

Но мне не нравится неопределенность. Тем более что

многие ученики столпились вокруг и подбадривают человековолков, а Хадсон не отступает.

Он невозмутимо стоит, окруженный Марком (мне следовало уничтожить этого мудака на игровой арене, когда у меня была такая возможность) и двумя другими человековолками, которых я видела на уроках, но имен которых я не знаю.

При этом вид у Хадсона веселый и довольный, что могло бы успокоить меня, если бы его веселье так не бесило человековолков. И если бы он воспринимал угрозу всерьез.

Но это явно не так, хотя все трое стоят на расстоянии вытянутой руки от него. Я сосредоточиваюсь и пытаюсь мысленно внушить ему, чтобы он немедленно прекратил вести себя подобным образом и ушел, но он не делает ни того ни другого. Может, стоит связаться с ним, пользуясь узами нашего соприкосновения, дать ему знать, что я здесь? Но я боюсь отвлечь его.

Нельзя дать этим троим повод перестать играть с ним, как коты с мышью, и наброситься на него всерьез. Но это не значит, что меня устраивает положение, при котором я вынуждена стоять в задних рядах – слишком далеко, чтобы прийти ему на выручку, если понадобится моя помощь.

– Ты можешь отпустить меня, – тихо говорю я Джексону. – Я не стану встречать.

Джексон колеблется, но, видимо, решает, что я говорю серьезно, поскольку его хватка заметно ослабевает, хотя меж-

ду нами и висит невысказанное «пока не стану». Я не стану вступать между ними. Пока.

Чувствуя, что рука Джексона на моем предплечье скорее поддерживает, а не удерживает меня, я начинаю пробираться сквозь все прибывающую толпу, пока почти не дохожу до первых рядов. Но когда мы с Джексонсом пытаемся пробиться в самый передний ряд, группа человековолков преграждает нам путь.

Если мы не хотим затеять нашу собственную драку, нам придется остаться здесь и не приближаться.

– Ничего, все путем, – шепчет мне Джексон, когда малый с волчьей головой подается вперед и щелкает зубами в нескольких дюймах от лица моей пары.

Я подавляю крик, видя, как Хадсон уклоняется и насмешливо поднимает бровь.

– Неужели ты думаешь, что это меня впечатлит? Я уверен, что твои блохи и то кусаются сильнее.

– Зачем он задирает их? – стону я. Когда Джексон в последний раз подрался с человековолками, он просто взял и надрал им задницы. Смотреть на ту схватку было страшно, но это... это намного, намного хуже. Тревога за Хадсона, которому придется сразиться с ними, будучи лишенным своей магической силы, убивает меня.

Джексон фыркает.

– Да ладно. Ты что, не знаешь моего брата?

Он прав, но от этого мне не легче смотреть на все это. Осо-

бенно когда человековолк опять бросается вперед – и оказывается в такой близости от Хадсона, что тот наверняка успевает почуять запах его дыхания, прежде чем перенестись на несколько шагов.

На сей раз поднимаются уже обе его брови, когда он смотрит на свое плечо.

– У тебя в семье парша передается по наследству? – спрашивает он, смахнув с плеча клочок волчьей шерсти. – Потому что, если это не так, тебе надо бы полечиться.

Все три человековолка рычат так громко, что звук отдается по всему вестибюлю. У меня сосет под ложечкой, я чувствую, как учащается пульс, как какая-то тяжесть давит на грудь, как во мне зарождается паника.

– Ему надо положить этому конец, – говорю я Джексону неестественно тонким голоском.

– Что ему действительно надо, так это перестать валять дурака и надрать их жалкие задницы, – рычит Джексон. Значит, все это напряжение достало и его.

– А что, если он не может? – шепчу я, глядя, как Хадсон уклоняется от еще одной атаки и по-прежнему не отвечает. – Может быть, для этого ему нужна его магическая сила...

– Как же мало ты веришь в свою пару, Грейс. – Я вздрагиваю, услышав голос Мека за моим плечом.

– Дело не в том, что я не верю в него, – парирую я, даже не оглянувшись. Мне страшно, я боюсь, что Хадсона разорвут на куски, если я хотя бы моргну. – Дело в другом – я не верю,

что у этих волков есть хоть капля чести.

– С этим не поспоришь, – соглашается Мекай и становится сбоку от меня, а Лука и Флинт занимают позицию сзади. Не знаю, что у них на уме – готовятся ли они защищать меня или собираются вмешаться, если Хадсону понадобится их помощь. Как бы то ни было, я благодарна им за то, что они здесь – несмотря на то, что их огромные тела вытеснили из окружающего пространства весь воздух.

– Хадсон справится, Грейс, – шепчет Флинт мне на ухо.

Я подавляю рвущийся из горла крик, когда Волчья голова бросается на Хадсона еще раз. Но тот и бровью не ведет, а просто смотрит на толпу и спрашивает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.